БОЛГАРИЯ И РОССИЯ

XVIII – XXI вв.

СТЕРЕОТИПЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, БЫТОВАНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ

Москва 2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII – XXI ВВ.) СТЕРЕОТИПЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, БЫТОВАНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ

МОСКВА
2019

УДК 94, 8-9
УДК 821.161.1-162
ББК 63.3
ББК 84 (4Бол-2Рос=Рус)
Б79

Российская редколлегия

Болгарская редколлегия

Ответственные редакторы

профессор, д.ф.н. *И.И. Калиганов*

профессор, д.ф.н. *Р. Дамянова*

Члены редколлегии

проф., к.ф.н. *Е.С. Узенёва*

д.и.н *В.И. Косик*

зам. отв. редактора, доктор *Р. Русев*

отв. секретарь, доктор *Н. Пытова*

Рецензенты

профессор, д.ф.н. *Т.И. Радомская*

д.иск. *Н.В. Злыднева*

Б79 **Болгария** и Россия (XVIII — XXI вв.). Стереотипы: возникновение, бытование, разрушение. — М.: Институт славяноведения РАН, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-7576-0427-5 DOI: 10.31168/0427-5

Данный труд завершает серию из трёх научных сборников, подготовленных коллективами болгарских и российских ученых преимущественно из Института литературы Болг. академии наук и Института славяноведения РАН под общей рубрикой «Болгария и Россия. XVIII–XXI вв.». Подзаголовок последнего сборника звучит как «Возникновение, бытование и разрушение стереотипов», и это отразилось на характере публикуемых в нём статей. Их авторы затрагивают широкий спектр научных проблем, начиная от традиционных представлений о жене в болгарских пословицах и поговорках и кончая вымыслами русофобов в современной Болгарии. Разработка в нём ряда тем является новаторской для Болгарии и России. К ним, в частности, относятся исследования о вкладе русских белоэмигрантов в болгарскую культуру и о героях романа М. Шолохова «Тихий Дон», прототипами которых были реальные исторические лица, оказавшиеся в эмиграции в Болгарии. Ряд статей посвящен восприятию Болгарии и болгар русскими людьми, которые попали в страну в период русско-турецких войн XVIII–XIX вв. или литературной деятельности болгар, учившихся в учебных заведениях России. Небольшой раздел составляют и статьи, открывающие неожиданные стороны творчества, казалось бы, известных болгарских авторов. Труд предназначен не только для узких специалистов, но и для всех, кто проявляет интерес к проблемам истории и культуры Болгарии и России.

УДК 94, 8-9
УДК 821.161.1-162
ББК 63.3
ББК 84 (4Бол-2Рос=Рус)

© Составители: И.И. Калиганов, Р. Дамянова, Е.С. Узенёва, Р. Русев, В. Косик, Н. Пытова
© Предисловие: И.И. Калиганов
© Институт славяноведения РАН
© Институт литературы БАН

ISBN 978-5-7576-0427-5
DOI: 10.31168/0427-5

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Калиганов. Предисловие:
Книги как памятники своего времени 5

Камен Михайлов. Ранняя русская военная мемуаристика.... 23

Николай Аретов. И снова о многообразии образов
России в болгарской книжности XIX в. 39

Румяна Дамянова. Георгий Казак — экзотическое
русское присутствие в болгарском XIX веке 54

Николета Пытова. Полемическое начало
в публицистике Каравелова 66

Марина Фролова. Александр II на Балканском
фронте 1877 г.: шоры историографии 82

Игорь Калиганов. Репортажи о русско-турецкой войне
1877–1878 гг. на Балканах военкора Л.В. Шаховского..... 112

Илия Тодев. И на Шипке не всё спокойно 138

Сава Сивриев. Иван Вазов об открытом письме
Леонида Андреева «Торгующим во храме»..... 147

Петр Искендеров. Россия и Болгария в контексте
Балканских войн 1912–1913 гг. 160

Никита Гусев. Восприятие Болгарии и Сербии
в 1912–1913 гг. русскими наблюдателями:
стереотипы и слепые зоны..... 182

Виктор Косик. Размышления на тему альтернативных
вариантов развития болгарской истории 201

Радостин Русев. Мифологемы русского символизма
в поэзии Теодора Траянова..... 212

Христо Манолакев. Русская эмиграция
и рецепция русской литературы в Болгарии 227

Радослава Илчева. После «Тихого Дона».
Герои М.А. Шолохова в Болгарии 237

Нина Пономарева. Сибирь глазами Йордана Радичкова 266

Мария Китанова. Особенности национального
менталитета в болгарских пословицах о жене 280

Авторы и переводчики сборника 298

Именной указатель 306

Summary 314

Содержание I и II сборников мегапроекта 315

И.И. КАЛИГАНОВ DOI: 10.31168/0427-5.1

КНИГИ КАК ПАМЯТНИКИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Каждая книга, будь она рукописная или печатная, заключает в себе историко-культурный и историко-информативный код, Он отражает определенный уровень накопления человечеством знаний в области культуры, науки, книжного репроизводства и таит в себе другие отличительные черты своего времени. По внешнему виду и содержанию средневековой рукописи, например, можно относительно точно определить, когда она была создана, даже если в ней содержатся сочинения более ранних эпох. Хронологическими маркерами здесь могут служить язык, типы почерка, материал переплета, застежки, обрез тетрадок, водяные знаки бумаги, история текстов помещенных в рукописи произведений и т.д. То же самое относится и к книгам печатным. Благодаря датирующим признакам время издания печатной книги можно приблизительно восстановить в пределах хронологической погрешности 20–30 лет, даже если у нее будут утрачены листы с выходными данными. Еще более точная датировка возможна по содержанию книги научной. Во-первых, такие издания отражают уровень развития той или иной области науки как минимум в пределах десятилетия, а во-вторых, исследователи, как правило, стремятся учесть в своей работе новейшие научные разработки, и ссылки на них сужают хронологические ножницы предполагаемого выхода книги до двух — трех лет.

Книга, которую вы взяли в свои руки, тоже отражает черты своего времени. Она интересна тем, что представляет собой завершающий выпуск серии из трех сборников исследований болгарских и российских ученых, осуществленных ими

на протяжении последних 12 лет. Они вышли под общим названием «Болгария и Россия (XVIII–XXI вв.)», однако каждый выпуск имеет конкретный подзаголовок. Это был своего рода мегапроект, в котором приняли участие 42 исследователя, создавшие в его рамках 70 научных работ.

Начало данной серии положил вышедший в Москве в 2010 г. сборник с подзаголовком «Взаимопознание», который был подготовлен учеными институтов литературы Болгарской АН и славяноведения РАН. Он является самым объемным, что вполне понятно. Произошедшие в последнем десятилетии XX — начале XXI в. политические и экономические катаклизмы в двух странах — «перестройка» в России и «переход» в Болгарии — приостановили традиционно прочные научные связи между двумя академиями наук. Резко сократился научный взаимообмен, командировки ученых за рубеж стали редкими, почти перестали выпускаться совместные научные сборники. Поэтому появление в 2006 г. двустороннего научного проекта (название которого повторил вышеупомянутый сборник) было встречено российскими болгаристами и болгарскими русистами с большим энтузиазмом.

В состоявшейся в рамках проекта научной конференции под названием «Болгария и Россия. XVIII–XX вв. Представления и реальность» (София, 2007) и в создании упомянутого сборника приняли участие в общей сложности 27 исследователей: 19 болгарских, 7 российских и один молдавский. Статьи болгарских авторов в нем были опубликованы в русском переводе и снабжены резюме на болгарском языке. Объем сборника получился большим, чем планировался, из-за неожиданной смерти его главного редактора с российской стороны, д.ф.н. Г.Д. Гачева. Он был болгарином по отцу и пользовался в Болгарии большой известностью. Поэтому группа из восьми болгарских ученых решила почтить его память, опубликовав о нем в сборнике свои воспоминания. Г.Д. Гачев не успел выполнить свою редакторскую работу. Вместо него ее проделал видный российский болгарист, иностранный член Болгарской АН, д.ф.н. Г.К. Венедиктов. Но он наотрез отказался от предложения участников проекта стать главным редактором сборника, и на

обороте его титульного листа скромно представлен лишь в качестве члена редколлегии. К этому следует добавить, что в первом сборнике была опубликована и авторская статья указанного ученого, речь о которой пойдет ниже.

Уже первый сборник стал свидетельством сдвигов, начавшихся после «перестроек» в болгарском и российском литературоведении. Зримые новации присутствуют даже в статьях, посвященных такой традиционной теме, как русско-болгарские литературные связи XVIII–XX вв. Это хорошо иллюстрирует, например, статья Дечки Чавдаровой[1] об отношении Ивана Вазова к России. Внимание исследователей ранее обычно сосредоточивалось главным образом на русофильских чувствах болгарского классика — здесь же автор показывает их неоднозначность. Она прослеживает, как Иван Вазов — этот создатель хрестоматийных, сакральных, мифологизированных образов Великой освободительницы болгар России и царя-освободителя Александра II — под влиянием жестокой политической реальности постепенно изменяет свое прежнее отношение к болгаро-российским связям и к державе-кумиру. Такая трансформация русофильских чувств у И. Вазова была неизбежной из-за неспособности России осознать освободительный со стороны болгар характер Балканских войн 1912–1913 гг. Этот новый угол зрения на проблему впервые был явлен в работе известной исследовательницы М. Цаневой, на которую неоднократно ссылается Д. Чавдарова.

Первый сборник также известил российского читателя о начале разработки в Болгарии историко-культурного пласта, связанного с пребыванием в стране многочисленной русской белой эмиграции. Октябрьский переворот 1917 г. и развязанная вслед за ним Гражданская война вытолкнули за рубеж несколько миллионов русских людей, среди которых находились сотни ученых, писателей, журналистов, театральных деятелей и художников. Многие из них осели в Болгарии, которая стала для них второй родиной. Они преподавали

[1] Мы не приводим здесь полные названия статей авторов, поскольку содержание 1 и 2 российско-болгарских сборников упомянутой серии дается нами в Приложении в конце данного издания на с. 315–319.

в Софийском университете им. Климента Охридского и других вузах, играли на софийских театральных сценах, издавали газеты, общественно-политические и литературные журналы, публиковали на их страницах стихи и прозу, участвовали вместе с болгарами в проведении культурных мероприятий, связанных с юбилеями знаменитых русских писателей. До начала 90-х годов XX в. затрагивать эти темы болгарским и советским исследователям по идеологическим соображениям запрещалось. Снятие данного запрета закономерно привело в Болгарии к сдвигам в этом направлении (и болгарская сторона была здесь гораздо активнее, потому что белоэмигрантские болгарские издания и архивы были для российских исследователей малодоступны).

Доказательством этому служит открывающая первый сборник статья Радостина Русева о русских эмигрантских изданиях в Болгарии 1920-х годов. Ученый анализирует содержание одноразового выпуска «День русской культуры» (Варна, 1926), газеты «Русская речь» (1921–1922), сборника «Русские в Болгарии», изданного в Софии в 1923 г. Обществом болгаро-русской дружбы, газеты «Русское эхо» и другие материалы. Не упустил автор из виду и болгарские периодические издания с общеславянской и русской проблематикой: газеты «Славянски глас», «Славянски календар» и «Славянска библиотека». Их выпускало болгарское «Славянское общество», которое взяло на себя роль своеобразной консульской службы, решавшей социальные и политические проблемы русской белой эмиграции. По справедливому выводу Р. Русева, русские эмигранты в Болгарии внесли большой вклад во взаимное познание двух наших славянских народов и в популяризацию культурных достижений болгар в Европе посредством перевода памятников болгарского фольклора и литературы на русский язык, который был гораздо более распространен в Европе по сравнению с языком болгарским.

Рассматриваются в этом сборнике отношения болгар и русских в 20-е — 40-е годы XX в. и в ином плане. В статье И.И. Калиганова анализируется не то, что сближало два народа в указанный исторический период, а наоборот — то, что

способствовало их разобщению. В этой связи автор вглядывается в негативный образ большевистской России, который формировали у болгар газеты, брошюры и небольшие книги болгарских германофилов и русофобов. В такой «литературе» присутствовало много лжи и передергивания фактов из жизни Советской России, но наряду с этим в ней порой всплывало довольно много реалистичных картин о незавидном положении людей при тоталитарной власти большевиков. Это и нищета подавляющего большинства населения страны, и отсутствие нормального жилья, и социальное и политическое лицемерие власть предержащих, и жестокость, с которой они пресекали малейшие проявления народного недовольства, с легкостью подписывая приказы о физическом уничтожении несогласных. Рисуемые в подобных изданиях картины реализации бесчеловечного большевистского кредо «Власть всё — человек ничто», разумеется, не могли вызвать у болгарских читателей чувство симпатии к России (СССР) тех лет.

Новые веяния в болгарском литературоведении чувствуются и в статье шуменского автора Красимира Кунчева о народных болгарских обычаях, азиатском адате, шариате и поэме Г.С. Раковского. «Переход» в Болгарии повлек за собой расшатывание или полную утрату прежних политических, идеологических и другого рода ориентиров. По собственному признанию К. Кунчева, при изучении литературных текстов его уже не удовлетворяет использование традиционных литературоведческих методов — он чувствует необходимость привлечения фактов истории, социологии, политологии и антропологии. Вслед за этим заявлением он пытается соединить воедино Задунайскую и Волжско-Камскую Болгарию на основе мнимого сходства исторических судеб этих государств. Болгары и «булгары», по его утверждению, подвергались геноциду со стороны Османской и Российской империй, причем последняя вела себя к «булгарам» более жестоко, чем турки к болгарам задунайским.

К. Кунчев словно забывает о том, что ничего, кроме частичной генетической общности в далеком прошлом, эти два народа по мере дальнейшего исторического развития уже не

связывало. На завоеванных булгарами землях на значительном удалении друг от друга образовались два различных государства, не имевших между собой тесных политических, экономических и культурных контактов. Нет данных и о каких-либо заключавшихся между Задунайской и Волжско-Камской Болгариями военных союзах. Под воздействием включенных в состав этих государств этносов и культур своих соседей болгары и булгары стали разговаривать на разных языках (славянском и тюркском), пользоваться неодинаковой письменностью (славянской и арабской), придерживаться разных религиозных вероучений (христианство и ислам). Не наблюдается сходства (кроме древнейшего периода) и в развитии у болгар и булгар материальных культур. Несмотря на это, болгарский автор безоговорочно ставит знак равенства между двумя названными народами. Его блуждание в нагромождениях исторических фактов и мнений (подчас откровенно националистических) вызывает у читателя чувство удрученности. Оно заставляет вспомнить канун и период Второй мировой войны, когда некоторые болгарские псевдоисторики пытались доказать, что бывшие по крови ариями и пришедшие на Балканы из глубин Азии болгары численно преобладали над задунайскими славянами и превосходили их по уровню культурного развития Тогда это было понятно, потому что Болгария стала союзником фашистской Германии, а та готовила полное или частичное уничтожение славян как представителей «низшей» расы.

Остальные статьи первого сборника выдержаны в традиционном литературоведческом ключе: они посвящены либо болгаро-русским литературным связям, либо анализу конкретных литературных произведений болгарских и русских писателей. Это статьи Г. Гачева об образе болгарина у «западника» И.С. Тургенева и славянофила К.Н. Леонтьева, болгарского исследователя Яна Милчакова о забытых литературных культах А.Н. Апухтина и М.П. Арцыбашева, работы российских ученых Н.Н. Пономаревой о комедиях Йордана Радичкова и Станислава Стратиева и Г.К. Венедиктова о первых болгарских книгах XIX столетия в Москве. Это статья о русской ли-

тературе и возникновении болгарского романа, написанная Данчо Господиновым, и исследование Н.В. Злыдневой о творчестве Гео Милева и влиянии на него русского авангарда, работа о болгарской музыке в России В.Н. Федотовой. Мы не будем перечислять названия остальных статей и их авторов, поскольку всё это, как уже отмечалось, приводится в Приложении к третьему российско-болгарскому сборнику.

* * *

После завершения первого проекта почти сразу же началась работа над новым, который представлял собой его своеобразное продолжение. Хронологические границы исследований при осуществлении второго проекта были немного расширены, обновлены были его название и подзаголовок. Они стали звучать следующим образом: «Болгария и Россия. XVIII–XXI вв. Утопии, образы и модели». На эту тему в Софии в 2011 г. состоялась российско-болгарская научная конференция, а позднее в Болгарии вышел совместный сборник под названием «Болгария и Россия. XVIII–XXI вв. Пути и Перепутья» (София, 2017). Статьи болгарских авторов в нем были опубликованы на болгарском языке, а российских — на русском. Резюме болгарских статей приводятся на русском языке, а русских — на болгарском. В составах двух редколлегий произошли изменения: в болгарской Р. Русев сделался заместителем главного редактора Румяны Дамяновой, Николета Пытова — секретарем сборника, кроме того, в состав редколлегии был введен новый член — Камен Михайлов; российскую редколлегию возглавил И.И. Калиганов, и в связи появлением среди российских участников сборника историков и языковедов в состав редколлегии вместо литературоведов Н.Н. Пономаревой и М.Г. Смольяниновой были введены историк В.И. Косик и лингвист Е.С. Узенёва. Оба предисловия к сборнику (одно на русском, а другое на болгарском) написала Р. Дамянова.

* * *

Во втором сборнике приняли участие со статьями 19 ученых: шесть российских и 13 болгарских. Две статьи участни-

ков сборника, одна болгарского, а другая — российского, являются лингвистическими и посвящены влиянию российской лингвистики на болгарскую во второй половине XX в. (М. Китанова) и категории *дистанции* и *л*-форме в болгарских сообщениях о России второй половины XX в. (М. Макарцев). Сами по себе они очень интересны, но, разумеется, не определяют лицо сборника. Тон его задает начальная статья сборника, написанная болгарским историком Илией Тодевым, о русском «Болгарском проекте», т.е. о том, какой, по замыслу России, должна была стать Болгария после освобождения ее от турецкого господства. Автор пытается ответить на вопрос, являлся ли этот проект утопией или упущенной возможностью движения болгар по магистрали Истории. В центре его внимания находятся варианты решения болгарского церковного вопроса (самостоятельность Болгарской церкви со своим патриархом, как при царе Симеоне, или пропорциональное представительство болгар в Константинопольском патриаршем совете?), этническая принадлежность будущего князя освобожденной Болгарии и ее место в возможной Балканской православной федерации и различие подходов к этим проблемам болгар и русских.

Работа И.И. Калиганова тематически связана с юбилеем освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и посвящена анализу содержания литературно-художественного сборника «Герои Шипки», выпущенного в СССР к столетию со дня освобождения Болгарии от османского господства.

В следующей за ней статье болгарского ученого К. Михайлова выдвигается положение, что после освобождения Болгарии от османского ига при строительстве болгарского государства его русские «проектировщики» пытались воплотить в жизнь те идеи, реализация которых была невозможна в тогдашней России. Они касались формировавшихся в стране правовой демократической базы, судопроизводства, принципов градоустройства, организации инженерных коммуникаций, системы здравоохранения и военного строительства.

Что же касается исследования российского ученого В.И. Косика о «русском вопросе» в Болгарии, то она посвящена не-

однозначному и изменчивому отношению болгар к России и противостоянию в их среде русофилов и русофобов. Последнее началось еще до освобождения Болгарии от османского ига и не прекращалось до конца правления последнего болгарского царя Бориса III включительно. Автор иллюстрирует это противостояние через поведение и поступки известных болгарских лиц, относящихся к двум противоположным лагерям, и приходит к выводу, что русофобство было в основном присуще властной верхушке, не без основания полагавшей, что политика России в отношении Болгарии была проникнута стремлением ограничить ее свободу в принятии политических решений. В то же самое время основная масса болгар относилась к русским с симпатией, что особенно проявилось в периоды пребывания в стране представителей нескольких волн русской эмиграции и том факте, что русофобство в Болгарии не отражалось на восприятии болгарами русской культуры.

К этому блоку хронологически содержательно примыкает и статья Р. Дамяновой о болгарской публицистике второй половины XIX в. (которая по непонятной причине попала в конец сборника и следует после работ, посвященных болгаро-русским взаимоотношениям и контактам в XX–XXI вв.). Она иллюстрирует неодинаковое отношение болгар к русскому языку, русскому влиянию и внешней политике России, в том числе и ее позиции к Болгарии.

Научные публикации Г.К. Венедиктова и М.Г. Смольяниновой касаются культурной и литературной деятельности болгар, находившихся в Москве в первой половине XIX в., и их контактов с московскими славянофилами того времени. В первой из них затронута такая известная личность, как Георгий Бусилин — первый болгарский студент Московского университета и создатель изданного в Москве «Болгарского букваря». Во второй рассказывается о болгарских студентах в Москве: Найдене Герове, Николе Катранове, Любене Каравелове, Райко Жинзифове — и говорится о славянофилах А.С. Хомякове, братьях Аксаковых, братьях Киреевских и др. А исследовательница Лиляна Минкова остановилась в своей работе на деятельности первого болгарского выпускника

Санкт-Петербургского университета Константина Петковича — филолога, переводчика, поэта и дипломата второй половины XIX в.

Присутствует во втором сборнике и то новое научное направление, которое было обозначено в первом сборнике: изучение русского белоэмигрантского литературного и культурного присутствия в Болгарии. Оно представлено статьями двух болгарских ученых — Радославы Илчевой и Христо Манолакева. В первой из них речь идет о созданном во время Первой мировой войны Корниловском полке, названном по имени его командира Лавра Георгиевича Корнилова. Этот военачальник стал символом белого движения и воспринимался в Советской России как самый ее непримиримый и яростный враг. Объектом исследования в статье послужила летопись (дневник) героических дел полка и его мирных будней во время Первой мировой и Гражданской войн и после эвакуации корниловцев из Крыма и пребывания их с 1921 г. в Болгарии. Значительное внимание в исследовании уделено культурно-просветительской деятельности корниловцев на новой родине, участию их в борьбе против фашизма в период Второй мировой войны и трагической судьбе тех, кто попал в руки СМЕРШ и был осужден в СССР как «враг народа».

Статья Х. Манолакева посвящена деятельности в Софии русского эмигранта К.В. Мочульского, который в 1920–1922 гг. читал курс лекций по западноевропейским литературам в Софийском университете им. Климента Охридского. Автор реконструирует биографию ученого и очерчивает софийский круг русских интеллектуалов, в который входили юристы И. Сазонов и П. Богаевский, врачи В. Завьялов и А. Медведев, историки Н.П. Кондаков и М.Г. Попруженко, богословы Г. Глубоковский и Г.В. Флоровский и др. Кроме того, в статье анализируются научные публикации К.В. Мочульского в русской эмигрантской и болгарской периодике того времени. Выявлена в статье и роль ученого в распространении среди болгар знаний о русских символистах и акмеистах.

Весьма любопытна и статья Р. Русева, свидетельствующая об ослаблении взаимного тяготения между болгарами и рус-

скими в конце XX — начале XXI в. Автор привлекает материалы современной русской художественной прозы и констатирует почти полное исчезновение в ней болгарских образов, тем и реалий. Если они и возникают время от времени в русских рассказах, повестях и романах, то являются лишь блеклым отражением того, что уже писалась в годы интенсивных политических и культурных связей между двумя странами в 60-е–80-е годы XX в. Образы болгар изредка мелькают в них, как едва заметные тени, — исключение составляет лишь образ известной предсказательницы Ванги, что, по замечанию Р. Русева, не является странным, если учитывать увлечение русских всем таинственным, мистическим и сверхъестественным. Значительно чаще встречаются упоминания о разнообразных продуктах питания и некоторых других товарах, таких как болгарские сигареты, овощные консервы или прекрасное болгарское вино. Но всё это уже описывалось в предшествующей советской литературе. Несмотря на скудность подобных материалов, автор надеется, что дальнейший их сбор и систематизация позволят сделать более объективные выводы.

Оставшиеся пять статей второго сборника также являются существенным научным вкладом в изучение болгаро-русских культурных и литературных взаимоотношений. Н.Н. Пономарева прослеживает типологические параллели между болгарской и советской комедиографией XX в., а Милена Божикова сосредоточивает свое внимание на феминизации композиторского искусства в России XX в., останавливаясь на творчестве Галины Уствольской, Софьи Губайдулиной и болгарки Юлии Ценовой. Нина Димитрова обрисовывает читателю два различных образа Ф.М. Достоевского, присутствующих в болгарской межвоенной периодике и обычном читательском восприятии: «празднично-юбилейный» и «будничный»; Магдалену Костову-Панайотову интересует «дендизм» имажиниста Анатолия Мариенгофа, а Васил Балевский анализирует творчество российского перебежчика Виктора Суворова, концентрируя свое внимание на его романах «Аквариум» и «Ледокол».

* * *

Третий болгаро-российский проект этой серии начался в 2013 г., и его отправной точкой стала проведенная тогда же международная научная конференция в Софии на тему «Болгарии и Россия (XVIII–XXI вв.). Стереотипы и деконструкции». На основе материалов конференции и появился совместный сборник научных статей, который вы держите в руках. Он включает в себя 16 работ ученых указанных стран: 10 болгарских и шесть российских.

Сборник открывает статья Камена Михайлова о ранних русских мемуарах, посвященных русско-турецким войнам XVII — первой трети XVIII в. Автор делает акцент только на негативных сторонах таких войн для болгарского населения, которые причиняли ему лишь одни страдания и привели к переселению его части в Молдавию, Бессарабию и Тавриду. Он считает, что до Крымской войны 1853–1856 гг. в России присутствовал слабый интерес к болгарскому народу, его исторической судьбе и культуре — русские испытывали к болгарам чувства безразличия, недоверия или даже неприязни. По его словам, одной из особенностей психологии русского народа являлось его доверие мнению западных научных авторитетов, которые относили болгар к татарам. В неких кругах русского общества (каких? — *И.К.*), утверждает он, существовали антиболгарские настроения, которые не смог искоренить даже Славянский комитет, так и не сумевший уравнять болгар в сознании русских с другими славянскими народами. Деятели этого комитета не смогли отыскать в болгарском народе какие-либо добродетели — они делали упор лишь на его горькой исторической участи. К. Михайлов упрекает авторов военных русских мемуаров за то, что те не рассказывали о болгарском народе, его обычаях и быте и рассматривали Болгарию только как территорию, удобную или неудобную для ведения боевых действий, забывая о том, что они были военными офицерами, а не учеными-этнографами. В целом название этой статьи не соответствует ее содержанию. Перед нами не анализ самих мемуаров с аргументацией, опирающейся на конкретные произведения и факты, а набор негативных яр-

лыков и характеристик. Вместо ссылок на конкретику автор предлагает читателю в конце статьи список используемой им литературы, и это превращает его работу не в исследование, а своеобразное введение к нему, причем тенденциозное и предвзятое.

В центре внимания Николая Аретова находятся идеологемы, складывающиеся из образов России в болгарском сознании — обычно положительных, но иногда и не совсем лестных. Привлекаемые автором материалы имеют широкий хронологический диапазон, что является плюсом, хотя здесь порой встречаются досадные ошибки. Автор, например, пишет о зарождении «имперской» идеи «Москва — третий Рим» в XIX в., хотя, как известно, она была сформулирована еще в начале XVI в. старцем псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофеем. Об этой неточности автору было сообщено, но он пожелал опубликовать свой текст без исправлений. Тем не менее рассматриваемый в исследовании обширный фактический материал дает читателю богатую пищу для размышлений.

В работе Р. Дамяновой рассматривается деятельность в Болгарии Георгия Михайловича Владыкина, получившего среди болгар прозвище «Казак». Он был участником русско-турецкой войны 1828–1829 гг., остался в Болгарии, на протяжении четверти века учительствовал в Свиштове и Плевене, проявил себя талантливым резчиком по дереву и камню. Георгий Казак внес свой вклад в подготовку издания двух болгарских букварей и учебников по чистописанию, преподавал рисование, черчение, натурную живопись и другие дисциплины. Он создал собственную творческую школу, которую прошли на только его сын и два будущих известных болгарских художника — братья Николай и Димитрий Павловичи, но и другие местные мастера. К сожалению, для читателя остается загадкой, каким образом Георгий Казак остался в Болгарии и сумел в ней обосноваться. Ведь фактически он дезертировал из русской армии и остался на территории российского военного противника — Османской империи. Вероятно, ему грозило суровое наказание за какое-то совершенное им преступление, если уж он решил жить на Туретчине...

Н. Пытова обращается в своей статье к литературе и публицистике Любена Каравелова — крупного деятеля Болгарского национального возрождения, некоторое время жившего и учившегося в Москве. По ее аргументированному мнению, талант и полемическая искусность этого писателя проявились уже в первых его публикациях, которые печатались в московских газетах и журналах.

М.М. Фролова в своей работе касается информационных шор, обычно возникавших в дореволюционной и советской историографии при освещении пребывания на Балканском фронте императора Александра II в 1877 г. По ее справедливому замечанию, здесь наблюдались как преувеличение значения присутствия монарха в Болгарии, так и его недооценка. Автор пытается установить истинную картину события, привлекая к исследованию многочисленные и нередко противоречащие друг другу источники.

Освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг. посвящена и статья И.И. Калиганова. Он анализирует репортажи о ней военного корреспондента князя Л.В. Шаховского, воскрешая красочные картины, которые возникали в сознании русских читателей при чтении сообщений этого журналиста. В них освещались переходы через Балканы Передового отряда генерала И.В. Гурко (Хаинкёйский и Арабо-Конакский перевалы), освобождение от турок Софии и многие другие яркие эпизоды той знаменитой военной эпопеи.

Об усилении русофобских настроений Болгарии свидетельствует помещенная в сборнике работа Илии Тодева. Из нее следует, что болгарские русофобы уже не довольствуются обливанием краской и разрисовыванием памятника Советской армии-освободительнице в центральном парке Софии. Они пытаются переформатировать и народную память об освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг., называя ее «оккупационной». Бесстрашный герой этой войны генерал М.Д. Скобелев превращается у них в позера и клоуна, русские полководцы называются бездарями, напрасно уложившими в землю массу русских солдат и болгар. Неслучайно поэтому статья И. Тодева имеет такое символичное название: «И на

Шипке не всё спокойно». Главной ее темой является прослеживание словесных манипуляций, при помощи которых анекдот конца XIX в. о продаже Болгарией костей погибших турок в Англию на удобрение русофобы начала XXI в. пытаются выдать за реальный исторический факт.

Следующий затем блок из трех статей затрагивает более поздние исторические события: Балканские войны 1912–1913 гг. и Первую мировую войну. П.А. Искендеров анализирует связи между Россией и Болгарией в контексте указанных Балканских войн и конфликт взаимных ожиданий и расчетов российских дипломатов и болгарских правящих кругов. Используя неопубликованные архивные материалы, он останавливается на попытках российской дипломатии разрешить балканский политический кризис мирным путем.

В работе Н.С. Гусева очерчиваются «слепые» зоны, характерные для сообщений русских авторов о Болгарии и Сербии в 1912–1913 гг. Они возникали в них при характеристике сербского и болгарского монархов Петра Обреновича и Фердинанда Кобургского, отношений этих правителей с национальными парламентами, уровня развития образования и демократии в этих странах. По наблюдению ученого, русские люди воспринимали тогда Болгарию и Сербию романтически, относясь к этим государствам как к детищу своих усилий на Балканах.

Сава Сивриев посвятил свою статью отклику Ивана Вазова на открытое письмо Леонида Андреева к болгарам, готовившимся вступить в Первую мировую войну на стороне противников России — союзных Германии, Австро-Венгрии и Турции. Приведенные в ней материалы свидетельствуют о том, что острота полемики между двумя писателями и непримиримость их позиций была вызвана, прежде всего, различными точками отсчета.

Помня о положении, согласно которому история не знает сослагательного наклонения, автор следующей затем статьи В.И. Косик напоминает о нем читателю, но одновременно предлагает ему на секунду представить себе, что бы произошло, не встань Россия на защиту южных славян и заключи она

союз с Османской империей. Или, например, как бы развивались дальнейшие события, не окажись Болгария в стане противников России в Первую мировую войну и будь она союзницей русских. Рассматривая возможные исторические сценарии подобного рода, ученый останавливается на рассказе-фэнтази Ивана Вазова «Последний день XX века», в котором болгарский принц Борис женится на Татьяне — дочери российского императора Николая II, становится правителем мощного государства, в которое вошли все македонские земли, а Константинополь делается славянской столицей.

Продолжается в третьем сборнике и разрабатывавшаяся в предыдущих двух сборниках тема белогвардейской эмиграции. Она представлена в статьях Христо Манолакева и Радославы Илчевой. В первой из них рассматриваются особенности рецепции в Болгарии русской литературы в XX в. и роль в ней представителей русской эмиграции 20-х гг. этого столетия, в частности, ученых Константина Мочульского, Петра Бицилли и Михаила Попруженко. В статье также обсуждаются результаты, которых за истекшие 20 лет добилась сравнительно небольшая группа русистов Института литературы БАН (в нее помимо самого Х. Манолакева входили Радостин Русев, Радослава Илчева и Йордан Люцканов[2]). Р. Илчева в своей статье рассказывает о судьбе некоторых литературных героев шолоховского романа «Тихий Дон», многие из которых были реальными людьми, оказавшимися в результате Гражданской войны в Болгарии. Это генерал Петр Харитонович Попов, основавший близ Габрова первую казачью станицу, скитавшийся затем по Европе и умерший в Нью-Йорке, это генерал Александр Павлович Кутепов, создавший в Галлиполи из неорганизованной толпы казаков-эмигрантов образцовые воинские подразделения, лидер белого движения, ненавидимый

[2] Помимо монографий эта группа выпустила 6-й том «Руска литература» в восьмитомном издании «Преводна рецепция на западноевропейските литератури в България» (2001), сборник «“Погасло дневное светило”. Руската имиграция в България. 1918–1944» (София, 2010) и справочник «Периодиката на руската имиграция в България. 1920–1944. Енциклопедичен справочник» (София, 2012).

большевиками, похищенный агентами НКВД в Париже и простившийся затем с жизнью при невыясненных обстоятельствах, и другие исторические личности. Наибольшее внимание в статье уделяется Павлу Назаровичу Кудинову — человеку со сложной судьбой, завербованному советской разведкой и способствовавшему расколу в белом движении. После Второй мировой войны он был арестован сотрудниками СМЕРШ, репрессирован, отсидел много лет в лагерях и после освобождения возвратился в Болгарию, где и умер.

Болгарский ученый Р. Русев убедительно показывает связь творчества Теодора Траянова с русским символизмом, прибегая к скрупулезному анализу траяновской поэмы «Песнь песней».

Необычный образ Советского Союза, созданный болгарским писателем Йорданом Радичковым в книге «Неосвещенные дворы» (1966), рассматривает Н.Н. Пономарева. Несмотря на то что в повести отображаются необжитые уголки огромной советской страны, где в жилищах все «удобства» находятся на улице и даже отсутствует электричество, исследовательница справедливо считает, что ее автор не намеревался привести читателя к мысли о цивилизационном дисбалансе в разных концах нашего государства. По ее мысли, главным для Й. Радичкова являлись живущие в этих «медвежьих углах» люди и их человеческие качества, а не их национальность или степень доступности для них благ цивилизации. Они изображены писателем с большой теплотой и нескрываемой симпатией, которая передается и читателю.

Сборник завершает статья этнолингвиста Марии Китановой, которая анализирует особенности болгарского менталитета, отражающиеся в болгарских пословицах о жене.

* * *

Издание Институтом славяноведения РАН и Институтом литературы БАН трех болгаро-российских сборников за 12 лет, казалось бы, неплохой результат, вселяющий оптимизм в отношении дальнейшего развития научных связей между двумя указанными учреждениями. Но при этом возникают из-

вестные тревоги и огорчения. Третий сборник планировалось издать еще в конце 2015 — начале 2016 г., но из-за длительной задержки предоставления болгарской стороной своих статей российской редколлегии он выходит только теперь. Усиливаются в Болгарии, к сожалению, и русофобские настроения, которые отражаются ныне не только в работах некоторых болгарских историков, но и литературоведов. Помещенная в данном сборнике статья К. Михайлова может служить ярким тому примером.

Упомянем здесь и о другом грустном факте. Недавно в Институте литературы БАН было ликвидировано структурное подразделение, ученые которого занимались исследованием русской и советской литературы. С создания 70 лет назад профильного научного центра при БАН, разрабатывавшего эту область филологии, фактически и началась история болгарского академического Института литературы. Ныне этот корень был подвергнут иссечению.

Всё это заставляет воздерживаться от проявлений излишней радости по случаю выхода завершающего серию третьего научного сборника. Как станет развиваться в дальнейшем научное сотрудничество между двумя нашими институтами, покажет время. Будем надеяться на победу здравого смысла и осознание того, что наличие многих векторов научных связей (не только Запад, но Восток) всегда более плодотворно, чем их ослабление или полная ликвидация одной из двух составляющих.. Важно принимать во внимание и тот факт, что в любой из гуманитарных наук всегда есть области, свободные от политической ангажированности.

КАМЕН МИХАЙЛОВ (София) DOI: 10.31168/0427-5.2

РАННЯЯ РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕМУАРИСТИКА

Мемуарные произведения, как известно, представляют собой важные документы для исследователей того или иного исторического периода. Здесь не имеет смысла останавливаться на спорах о том, объктом изучения кого они являются — историков, литературоведов, архивистов, психологов или биографов. Еще меньше смысла говорить и о преимуществе того или иного метода их исследования, начиная с известного позитивистского треугольника Шёрера, герменевтической или психоаналитической моделей и кончая деконструкцивистскими манипуляциями с самим жанром. Возможностей имеется более чем достаточно. Путей — сколько угодно, хотя, как шутливо отмечают некоторые современные теоретики, все без исключения они завершаются тупиком. С чисто практической точки зрения, картина выглядит совершенно иным образом и вполне далека от глубокомысленных размышлений о статусе слова и роли пишуших мемуары авторов. Следует, однако, напомнить читателю, что именно мемуары со всеми интерпретациями поднимаемых литературоведами и теоретиками проблем и составляют центральное место наших представлений об истории (например, Апрельском восстании в Болгарии против турок в 1876 г.) и наших размышлений о народной психологии «болгарского рода». Мы имеем в виду «Записки о болгарских восстаниях» Захария Стоянова и их многочисленные прочтения в сопоставлении с болгарскими художественными, документальными и публицистическими текстами. Итак, мы готовы ввести в научный оборот немалый

корпус текстов, которые могут оказаться основополагающими при формировании наших представлений о затрагиваемых событиях или их восприятии.

Военные мемуары, о которых идет речь, затрагивают русско-турецкие войны с самого начала их ведения и до 1830 г. Разумеется, нас будут интересовать только те из них, которые велись в болгарских пределах — на исторической и этнической территории, намного превосходящей современную территорию Болгарии. Начальная дата не вызывает каких-либо сомнений или вопросов, в то время как конечная требует пояснений. Что послужило нам основанием поставить своеобразную хронологическую точку, взяв для этого русско-турецкую войну 1828–1829 гг. и Гюльханский хатишериф, принесшие болгарам сомнительные политические приобретения? Постраюсь обосновать свою позицию рядом агументов. Во-первых, упомянутая война была особой и по способу ее ведения, и по целям, которые преследовали русские политические и военные круги. Огромное значение имели возникшие в ее ходе взаимоотношения между принявшими в ней участие болгарами и военнослужащими российской армии, среди которых находились не только этнические русские. Если вкратце охарактеризовать итог этой войны,[1] то это огромное разочарование болгарского народа, надеявшегося, что она принесет ему, если не освобождение, то хоть какую-то автономию. Массовое участие болгар непосредственно в боевых действиях против турок во время войны или разнообразное содействие русским войскам при передвижении их по болгарским землям привело к трагическим последствиям. Несколько сот тысяч болгар вынуждены были покинуть свои родные места, переселиться в Российскую империю и осесть в Бессарабии, Таврии и Молдавии. Наиболее ярко надежды и разочарование болгар в этой связи отобразил писатель и публицист Г.С. Раковский в своих произведениях «Восхва-

[1] О том, как эта война воспринималась в сознании русских войск, достаточно красноречиво говорит название следующей книги: Спасаемая Греция, или Картина военных действий Россиян против Турок в 1827 и в 1828 годах. Ч. 1 и 2. СПБ., 1829.

ла Николаю I» (1859) и «Переселение в Россию, или русская убийственная политика в отношении болгар» (1861), которые были изданы в виде брошюры, не войдя впоследствии в 4-томное собрание сочинений писателя. Она отражала позицию Г.С. Раковского в отношении российских правящих кругов, в том числе и недавно разразившейся Крымской войны 1853–1856 гг., причем писатель обозначил свою позицию в непримиримой и категоричной форме. Поэтому быстрота, с которой отозвались на брошюру официальные российские эмиссары, была отнюдь не случайной. О данном инциденте подробно сообщал в своих документах В. Трайков[2]. Написание этой брошюры не было единственной формой противодействия Г.С. Раковского «губительной» российской политике. В статье «Сумасшедшая идея переселения в Россию»[3], автор предсказывал. что случится с теми болгарами, кто поддался русской пропаганде: «Переселяясь из тех пределов, в которых вы родились и выросли, и сменяя воздух и воду, которые вы помните, на другие, по дороге к новому месту обитания вы уменьшитесь по численности наполовину! А придя в их мерзкие пустыни, пока привыкнете к их тяжелому воздуху и их горькой воде, Бог знает, сколько вас останется в живых! Сначала вы закопаете своих милых и прекрасных деток, а потом вы, старые негодяи, будете плакать дни и ночи напролет, и вас самих преждевременно закопают в землю одного за другим». Газета Г.С. Раковского «Дунавский лебед» опубликовала заметки, в которых сделала общественным достоянием всего болгарского народа «плачевное положение болгар-переселенцев»[4]. Хорошо известно, что Г.С. Раковский посылал своих людей с целью убеждать болгар отказаться от переселения[5].

[2] См.: Документи на Г.С. Раковски в български и руски архиви // Сб. «Раковски. Възгледи... » Т. 2. София, 1968. С. 38. *Трайков В.* Георги Стойков Раковски. Биография. София: Изд. БАН, 1974. С. 198.

[3] См.: Дунавский лебед. № 53. 3 октября 1861 г.

[4] *Трайков В.* Георги Стойков Раковски. Биография. София, 1974. С. 198.

[5] Там же. С. 200.

В декабре 1861 г. Раковский пытался довести до представителей русских властей болгарскую точку зрения на переселение болгар и задумал написать обращение к российскому министру иностранных дел, князю Горчакову, в котором подчеркивал ошибочность затеи переселения для самой России, поскольку возвратившиеся на родину болгары рассказываают «с кровавыми слезами на глазах, что голодали, страдали от жажды, без крыши над головой, да еще оказывались и поруганными». Он задавал вопрос, «не станут ли эти свидетельства оружием в руках западных [сил] и турок против русской защиты православия на Туретчине» и подчеркивал трудность опровержения подобной антирусской пропаганды, если она появится[6].

Помимо Г.С. Раковского, много негативных моментов русско-турецких войн отмечал и известный болгарский возрожденец второй половины XVIII — первой половины XIX в. Неофит Бозвели, чья активная общественная, просветительская и политическая деятельность пришлась на рассматриваемый нами период. Последняя русско-турецкая война, свидетелем которой он был, происходила в 1828–1829 гг. В своем меморандуме турецкому султану о церковных реформах, с которого началась последовательная борьба за болгарскую церковную независимость, он недвусмысленно сформулировал три составляющих болгарского видения тогдашней актуальной политической ситуации: а) греческая и русская политика всегда направлены против болгар; б) русско-турецкие войны принесли болгарскому народу только страдания; в) конкретным результатом этих войн были массовые переселения болгар в Россию, выгодные только последней[7]. Сам Бозвели оказался одной из жертв этой «русской губительной политики», поскольку действовал в интересах болгарского народа, а это не отвечало интересам политики России на Балканах. Он был заточен в тюрьму, а затем, видимо, подвергся физическому ус-

[6] Там же. С. 206.

[7] *Смоховска-Петрова В.* Неофит Бозвели и българския църковен въпрос (Нови данни из архива на А. Чарториски). София, 1964.

транению по распоряжению греческой Вселенского патриархата, заручившегося тайно поддержкой российского посланника в Константинополе В.П. Титова[8]. Деятельность Неофита Бозвели является одной из важнейших вех нового периода национально-освободительной борьбы болгар, начиная с Гюльханского хатишерифа, после которого развернулась яростная церковная борьба, вовлекшая в себя всё болгарское общество и ставшая основой для появления новых по форме гражданских акций. Сплочение в ней болгарских народных сил оказало большое воздействие на официальные круги России и сыграло значительную роль в изменении российского общественного мнения.

В качестве следующего аргумента в пользу того, что война 1828–1829 гг. действительно стала границей между историческими периодами болгарской и русской истории, кратко охарактеризую начавшийся в 30-е гг. XIX в. процесс изменения «формата» восприятия болгар русскими людьми. Именно тогда зарождается всё более увеличивающийся в России интерес к историческому прошлому, фольклору, языку болгарского народа, а затем и к древней болгарской церковно-религиозной литературе. Огромный вклад в этот процесс внесли конкретные исторические личности: такие российские ученые, культурные деятели и политики, как В.И. Григорович, Ю.И. Венелин[9], К.Ф. Калайдович[10], и такие зарубежные, как Вук Караджич, Б. Копитар, Франц Миклошич. В 40-е гг. XIX в. усиливается начатое Н. Бозвели движение болгар за церковную

[8] Там же. С. 163.

[9] В 1829 г. в Москве вышел первый том его эпохальной книги «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юриа Венелина», которая взбудоражила российскую научную общественность, чего автор и добивался.

[10] Его вышедший в 1824 г. в Москве труд «Иоанн Ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы в IX и X столетиях», сыграло существенную роль в усилении научного интереса к болгарскому литературному и культурному наследству в Европе.

независимость[11]. Именно тогда впервые было произнесено и начало фигурировать в официальных документах выражение «булгар миллети» («болгарский народ») вместо существовавшего в предшествующие четыре столетия понятия «урум миллети», т.е. «ромейский греческий народ». После Крымской войны 1853–1856 гг. турецкий султан Абдул Меджид был вынужден издать Хатихамаюн — очередной документ, провозглашавший равенство народов в Османской империи. В отличие от предшествующих указов он позволял болгарам предъявлять властям экономические, политические и духовные требования. Благодаря ему в квартале Балкапан в Стамбуле была построена болгарская церковь, которая превратилась в духовный центр обосновавшихся в турецкой столице 50 000 болгарских ремесленников, торговцев и возчиков. В России развернули свою деятельность Славянские комитеты с целью оказания различного рода помощи южным славянам.

Указанные политические и культурные тенденции изменили прежнюю картину коренным образом. Всё это в конечном итоге вылилось в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., при объявлении которой в манифесте российского императора особо подчеркивалось, что её целью является освобождение балканских христиан от турецкого ига. Неслучайным поэтому был и тот интерес, который проявили к этой войне тогдашние российские ученые, журналисты, писатели и политики. Созданная ими литература об этих исторических событиях является огромной. Большую популярность среди читателей получили мемуары В.И. Немировича-Данченко, генерала М.Д. Скобелева, графа Игнатьева, князя Дондукова-

[11] Здесь лишь мимоходом выражу свое категорическое несогласие с позицией И.Ф. Макаровой, которая относит начало церковной борьбы болгар к 1860-м гг. (см. ее статью «Еще раз об истоках болгарского церковного вопроса» // Славянский мир в третьем тысячилетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М., 2008, С. 146–172). В сущности, она недобросовестно пересказывает работу З. Марковой о Болгарском екзархате: см.: *Маркова З.* Българското църковно национално движение до Кримската война. София: Изд. БАН, 1976, С. 19–20). З. Маркова относит начало этой борьбы к 1820 г., увязывая его с так называемым Врачанским происшествием.

Корсакова и др. В отличие от этого периода, предшествующий период до Крымской войны 1853–1856 гг. известен сравнительно меньше и продолжает оставаться вне поля зрения исследователей, хотя о нем существует немалая русская мемуарная литература. Этот период и характерные для него процессы — политические тенденции, позиции военного руководства и правящих российских кругов характеризовались наличием разнообразных мнений. Единственно явным со стороны высшего эшелона власти был (правда, весьма ограниченный) интерес к исторической судьбе двух болгарских держав: «задунайской» и «Волжско-Камской» (т.е. Казанского царства). Он проявлялся с целью установления, будет ли их население союзным России в случае войны с турками, или же его следует нейтрализовать. Факт восприятия «булгар» в России как давнишних недругов осознавался российскими властями давно. Предстояло ответить на вопрос: а кто они такие на самом деле, эти «булгары»? В русской исторической науке и публицистике уменьшается случаи научного издания болгарских рукописей и исторических фактов, связанных с болгарами — они возникают в результате энтузиазма отдельных российских ученых главным образом по инерции, не будучи связанными с российской общенаучной и политической стратегией. Судьба болгарского народа, его целостность, его история как таковая, его культура, этнография, фольклор и язык почти не вызывают в России какого-либо интереса. Отношение к этим проблемам колеблется от безразличия до недоверия и непрязни.

Более чем показателен тот факт, что даже *положительно настроенные* по отношению к болгарскому народу российские ученые оперируют в своих рассуждениях крайними заблуждениями. Не кто иной, как сам «возродитель болгарского рода», Ю.И. Венелин в письме к болгарскому просветителю В. Априлову, писал следующее: «Наши разговоры были очень полезными, ибо я выучил болгарский язык, а они [мои собеседники] — русский. И это не составило мне особого труда, потому что *болгарский язык представляет собой от-*

ветвление русского» (выделено мной — *К.М.*)[12]. А, как известно, Ю.И. Венелин составил болгарскую грамматику, которая, правда, долго оставалась в рукописи и была издана лишь в XX в. Что касается отрицательного отношения к болгарам в русском обществе со стороны *предубежденных людей*, то здесь красноречивой является другая выдержка из того же венелинского письма В. Априлову[13]: «Вы читали первый том труда Карамзина, в котором болгары были объявлены татарами. У Карамзина, как и во всей Европе, о вас не было ни малейшего представления. Но Карамзин писал, опираясь на выводы Тунмана (шведа), который также знал о вас столько же, сколько я знаю о жителях Луны. Карамзину поверила вся Россия, и эта вера окрепла еще из-за того обстоятельства, что Болгария является областью владений турок, которые тоже есть татарское племя»[14].

В данном случае важен тот момент, что мнение, «изобличающее» болгар, является мнением европейского ученого Тунмана. Высказанное авторитетным ученым, оно было воспринято и в России. Попутно отмечу еще одну важную особенность русской народной психологии: русские во всем доверяют западным авторитетам, мнениям и производствам — они отыскивают их и воспроизводят как «свои собственные». Этого не происходит единственно в том случае, когда речь заходит о самих русских и самой России — здесь они категорически отвергают все чужие оценки и наблюдения, воспринимают их болезненно, всегда делая упор на свою исключительную самобытность. Но так или иначе это научное мнение о болгарах начинает распространяться именно в России и благодаря ей.

Продолжение письма Ю.И. Венелина еще более интересно, тем более что оно основано на восприятии болгар русскими офицерами, участвовавшими в русско-турецких войнах, в том

[12] См. его письмо от 27 сентября 1837 г. (Българска възрожденска литература. От Паисий Хилендарски до Добри Войников. София: Български писател, 1972. С. 80).

[13] Там же. С. 83.

[14] Там же. С. 84.

числе и в войне 1828–1829 гг. Несмотря на обширность цитаты, я счел нужным привести ее целиком в силу исключительной важности этого фрагмента для нашей работы: «Но вы скажете, что русская армия много раз бывала в Болгарии и много раз русские могли познакомиться с болгарами. На это я вам дам следующий ответ:

I. Русская армия никогда не видела болгар, потому что была в тех местах (Русе, Силистра), где наши войска встречали единственно турок и валахов [выражу здесь свое изумление! — *К.М.*].

II. Предположим, что русские офицеры имели дело с настоящими болгарами. Но они, как люди военные и неопытные в этнографии, представляли, что болгарин, говоривший им на болгарском, говорил не на болгарском, а на русском (потому что болгарские и русские слова одни и те же), но говорил на плохом русском языке! Мне случалось слышать отзывы: "Какие дьяволы эти болгарские татары! Поживешь на квартире у них два-три дня, и они внезапно начинают говорить по-русски (т.е. на болгарском, но они думают, что это русские слова). Удивительная у них способность так быстро болтать на русском"»[15].

Едва ли следует здесь всецело доверять Ю.И. Венелину. Из проанализированных нами мемуаров видно, что большинство офицеров прекрасно чувствовали разницу между татарами, турками и болгарами. Так или иначе, однако, не следует пренебрегать выводом Ю.И. Венелина, который касается массового русского сознания и указывает на источники формирования негативного отношения к болгарскому населению. И неплохо бы было знать, что важное место в этом «массовом сознании» занимала антиболгарская позиция, распространенная среди определенных русских кругов. Ее пытались изменить некоторые представители русской интеллигенции, такие как М. Соловьев в журнале «Москвитянин». Но и она формировала отрицательный образ болгарского народа как недостойного племени с неразвитой цивилизацией. Важно установить, когда и в какой степени это отрицательное пред-

[15] Там же. С. 84.

ставление изменило свой знак по причине романтического славянского милосердия. Становится ли более приемлемым образ болгарского народа, если отсутствие в нем достоинства и достаточной степени цивилизованности будет отнесено на счет османской тирании и иноземного угнетения?

Защита болгар, предпринятая рядом российских писателей, публицистов и членами Славянского комитета, не смогла поднять их в глазах русского общества до уровня остальных славян. Она заключалась не в поиске и демонстрации положительных черт «братского многострадального племени», а в привлечении общественного внимания к его «злочастной судьбе». Вот, впрочем, безапелляционное мнение одного «передового русского-европейца», высказывавшегося о болгарской истории и болгарском генотипе: «То, что затрагивает других славян, не русских, то мы, разумеется, их любим как людей в той мере, в какой они и в самом деле являются людьми; но не можем испытывать к ним особенные чувства, тем более что они даже не предствляют собой ни нацию, ни государство, но являются собственностью турок и немцев... Если турки владеют большинством славянских племен, то это происходит потому, что Турция является государством — каким бы оно ни было, но государством, а какие-то там болгары — полудиким племенем. Сила — это право, а право — сила. Таков закон исторического развития, и если какой-то народ или племя, утрачивают свободу, значит зерно их субстанции является настолько прогнившим и ущербным, что оно не способно своими собственными силами развиться до государственной формы и до самостоятельного значения»[16].

Согласен, что исследовать такие положения с позиций заведомого русско-болгарского братства было бы просто шокирующим. Поэтому останавливаться на них практически просто не целесообразно, поскольку углубление в них приведет к непредсказуемым последствиям. Тем более что задача добросовестного ученого состоит в изображении событий такими, какими они были в действительности, а облик общественных деятелей должен быть обрисован таким, каким он являлся

[16] См:. Отечественные записки, 1841. № 10.

в реальности. Что же касается идей, то писать о них, на наш взгляд, следует, не допуская малейшего их искажения.

Историю нельзя переписать или выдумать заново, хотя попытки в этом отношении предпринимаются. Ее, как утверждают еще с древних времен, обычно просто проглатывают, а способный извлечь из нее уроки (так полагали в XVIII в.) их извлекает. Вмешательство в нее людей при воспроизведении образов прошлого значимо настолько, насколько в данном случае речь заходит не только об истории. Как в массовом, так и в индивидуальном сознании на основе исторического познания действуют утвердившиеся представления, смысловые поля ключевых слов и выражений, системы знаков и символов. А за всеми ними каждый видит нравственные обобщения, духовные прозрения и провидческие построения. Вот почему заполнение существующих «белых пятен» имеет особую важность для духовной жизни любой нации.

Знание, как утверждали деятели нашего Национального возрождения, несет свободу как отдельной личности, так и целым народам. Вот почему вряд ли можно привести формулировку более сильную и гениальную, чем следующая фраза Христо Ботева: «Свобода дорога́, истина — свята!» Каков объем материалов, предлагаемых в статье к рассмотрению? В одном и ценных исторических справочников[17] в отношении указанного периода перечислено несколько сот сочинений, касающихся различных русско-турецких войн. Из него мы извлекли 29 наименований источников, затрагивающих тот исторический интервал, о котором упоминалось в начале статьи, и освещающих тогдашние русские военные кампании на Балканах. К ним были добавлены воспоминания отдельных участников русских походов на Балканы до окончания Крымской войны 1853–1856 гг., поскольку в них наблюдается ряд инерционных представлений русских людей в предшествующий период или же они важны для сравнения и сопоставления.

Разумеется, не во всех из них говорится о болгарских землях и болгарах. Даже более того: авторы многих воспо-

[17] См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 2. Ч. 1. М.: Книга, 1977. С. 137–324.

минаний упоминают о них вскользь — для них эти земли представляют прежде всего географические пространства и топографические данные — увиденные собственными глазами или нанесенные на карты. О людях же, как правило, совсем не упоминается. Иными словами, населенные пункты, горы, реки, поля лишены этнической окраски — это просто места, через которые продвигаюся русские войска. В подобных случаях я на останавливался на таких воспоминаниях и их авторах, ограничиваясь отнесением их к соответствующему типу «образности». Кроме того, существуют также сочинения, в которых географические реалии воспринимаются как «болгарские», но расцениваются с чисто военной точки зрения как «удобные» или «неудобные», как «господствующая» или «невыгодная» позиция, просто как укрепленный район или пространство, подходящее для развертывания войск, дороги хорошие или плохие и т.д. В таких случаях я отмечаю то, что явствует из этих сочинений — отсутствие интереса к народу, на территории которого ведутся военные действия. Болгария, болгары и «болгарскость» в таких пассажах сведены к фиксации наличия или отсутствия удобства или неудобства для ведения военных днйствий в данном районе — чисто профессиональный военный взгляд с присущей ему хладнокровной циничностью. Образ, угадывающийся за изображаемым, может быть охарактеризован как образ однопланового профессионально-направленного интереса. Ясно, что самое большое внимание в моих будущих исследованиях будет уделено тем мемуарам, авторы которых начинают «замечать» местное население, сознавая, что оно преставляет собой отдельный народ со своими особеностями одежды и внешнего облика, особым образом воспринимающего русские войска и имеющего поведение, диктуемое собственной логикой. Местами можно натолкнуться на описание болгарского градоустройства, быта и нравов. Все эти информационные пласты послужили основой для классификации типа образов, восозданных в русском мемуарном слове. Особо следует отметить воспоминания русских военных врачей — их взгляд отличается большой наблюдательностью при

характеристике быта, различных заболеваний, людских потерь, солдатского питания — и посредством всего этого читатель начинает постигать образы болгарской земли, природы и иногда — болгарских крестьян, которые являлись помощниками и снабженцами русских войск. Вообще полевые лазареты и госпитали дают очень интересное представление о лице войны — часто абсолютно неизвестном ни для читателей, ни для историков.

Не стоит излишне напоминать, что первый смысловой план, который возникает при чтении военных мемуаров, формируется посредством тематики, сюжетов и мотивов. Тематическое исследование таким образом обуславливает необходимость введения прежде всего определенного информационного пласта фактов и реалий. Его осмысление неизменно перетекает в сопоставление фактов и реалий, затрагивающих другие события и других действующих лиц. Это, в свою очередь, задает метод исследованию, для полноценного приложения которого следует использовать приемы информационного пересечения, комментирования и идентификации используемых статусов информантов. Типы нарраций составляют второй смысловой пласт, который наряду с первым играет вспомогательную роль для прояснения вопроса о способах конструирования образов Болгарии, болгар и «болгарскости». Важное значение имеет и раскрытие глубинных смыслов, вложенных авторами в анализируемые образы.

Перевод с болгарского *И.И. Калиганова*

ПРИЛОЖЕНИЕ

[*Аноним*]. Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 года // Журнал для чтения воспитанникам военно учебных заведений. 1845 Т. 52. № 206.

Батянов И.В. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 году // Московский сборник. М., 1869. Т. 103. № 8.

Бутурлин Д.П. Картина воин России съ Турциею в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829. Ч. II.

Вревский П.А. Крушение транспорта «Змея» // Морской сборник. 1854, Т. II. № 3.

Веригин А.И. Воспоминания об осаде Варны по пребывании там императора Николая I // Русская старина, 1879. Ч. 24. № 3.

Генрици А.А. Воспоминания. На Дунае. 1853–1854 // Русская старина, 1870. Т. XX.

Глебов П.Н. Воспоминания. Письмо первое (1828) // Сын Отечества и Северный Архив СПб., 1834. Ч. 168. Т. 46. № 52; Воспоминания. Письмо второе (1828) // Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1835. Ч. 170. Т. 48. № 10.

Глебов П.Н. Воспоминания армейскаго офицера // Отечественные записки. 1839. Т. 4, № 7. Отд. 3.

Глебов П.Н. Осада Силистрии в 1829 году. (Из воспоминаний армейскаго офицера) // Отечественные записки. 1842. Т. 23. № 7.

Глебов П.Н. Осада Варны в 1828-м году. Из воспоминаний армейскаго офицера // Отечественные записки. 1843. Т. 29. №№ 7–8.

Голицын Н.С. Записки князя Николая Сергеевича Голицына // Русская старина. 1881. № IX.

Должников П. Отрывок из походного Дневника Егерьскаго офицера // Отечественныя записки [СПб.], 1830. Ч. 41. № 117.

Еропкин В. Мои воспоминания о Турецкой кампании 1828 года // Русский архив. 1877. Кн. 3. №№ 9–12.

Забелин И.Е. Посольския путешествія в Турцію в XVII столетии // Русская старина. 1870. Т. XX.

Зейдлиц К.К. Воспоминания доктора Зейдлица о Турецком походе 1829 года. В письмах к друзьям // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 4.

Красовский А.И. Из записок генерала-адъютанта Красовскаго // Русский вестник 1880. Т. 148. № 8.

Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина, 1907. Т. 130, № 5–6; Т. 131. № 7–9; Т. 132, № 10–11; 1908 — т. 133, № 2–3; т. 134, № 4, № 6; т. 135, № 7–9; т. 136, № 10–11; 1909 — т. 138, № 6, т. 139, № 7–9, т. 144, № 10; 1911 — т. 146, № 7–8.

Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса А.И. о Турецкой войне в царствование Александра Павловича. 1806–1812 // Русский архив. 1892. Т. 31. Кн. 2. № 7–8.

Полевой Н. Турецкая война в царствование императрицы Анны Иоановны // Журнал для чтения воспитанникам военно учебных заведений 1845. Т. 52. Кн. 207.

Поливанов И.Г. Из записок Ивана Гавриловича Поливанова // Русский архив. 1877. Кн. 3. № 9. (Эпизоды из турецкой войны 1828 года) // Современник, 1854. Т. 46. № 8. Отд. 5.

Пуцыло П.Л. Воспоминания кавалерийскаго офицера. [Б.г. у автора статьи — *И.К.*].

Рогозина Е.А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг. // Русская старина. 1910. Т. 133. № 7.

Розелион-Сошальский А. Записки русскаго офицера бывшаго в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. Т. 3. № 5.

Симанский Л.А. Походныя записки от 29 мая, т.е. от поступления полков бригады в действие против неприятеля в отряде г.-л. кн. Мадатова, г.-л. Ридигера и г.-м. Акинфиева // Журнал Императорскаго русскаго военно-историческаго общества. 1911. № 3.

Стефан Г.Ф. Два года в Турции (с июля 1828 по сент. 1830) // Инженерный журнал. 1878. № 1.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции // Русский вестник. 1867. Т. 69. №№ 5–6; Т. 70. №№ 7–8.

Тучков П. Главныя черты моей жизни // Русская старина. 1881. № IX.

Шильдер Н.К. /составитель. Война России с Турцией в 1829 г. Исторический очерк // Русская старина. 1881. Т. 30.

Хлебников К.Д. Записки Константина Дмитриевича Хлебникова // Русский архив. 1907. № 3.

Энгельбах А.Ф. Воспоминания о действиях 1-й конно-егерской дивизии в турецкой кампании 1828 г. // Военный сборник. 1858. Т. 2. №№ 3–4.

РЕЗЮМЕ

РАННАТА РУСКА ВОЕННА МЕМОАРИСТИКА

Както е добре известно, мемоарните произведения представляват важен документ за изследователите на определен период. Няма смисъл да привеждам тук многобройните спорове относно това — чий предмет на изучаване са те: на историци, литературоведи, архивисти, психолози или биографи. Още по-малко е нужно да напомням претенциите на един или друг метод — от славния позитивистичен триъгълник на Шерер, през херменевтичния модел, неопсихоанализационния, та до деконструктивистичните операции с жанра. Въз-

можности — повече от необходимото, пътища — също, макар, както биха се пошегували някои съвременни теоретици: всички до един – без изход. От чисто практическа гледна точка, обаче, картината изглежда съвършено по друг начин — и то далеч от мъдрословесните умувания за статуса на словото и ролите на пишещите мемоаристи. Струва си да напомня на читателя, че не друго, а една мемоарна книга, с всичките «обсъждания» на проблемите, които създава за литературните историци и теоретици, заема централно място както в историческите ни представи за Априлското въстание, така и в народо-психологическите ни размисли за «българския род». Става дума за «Записки по българските въстания» на Захари Стоянов и за нейните многобройни прочити, част от които в съпоставка с други художествени, документални и публицистични текстове. И така — готов съм да въведа един немалък корпус от произведения в научно обръщение, може пък да се окажат и те централни за определени представи и рецепции.

НИКОЛАЙ АРЕТОВ (СОФИЯ) DOI: 10.31168/0427-5.3

И СНОВА О МНОГООБРАЗИИ ОБРАЗОВ РОССИИ В БОЛГАРСКОЙ КНИЖНОСТИ XIX В.

Связь болгар с Россией обычно строится на факте общности славянского происхождения и языковой близости. Другой фактор — православие — имеет меньшее значение. Образы России занимают важное место в болгарской национальной мифологии. Они считаются древними, широко распространенными и доминирующими в XX в. Они встречаются в большом количестве текстов, их созданием и укоренением занимались различные идеологические и пропагандистские структуры и институции. Такое положение сложилось относительно недавно. Россия практически отсутствовала в ментальной картине мира болгарской книжности XVIII — первых десятилетий XIX в. или находилась на ее периферии. Исследования показывают, что известные образы России, в сущности, возникли сравнительно недавно и были внедрены в сознание благодаря государственным (в первую очередь образовательным) институтам и пропаганде[1]. При всем многообразии этих образов главные из них могут быть сведены к двум фигурам и многочисленным о них рассказам — Деду Ивану и Райне — Княгине болгарской. Первая фигура существует в двух вариантах — русского царя (потенциального освободителя) и русского генерала. Имеющие сходную *направленность* легенды о Райне-княгине распространены не столь

[1] См. *Аретов Н.* Българското възраждане и Европа. София: Кралица Маб, 1995. Изд. 2-е. София, 2001. С. 44–63.

широко, и их содержание не столь прозрачно[2]. Нечто подобное можно констатировать и в отношении образов болгар в России. Болгары не попадали в поле зрения русской политики в XVIII[3] и даже в начале XIX в.[4] Сербы, греки и Дунайские княжества играли большую роль во внешней политике Российской империи, и здесь долгое время акцент ставился не на славянской идее, а на православии. Тогда и родилась мощная мифологема «Москва — третий Рим», живущая и поныне. Среди болгар, однако, она не была распространена ни в XVIII, ни XIX вв., ни позднее. Этот акцент порождал если не отсутствие то, по крайней мере, весьма слабое присутствие болгар в русской литературе[5]. В идеологической конструкции, связанной с Третьим Римом, нет достаточно места малым православным народам: по крайней мере не в той степени, которая необходима для славянской идеи. Постепенно славянофильство с православной доминантой превращается в государственную политику Российской империи. По мере территориального расширения России за счет Османской империи старая

---

[2] См. *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София. Наука и изкуство, 1980. С. 28–33 и др.; *Ангелов Б.* Три исторически разказа // Известия на Института за история. София, 1964. Т. 14–15. С. 486–489; *Мутафчиева В.* «Предсказанията» за края на Османската империя (Към въпроса за българо-руските културни връзки през XIX в.) // Studia balkanica. Sofia, 1974. № 8. P. 109–117; *Димов А.* Дядо Иван: мит или действителност. Велико Търново: Абагар, 2004.

[3] *Стоилова Т.* Третият Рим. Мирните решения на руската имперска политика в Югоизточна Европа през XVIII в. София: Акад. изд.: «Проф. М. Дринов», 2001.

[4] *Георгиева Т.* Славянският въпрос в руската обществена мисъл 30-те — 50-те години на XIX в. София, 2003. — Дисертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С. 49–52. Здесь же см. новейшую научную литературу вопроса.

[5] *Германов Г.* Окървавено навечерие. България и българите в руската литература. София: Отечествен Фронт, 1984. Автор останавливается на присутствии болгар в русской литературе начиная с А.С. Пушкина, В.Г. Теплякова (1804–1842), И.П. Липранди (1790–1880), А.С. Хомякова (1804–1860), А. Вельтмана, не поднимая вопроса об их отсутствии в ней ранее.

идея о выходе к теплому морю фактически связывается к болгарами. Начинается их привлечение и использование для реализации российских политических целей. Этот процесс, разумеется, имел точки соприкосновения с более старыми, не относящимися к имперской пропаганде настроениями в России и среди болгар. Но они были очень слабыми и не результативными, пока в ход не пошла пропаганда.

Обращение внимания славянофильских (и военных) кругов, а позднее и правительства Российской империи на болгар почти автоматически привело к диаметрально противоположным идеям в среде оппозиции — «западников» и революционных демократов, которые в целом не проявляли интереса к славянским родственникам на Балканах. А если все-таки какой-то интерес и возникал, то он приобретал форму снисходительного отношения (как, например, у В. Белинского). Это усложняло позицию болгарских патриотов, находившихся или получивших образование в России. Часть из них чувствовали себя близкими к русским революционным демократам или старались с ними сблизиться. Так, во взглядах Л. Каравелова и Х. Ботева особым образом сочетаются две противостоящие друг другу русские идеологические линии — славянофильства и его оппонентов, совсем недавно называвшихся «революционными демократами». Может быть, поэтому Россия присутствует в их публицистике, но слабо представлена в их литературных произведениях. А если и представлена, как в ряде рассказов Л. Каравелова с русскими сюжетами, то ее образ нельзя однозначно назвать позитивным. Этот образ не был адресован болгарским читателям и практически до них не доходил.

Споры в России о болгарах и южных славянах разгорелись после русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. и нашли свое отражение в высочайших образцах русской литературы — романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского[6]. Если исключить роман И.С. Тургенева «Накануне», можно констатировать,

[6] *Кибалник С.* Споровете за Балканската война на страниците на «Ана Каренина» // Литературна мисъл. София, 2012. № 1.

что болгары ранее не попадали в произведения столь именитых русских авторов. При этом, несмотря на декларируемое положительное отношение почвенника Ф.М. Достоевского к болгарам, оно далеко не однозначно. Еще больше это относится к Л.Н. Толстому, по крайней мере, при комментировании им мыслей Достоевского, связанных с болгарами.

При всех идейных напластованиях здесь можно выделить несколько отдельных проблем. Это реальные политические действия писателей и деятелей той эпохи, их публицистические выступления и литературные воплощения.

В первой половине и середине XIX в. два важных для болгар связанных с Россией вопроса порождают массу преимущественно публицистических текстов, немалая часть которых направлена против русских имперских амбиций. Первый вопрос — это политика обмена населением с Османской империей, в результате которой болгары выселялись в Россию, а на их месте поселялись татары и черкесы. (Эта практика не являлась особым русским геополитическим изобретением XIX в. — и до и после этого она еще больших масштабах применялась другими империями и государствами). Подобная политика вызвала противодействие ряда ведущих болгарских общественных деятелей, например, Неофита Бозвели[7]

[7] В этом отношении показательна история публикации ставшего ныне классикой диалога Неофита «Мати Болгария»: Григорий Хилендарский передал текст этого бозвелевского произведения с антирусским содержанием А. Гранитскому, а тот, в свою очередь вручил его российскому консулу в Варне Александру Рачинскому, который его попридержал и отказался возвращать. Тогда Григорий передал текст «Мати Болгария» пророссски настроенному писателю и архиерею Василу Друмеву, опустившему при публикации диалога в 1874–1875 гг. антирусские высказывания Бозвели. См.: *Арнаудов М.* Непознатият Бозвели. Първообразът на «Мати Болгария» и други необнародвани трудове и писма. София: БАН, 1942. С. 28–29; *Danova N.* L'occultation des relations avec la Russie par l'historiographie bulgare // Textes réunis par Alain Vuillemin et R.L. Stantcheva. Cluj-Napoca: Editions de l'Institut d'Etudes balkaniques, Editura Limes. Editions L'oublié et l'interdit. Littérature, résistance, dissidence et résilience en Europe Centrale et Orientale (1947–1989). Rafael de Surtis, 2009.

и особенно Георгия Раковского. По крайней мере одна связанная с Россией публицистическая публикация принадлежит и болгарскому поэту и революционеру Христо Ботеву, в которой обрисована зловещая русская антиболгарская политика в отношении болгарских переселенцев в Бессарабии в XIX в.[8] Второй вопрос, в котором желания части болгарского общества расходились с русской имперской политикой, был связан с так называемой болгаро-греческой церковной распрей и стремлением болгар воссоздать свою независимую церковь.

Подобные действия, очевидно, породили негативные или, по крайней мере, критические настроения среди части болгар, но ясный и распространенный негативный образ России в то время в болгарской литературе вроде бы не наблюдался. Позднее после воссоздания болгарского государства он стал одним из водоразделов между русофилами и русофобами. Здесь следует отметить две вещи. Негативные настроения и более поздние русофобские политические пристрастия (например, писателя З. Стоянова и политика С. Стамболова), с одной стороны, имели следствием создание непропорционально малого количества литературных текстов. С другой стороны, практически всегда независимо от партийной принадлежности и факта нахождения у власти литературный канон был склонен отвергать подобные тексты и они по этой причине оставались маргинальными.

В особом положении находились позитивно настроенные к России авторы и тексты. Они, разумеется, гораздо более легко попадали в канон, но даже связанные с Российской империей авторы и убежденные русофилы также не создавали много текстов, посвященных России, и их отношение к ней далеко неоднозначно. Существует лишь несколько посвященных России ранних стихотворений, причем некоторые из

[8] Български известия // Знаме. 1875. 4 апреля. № 13. В: *Ботев Х.* Събрани съчинения / съст. Н. Жечев. София: Български писател, 1980. Т. 3. С. 38–39.

них, в сущности, являются переводами. Это «Песнь о России», созданная Парфением Павловичем (1773) и «О ветре северном», написанное монахом Нафанаилом Стояновичем и Захарием Княжеским (1847).

Активизация отношения болгар к России была прямо связана с деятельностью болгарской колонии в Одессе в 40-е годы XIX в., которая способствовала получению соплеменниками образования в России и проведению российской государственной политики по отношению к Болгарии. Ключевыми фигурами в колонии являлись обрусевший болгарский купец Васил Априлов и Николай С. Палаузов. В начале их усилия натолкнулись на противодействие таких общественников и книжников, как объявленный эллинофилом Райно Попович и Неофит Рильский, но благодаря поддержке русского правительства и наличию сравнительно бóльших финансовых возможностей они сумели постепенно одержать верх в проведении своей линии.

Ключевой фигурой в процессе обращения одесских болгар к патриотическим начинаниям и стал русский (закарпатский украинец) ученый любитель Юрий Венелин (1802–1839). В России он являлся маргинальной фигурой, не связанной с академическими кругами, но ему покровительствовали славянофилы М.П. Погодин, А.С. Хомяков, И.И. Срезневский. Ю. Венелину было посвящено два сравнительно ранних стихотворения жившего в Бухаресте болгарина Георгия Пешакова (1785–1854) — «Ода Юрию Венелину» и «Рыдание на смерть Венелина» (оба они были опубликованы в 1841 г.).

В болгарской поэзии еще до освобождения от турок появилась фигура русского царя. Начало этому положил Г. Пешаков, создавший во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. посвященное императору Николаю I четверостишие на пяти языках, которыми он владел: болгарском, русском, греческом, румынском и немецком. За это он был награжден серебряной медалью и получил премию в размере 100 руб. Ободренный поэт написал еще одно стихотворение на по-

добную тему — «Сувенир в честь русского императора Николая I»[9].

Болгарин Найден Геров — российский поданный — за год до того, как стать вице-консулом в Пловдиве, написал (или, вернее, перевел) в Санкт-Петербурге стихотворение «Честному царю Александру...» (1856), но оно осталось в рукописи, как, впрочем, и все его поэтические опыты за исключением поэмы «Стоян и Рада».

Панегирики русскому императору представляли собой и несколько стихотворений П.Р. Славейкова, среди которых была и «Вера и надежда болгарина на Россию» во время русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. — стихотворение, несомненно отражавшее его тогдашние чувства. Позднее уже в качестве политика в освобожденной Болгарии он позволял себе и иные политические проявления и жесты. Тогда же Иван Вазов создал свое известное стихотворение «Россия», включенное в его стихотворный сборник «Печали Болгарии». Эти два стихотворения П.Р. Славейкова и И. Вазова стали хрестоматийными и (иногда с некоторыми сокращениями) присутствуют во множестве популярных сборников и антологиях.

Фигура Освободителя, которая в болгарском сознании отождествляется с Россией, русским императором, русским генералом и русским солдатом является характерным вариантом мифа о Деде Иване в литературном пантеоне Вазова и сознании его современников. Позднее эти фигуры очень настойчиво возникают в болгарском культурном пространстве. Во второй половине XX в. они целенаправленно и сознательно связываются с Советским Союзом и Красной армией. Хотя существуют и споры относительно времени возникновения мифа о Деде Иване, его смысл и его политические цели абсо-

[9] Текст этого стихотворения см.: Българска възрожденска поезия / съст. К. Топалов. София: Бълг. писател, 1980. С. 83–87; О Г. Пешакове см.: *Кръстанов Т.* Георги Пешаков и началото на новобългарската поезия // Българо-румънски литературни взаимоотношения през XIX в. София: БАН, 1980. С. 138–155.

лютно прозрачны. Стихотворение Николы Вапцарова «Сельская хроника», например, было явно создано под воздействием предложенного Болгарии советским правительством в 1940 г. пресловутого «Пакта о дружбе и взаимопомощи». Вапцаровское стихотворение завершается прямым обращением к болгарской аудитории:

Та казвам аз,
понеже няма
олио
и хлябът е
от мъката по-чер,
един е лозунга:
Терора долу!
Съюз със СССР[10]

А говорю я,
так как нет
подсолнечного масла
и хлеб
чернее наших мучений,
один есть лозунг:
Долой террор!
Союз с СССР!

Самым ярким примером сознательного создания апологий о России во второй половине XX в. является произведение Орлина Орлинова «Ода СССР» (1969).

К этим основным образам можно добавить и образ холодного, чужого и до некоторой степени враждебного северного города, который присутствует в поэзии болгарских школьников Одессы и болгарских студентов Москвы. Наиболее отчетливо эти настроения прослеживаются в стихотворении «Тоска по югу» («Тъга по юг»), опубликованное в газете «Дунавский лебед» в 1860 г. Г. Раковским.

Обде йе мрачно и мрак м'обвива
и темна мъгла земя покрива
мразой и снегой, и пепелници,
силни ветрища и виолици;
околу мъгли и мразой земни,
а в гръди студой и мисли темни
Не, я не можам овде да седам!
Не, я не можам мразой да гледам!

(Г.С. Раковский)

Повсюду мрачно, мрак меня объемлет
и землю кроет чернота тумана,
одни морозы, снег да пепелища,
а над землей той мерзлой и туманной
ветрища дуют, вьюги налетают.
И на земле туманной здесь и стылой
на сердце хлад и мысли тоже мрачны
Нет места здесь для моего приюта
И взгляду негде здесь остановиться.

Пер. И.И. Калиганова

[10] *Аретов Н.* Малко познати документи за връзките на Вапцаров с Русия: Николов, Гр. Дело 585/ 1942 // Сб.: Никола Йонков Вапцаров. София: Вапцарова вяра, 2012.

Такие же настроения чувствуются и в другом стихотворении К. Миладинова «На чужбине» («На чужина»), в котором внизу имеется приписка «Во Беч», т.е. «В Вене». Два европейских города — Москва и Вена — порождают сходные чувства у поэта, оторванного от дома: русская (славянская) среда не ослабляют в нем чувства ностальгии. Те же самые настроения наблюдаются и в стихотворении «На чужбине» («На чужина») Райко Жинзифова (1862).

Бесспорно, лучшей болгарской элегией на эту тему является превратившееся позднее в песню стихотворение Л. Каравелова «Прекрасен ты, мой лес» («Хубаво си моя горо»), опубликованное в 1875 г. в Румынии. Образ чужой страны улавливается в нем лишь косвенно посредством умиления от тех элементов родного пейзажа, которых нет в том месте, где находится лирический герой. Здесь, как и в поэзии К. Миладинова, можно обнаружить более общий образ не особенно гостеприимной чужбины, которой является и Россия.

Русских воспитанников трудно причислить к русофобам, даже напротив — многие из них станут лидерами среди русофилов в Болгарии (например, Васил Друмев — митрополит Климент Тырновский). Часть из них, подобно Л. Каравелову, напрямую свяжут свою деятельность с институтами, проводившими русскую политику. Но создававшийся ими образ России не являлся непременно положительным. В этом отношении особого внимания заслуживает повесть В. Друмева «Ученик и благодетели, или Чужое так чужим и останется» («Ученик и благодетели или чуждото си е е чуждо»). (1864–1865). Образ России в ней является сложным. С одной стороны, она страна — источник знаний и в ней герой может обрести даже любовь. А с другой стороны, в ней холодно и неуютно, герой подвергается здесь всевозможным униженияm, страдают и некоторые из его русских знакомых. Более примитивно, несомненно, критично и даже карикатурно представлены в повести образы благодетелей старшего поколения, которые напрямую связаны с Россией и являют собой первую и достаточно влиятельную группу русофилов — Н.Х. Палаузова и Н.М. Тошкова. Противоречающие утвердившемуся мифу

о русских (а также о турках) образы можно встретить даже у И. Вазова в его произведении «Новая земля» («Нова земя»).

Даже тогдашний лидер русофилов Д. Цанков после свержения с трона болгарского князя Александра Баттенберга написал письмо российскому дипломату М.А. Хитрово, которое позднее ученый С. Радев прокомментировал так: «... и я скажу ему только это: в таких и подобных темах русские заставят болгар, как ранее заставили и сербов, припомнить слова одного древнего мудреца, сказавшего пчеле: "Не надо мне от тебя ни меда, ни жала"»[11].

Можно заметить, что до Освобождения связанные с Россией писатели и идеологи (В. Друмев, Н. Геров, Р. Жинзифов и в известной степени Л. Каравелов) не сумели внедрить в сознание болгар какие-либо устойчивые сугубо положительные образы России. Они были склонны представлять её амбивалентно или даже в критическом свете. В значительной мере это относится и к тем болгарским деятелям, которых после Освобождения станут называть русофобами: З. Стоянову и С. Стамболову. Они высказывались о России негативно, но создать ее какого-либо отрицательного, отвечающего их политическим пристрастиям образа не смогли. Положение изменилось после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая вдохновила П.Р. Славейкова и И. Вазова на воспевание России, и особенно после создания государственных органов Болгарского княжества и постепенного формирования канона болгарской литературы.

* * *

Особый случай представляет собой творчество Светослава Миларова (1850–1892) — явного русофила, связанного с русскими спецслужбами, но не воспользовавшегося теми возможностями, которое обеспечивало ему его положение. Он также не создал какого-либо положительного образа России.

С. Миларов — несомненно, значительный и все еще не оцененный по достоинству болгарский писатель второй полови-

[11] *Радев С.* Строители на съвременна България. София: Български писател, 1973. Т. 1. С. 283.

ны XIX в. Он был близким сподвижником П.Р. Славейкова, автором или, по крайней мере, соавтором замечательной статьи «Две касты и власти...», блестящим мемуаристом и публицистом. Он пробовал свои силы в драматургии и поэзии, его высоко ценил И. Вазов и другие литераторы-современники.

С другой стороны, истинная роль Миларова в тогдашней общественной жизни до конца не ясна: существуют ее противоречивые оценки. Л. Каравелов неоднократно называл Миларова турецким шпионом и орудием Х. Арнаудова, который, использовав его как провокатора, затем предал полиции[12]. Это мнение повторили болгарские эмигранты в Румынии Д. Ценович и И. Кыршовский[13], и оно перекочевало в «Записки о болгарских восстаниях» З. Стоянова[14]. С. Заимов считал Миларова не предателем, а деятелем революционного движения[15], но впоследствии разделял версию о миларовском шпионаже, хотя в более мягком варианте, поскольку полагал, что Миларов стал жертвой Х. Арнаудова[16].

После Освобождения политические противники Миларова прямо говорили о его деятельности в интересах русских[17], и свою жизнь он окончил на виселице в Княжестве Болгария после нашумевшего процесса об участии в убийстве министра

---

[12] *Каравелов Л.* Събрани съчинения. София: Български писател, 1989. Т. 11. С. 256–269.

[13] *Арнаудов М.* Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. 1834–1879. София: БАН, 1964. С. 331–332, 792–799. Склонный верить этим обвинениям, М. Арнаудов все-таки заключил, что «афера Миларова... все еще не достаточно прояснена».

[14] *Стоянов З.* Съчинения. София: Български писател, 1983. Т. 1. С. 73.

[15] *Заимов С.* Миналото. София: Изд. на БЗНС, 1983. С. 522 и 549.

[16] *Заимов С.* Миналото. Етюди върху Записките на Захари Стоянов. София, 1895. С. 43–61. С. Заимов утверждал, что в 1844 г. Миларов исповедался ему в своих прегрешениях: согласно его словам, он был молодым и неопытным, был обманут Арнаудовым, которому щедро заплатили за его ошибки молодости, и что тот вверг его в ад, и поэтому именно на нем лежит вина за миларовские грехи.

[17] *Конев И.* Непознатият Светослав Миларов. Из живота и дейността му в Хърватско и Румъния // *Он же:* Ние сред другите и те сред нас. София: Наука и изкуство, 1972.

Х. Белчева — одного из переводчиков «Воспоминаний о цареградских темницах».

Крайнюю русофильскую позицию Миларова в Румынии отмечал и С. Радев. Он писал, что когда в Браиле получили телеграмму о мятеже в Силистре, то среди болгарских эмигрантов возникло бурное ликование. Они отправились в корчму пить за успех дела. Миларов захмелел первым и, едва держась на ногах, обходил своих земляков одного за другим с криками «Ураган разразился!»[18].

Необычной была судьба дневника С. Миларова, бывшего одним из ярых противников С. Стамболова. Он вел дневниковые записи в последние годы жизни, очевидно, без намерения их последующей публикации. Но они сделались достоянием читателей как свидетельства по делу об убийстве Х. Белчева, за которое Миларова присудили к повешенью. Дневник включили в книгу «Делото по заговора за убиването на Негово царско височество княза и министър-председателя Стамболова и убийството на м-ра Белчева» («Дело о заговоре и убийстве Его царского высочества князя и премьер-министра С. Стамболова» и убийстве министра Белчева, 1892)[19], а затем доктор К. Крыстев опубликовал его в журнале «Мысль» («Мисъл», 1897). Этот дневник справедливо называют политическим. Начал тогда же Миларов вести и другой, «поэтический» дневник. После смерти автора была опубликована лишь его концовка.

Отличие двух текстов поразительно. «Политические» записки полны сведений о встречах, разговорах, о запросах и получении из России денег, о закупленном оружии и т.д. В них мелькают силуэты фигур Тодора Икономова, Д. Цанкова,

---

[18] *Радев С.* Строители на съвременна България. София: Ун-т «Св. Климент Охридски», 2009. С. 120. Автор имел в виду русофильские мятежи 1887 г., цитируя далее статьи Миларова того времени и говоря об абсолютном тумане в голове их создателя. Там же. С. 121.

[19] См.: Делото по заговора за убиването на Негово царско височество Княза и министър-председателя Стамболова и убийството на министъра Белчева. Приложение — Дневникът на Св. Миларов. София, 1929.

Д.К. Попова... Один из парадоксов этого дневника заключается в том, что он недвусмысленно свидетельствует о заговоре, который, однако, не имел ничего общего с конкретным убийством, послужившем поводом для упомянутого процесса.

Между частной и публичной жизнью Миларова словно отсутствует связь. Они протекают параллельно, чтобы пересечься в конце концов, может быть, в наши дни. Во втором дневнике Миларов один, один на удивление. Он словно забыл о политических заговорах и погрузился в литературные планы, которые неожиданно слегка напоминают о произведении «На съне и наяве» («Во сне и наяву») В. Поповича. Они связаны с написанием большой эпической поэмы «Небесный переворот» и раскрывают не только замысел и литературные предпочтения автора, но и нечто другое. По замечанию журнала «Болгарский обзор» («Български преглед»), в котором в 1895 г. был опубликован дневник, он демонстрировал и «как богато надаренная натура борется с психическим расстройством». Автор обращается, по его свидетельству, к Гомеру и Данте, Байрону и Пушкину. Он перелопачивает и читает христианскую и индуистскую религиозную литературу, книги по спиритизму, сочинения Блаватской, Папюса и др. Как видим, основным источником вдохновения для амбициозного болгарского автора являются не только русские авторы.

* * *

Любопытно, что то же самое повторяется и позднее. Немалая группа болгарских политэмигрантов в СССР в 20-е — 30-е гг. XX в. также не смогла создать действенный позитивный образ своей второй родины. Может быть, это произошло потому, что большинство из них не имели склонности к писательству, и их жизненная судьба не всегда складывалась счастливо и не располагала к подобному творчеству. Может показаться парадоксом, но положительный образ советской России появился в Болгарии благодаря левым интеллектуалам, наподобие Асена Златарова, автора книги «В страната на съветите» («В стране советов»,1936). Немного отличающийся образ СССР обнаруживается в не очень популярных и часто не доходивших до

публики высказываниях проф. Димитра Михалчева, болгарского посла в Москва в 1934–1936 и в 1944–1946 гг.

После окончания Второй мировой войны пропагандистская машина заработала с новой силой. В пропаганду были вовлечены не только новые авторы — она стремилась возродить у болгар их старые русофильские настроения. Среди многочисленных примеров здесь можно привести сборник: Български народни песни за Русия и Съветския съюз / съставител Иван Качулев, отговорен редактор Петко Стайнов. София: Българска академия на науките, 1953.

В сущности, во второй половинt XX в. истинный популярный образ СССР можно найти в устных рассказах болгар, которые там учились, и особенно болгарских рабочих, возвратившихся из Коми АССР. В первые два десятилетия после Второй мировой войны положение, вероятно, было другим, но затем сюжеты устных рассказов о Коми, по-видимому, стали оказывать на болгар более сильное воздействие, чем многочисленные официальные путевые очерки, книги и фильмы, включая и такие лучшие их образцы, как «Неосвещенные дворы» («Неосветени дворове», 1966) Йордана Радичкова.

Перевод с болгарского *И.И. Калиганова*

РЕЗЮМЕ

ОЩЕ ВЕДНЪЖ ЗА МНОГООБРАЗИЕТО НА ОБРАЗИТЕ НА РУСИЯ В БЪЛГАРСКАТА КНИЖНИНА ОТ XIX ВЕК

Обикновено връзките на българите с Русия се изграждат на основата на предполагаемия общ славянски произход и езикова близост — православието има относително по-малко значение. Образите на Русия, представяни като древни, са широко разпространени и доминират през XX в. в многобройни текстове. Изковаването и налагането им, като правило, се прави от различни идеологически и пропагандни структури и институции. При цялата им преплетеност в тях могат да бъдат отграничени реалните политически действия на книжовници и дейци от епохата, публицистичните изяви и литературните опити. През първата половина и средата на XIX в. имперските амбиции на Русия, отразяващи се в политиката на раз-

мяна на население с Османската империя и руското противодействие на желанието на българите да имат независима църква, пораждат в България негативните и критичните нагласи спрямо нея. Обаче негативения образ на Русия не получава широко разпространение. По-късно след създаването на българската държава възникват политически разделителни линии между русофили и русофоби. Но антируските настроения и русофобските политически пристрастия (например, у З. Стоянов и С. Стамболов) пораждат непропорционално малко литературни текстове. Освен това, литературният канон е склонен да ги отхвърля и те си остават маргинални. За разлика от тях, позитивно настроените към Русия автори и русофилските текстове по-лесно попадат в канона, но те не са многобройни и тяхното съдържание не е винаги еднозначно.

РУМЯНА ДАМЯНОВА (София) DOI: 10.31168/0427-5.4

ГЕОРГИЙ КАЗАК — ЭКЗОТИЧЕСКОЕ РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В БОЛГАРСКОМ XIX ВЕКЕ

Кто такой Георгий Казак из болгарского XIX века?
Какова историческая ситуация в первое десятилетие XIX века, каковы «герои» драматических событий и как развиваются эти события?
Какова личная судьба Георгия Казака и каков его вклад в болгарскую культуру?

Ответы на эти три основных вопроса позволят понять сложный и поистине экзотический образ личности, создавшей самые значимые традиции в болгарской художественной культуре. Одновременно при создании образа Георгия Казака неизбежно вырисовывается и исторический период, положивший начало вере в благородную освободительную миссию России, создавшей представление о значимой для болгарского культурного развития культурно-исторической ситуации.

I

Георгий Михайлович Владыкин известен в эпоху Болгарского возрождения как Георгий Казак. Нет данных о годе его рождения, но он рассказывал ученикам и жителям города Свиштова, что родился в Саратове. Умер он в 1866 г. и был погребен в Килифаревском монастыре близ города Велико-Тырново. Он являлся известным возрожденческим литератором, всю жизнь работал учителем. Одновременно он был одним из первых известных, почитаемых мастеров резьбы по де-

реву в эпоху Болгарского возрождения. Любопытно, что его знали и как резчика по камню, делавшего из него интересные фигурки. Занимался он и починкой часов. Владение этими различными ремеслами обеспечило ему доверие сограждан и дружбу с ними.

Личная его судьба была странной и экзотической. Он был русским, воевал в войсках генерала Дибича Забалканского, который после русско-турецкой войны 1829 г. покинул болгарские земли и со своей армией вернулся в Россию. Но Георгий Казак не пересек вместе с русскими войсками Дунай, а остался в Свиштове. Факт того, что он остался в Болгарии, оброс легендами и любопытными комментариями. Но именно придунайский город Свиштов оказался связан с его дальнейшей судьбой. Некоторое время Георгий Казак также жил в Плевене, работая там учителем.

Если посмотреть на карту Османской империи, можно увидеть, что Свиштов является воротами в болгарские земли и торговым портом на Дунае. Одновременно он был городом, впитывающим в себя прогрессивные веяния из Европы. Свиштов был местом процветания искусства, в котором работали и создавали культурные общности такие люди, как Эмануил Васкидович и Христаки Павлович. Там писались книги, которые затем издавались в Пеште, Будиме и в других европейских центрах. В этом дунайском городе формировались местные традиции, проявлявшиеся в быту, в одежде жителей, украшении домов старой венской мебелью и кофейными сервизами с надписью «Богемия», которые и сегодня придают уют ряду домов горожан. Эстетическое воздействие этого города просто невероятно. Но он был и городом возрождающейся новоболгарской культуры, городом строительства новых светских училищ. Наряду с Преображенским училищем Эмануила Васкидовича в Свиштове открывается Свято-Никольское училище. В этих двух училищах и преподает Георгий Владыкин–Казак. Он работал учителем в Свиштове более 25 лет. Долгое время он преподавал в Свято-Никольском училище, где работал учителем и Христаки Павлович — один из

самых значимых болгарских возрожденческих литераторов XIX в.[1].

Недолго, в 1857–1860 гг., Георгий Казак работал учителем в Плевене. Пребывание его в Плевене тоже представляется странным — он защищает коммерческие интересы настоятелей училища, которые практически платят ему зарплату и ценят его работу. Но разгорается борьба между пастырем-владыкой и настоятелями училища, в которой он защищает владыку. В результате настоятели обвинили его в пьянстве и уволили.

II

Какие русско-турецкие войны создали ощущение защищенности болгар со стороны русских? Вот та примерная схема, которая показывает, что еще в далёком XVII веке и затем вплоть до конца XIX века русские войска участвовали в активных военных действиях, которые реально позволяли болгарам надеяться на то, что именно русские будут их освободителями. Русско-турецкие войны:

XVII век

— Русско-турецкая война (1676–1681)
— Русско-турецкая война (1686–1700)

XVIII век

— Русско-турецкая война (1710–1713)
— Русско-турецкая война (1735–1739)
— Русско-турецкая война (1768–1774)
— Русско-турецкая война (1787–1792)

---

[1] О Свиштове и Георгии Казаке см. *Шишманов Ив.* Студии из областта на Българското възраждане. В.И. Григорович, неговото пътешествие в Европейска Турция (1844–1845) и неговите отношения към българите (За стогодишнината от рождението му) // Сб. БАН. София, 1916; *Ганчев С., протоирей.* Свищов (Принос за историята му). Издава се с материалната подкрепа на свищовското читалище «Еленка и Кирил Аврамови», Градската община и Популярната Банка. Свищов, 1929; *Тачева-Бумбаров Е.* Свищовският литературен кръг в историята на българската възорженска литература. 2002; *Николова Ю.* Достойно ест. Свищов през XIX век до първото десетилетие на XX век. Личности — събития — факти. София, 2006, и др.

XIX век
— Русско-турецкая война (1806–1812)
— Русско-турецкая война (1828–1829)

Самая значимая война, дающая болгарам надежду на освобождение, — это война 1828–1829 гг., потому что изменялась историческая ситуация — остро встал восточный вопрос благодаря поддержке Россией национально-освободительного движения в Греции. Потому эта война называется еще Адрианопольским миром.

Война была объявлена в декабре 1827 г. турецким султаном, который отменил все предыдущие договоры и провозгласил священную войну против России. Война велась на двух фронтах — Балканском и Кавказском. Военные действия начались в апреле 1828 г., когда вторая русская армия, состоявшая из 95 000 человек, переправилась через Дунай, вошла в Добруджу и осадила Шумен, Варну и Силистру. Командовал русской армией генерал Иван Иванович Дибич-Забалканский. Известно, что болгары из Фракии активно участвовали в войне на стороне русских. Турецкие войска насчитывали около 125 000 человек. В конце сентября 1828 г. русские взяли Варну.

В начале 1829 г. началось второе наступление русской армии на Балканском полуострове. В июне была взята Силистра, а затем через Стару-Планину армия вошла в Фракию. Известен подвиг болгарского капитана Георгия Мамарчева — он возглавил болгарский добровольческий отряд, который достиг Сливена. История сохранила много интересных фактов. Болгары помнят подвиг, и самопожертвование, и невероятную мощь духа этого болгарского капитана. 20 августа 1829 г. русские части вошли в Адрианополь. Впервые город был взят русской армией, и это стало знаменательным событием для данной войны. Это вызвало панику в столице Османской империи и подтолкнуло султана к поискам возможности подписать перемирие с Россией.

В 1829 г. с приближением русских войск болгары в Странджанско-Сакарском крае и Сливенском крае восстали и сбросили турецкую власть в Восточной Фракии. И этот факт тоже знаменателен — хотя и на короткое время, но у болгар в этих

районах появилась вера в возможность свободы. Болгарские дружины участвовали вместе с русскими в штурме редутов при взятии Созополя. Русский гарнизон Созополя раздавал новые ружья, присланные из Одессы, восставшим болгарам. Война завершилась подписанием Адрианопольского мирного договора 14 сентября 1829 г., согласно которому:

— подтверждались русские права в устье Дуная и по черноморскому побережью Кавказа (без Батуми, Грузии и части Армении);

— Греция получала самостоятельность, но должна была платить дань султану (в 1830 г. она была освобождена от дани и объявлена независимой державой);

— договор подтверждал и расширял автономию Молдавии, Валахии и Сербии;

— предусмотрен был 18-месячный срок, во время которого христиане, подданные Османской империи, имели право продать свое имущество и беспрепятственно переселиться в Россию (пункт XIII).

В результате этого договора много фракийских болгар из юго-восточной Болгарии переселилось в Бессарабию. Но часть из них осталась в Добрудже.

После заключения Адрианопольского мира в 1829 г. капитан Г. Мамарчев попытался поднять восстание в Сливенской, Котленской и Тырновской областях. Он происходил из рода Георгия Раковского, родившегося в Котеле, — человека буйного темперамента, обладающего сильной волей, позволяющей добиться утверждения своих идей и решений, готового на самопожертвование. Однако русское командование ему противодействовало в этом стремлении к возможной свободе, подчеркивая, что момент для этого неподходящий. Георгий Мамарчев был арестован, дабы не вызвать осложнения международных отношений, что было не исключено в той критической исторической ситуации. По этому поводу Дибичу Забалканскому приписывают известные слова: «Бедные болгары, дело важное! Но живите мирно в вашем отечестве! Придет и ваше время. Сейчас речь идет о Валахии, Сербии и Богданско. Не бойтесь, скоро будет издан фирман об амнистии. Болгары! Сохраняйте мир, иначе я оберну свои орудия против вас!»

Только никто не верил в амнистию. И правильно делал. И, что вполне резонно, генерал, дабы спасти бунтующее болгарское население от гнева турок, но еще более для того, чтобы заселить приобретенные в Бессарабии земли, из которых бежали населявшие их прежде татары, решил заменить их хорошим народом-тружеником. Он привел туда вместе с возвращающимися русскими войсками тысячи болгарских семей из Фракии. Известный поход генерала Дибича Забалканского в болгарскую землю, в сущности, имел своим результатом для многих болгар переселение их в Бессарабию.

Таковы исторические факты. Что же было следствием этих 8 русско-турецкий войн, которые велись на протяжении двух веков? С одной стороны, в их результате в болгарском сознании формируется устойчивое представление о русских-освободителях. Создается метафорический образ **«деда Ивана», который становится частью стереотипных представлений** болгарина о «матушке России». В данном случае имеется и буквальное совпадение с именем графа Ивана Ивановича Дибича, прозванного позднее Забалканским. Отмечу здесь, что по поводу происхождения метафорического образа «деда Ивана» имеются и другие версии, которые я не буду перечислять.

Деятельность Дибича способствует формированию с одной стороны реального, с другой — противоречивого образа. Этот смелый русский генерал, который выполнял важную миссию по освобождению южных земель полуострова. Одновременно он стремился сохранить хрупкий мир на Балканах. В то же время он взял на себя нелегкую задачу — переселить из всех болгарских земель с юга на север болгарские семьи с детьми, багажом. Они получили новое место жительства. На новом месте они начинают новую жизнью, сохраняя при этом болгарские традиции. Принимаются законы, создающие возможность сохранить болгарам свои этнические особенности, свою национальную общность. О создании условий для болгарских переселенцев на русских землях на раннем этапе содержится информация в сборнике «Векторы взаимопонимания (XVIII–XIX вв.). Российско-болгарские научные дискус-

сии» (М., 2010), где в статьях Григория Венедиктова, Марины Смольяниновой и др. представлены интересные и малоизвестные факты и наблюдения.

В болгарской и зарубежной исторической науке описано немало подобных исторических ситуаций, которые имели место на Балканском полуострове. Автору данного исследования интересно проследить, как формировался этот образ-мечта — представление народных масс о деде Иване и еще важнее — какова была реакция на него болгарских интеллектуалов, литераторов и ярких личностей Болгарского культурного возрождения. Стереотипный образ ожидаемого болгарами деда Ивана действительно сохраняется вплоть до Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и получает множество интерпретаций в искусстве, скульптуре, музыке и т.д.

А как реагировали на него представители Болгарского национального Возрождения? Реакция последовала в какой-то степени с запозданием. Отдельные комментарии имели место и во время Крымской войны, но они были спорадичными. Важно, что исторический факт переселения болгар стал причиной появления в 1861 г. гневной брошюры Георгия Раковского «Переселение в Россию, или Русская убийственная политика в отношении болгар», в которой впервые целостно, со стремлением к исторической достоверности, раскрывалась связанная с переселением ситуация. Так, благодаря интерпретации бунта Мамарчева и решения о переселении болгар генерала Дибича, Георгий Раковский осуществил деконструкцию смысла событий исторического прошлого, которая являлась, в сущности, **переоценкой ценностей**: освободительная миссия трансформировалась в насильственный акт переселения, и такая интерпретация сохраняется в новейшей болгарской истории. Другая сторона вопроса, что тогда имела место и защита болгарского населения от насилия турецких властей. У болгар был шанс продать свое имущество и перебраться в земли, лучше подходящей для жизни, например, некоторые из переселенцев остались в Добрудже (есть немало мемуаров, которые свидетельствуют именно об

этом). Имело место и другое — болгары, принявшие участие в этом массовом переселении, сохраняли свое этническое происхождение, традиции, культуру, язык. Отдельно стоит вопрос о трагической участи покинувших родной дом, участи, о которой рассказывается во многих народных песнях и преданиях.

Явление **стереотипизации и последующей деконструкции** одного и того же исторического факта имело продолжение в 1885 г. Подготавливая соединение Южной Болгарии и Восточной Румелии, Захари Стоянов прочел брошюру Раковского, и вот что он пишет по этому поводу Димитру Ризову: «Случайно мне попала в руки брошюра Раковского, которую я Вам посылаю. Я даже не подозревал, что этот человек имел такие взгляды. Я хочу издать эту брошюру с предисловием, знаете ли, с каким предисловием, а? в десятке мест вспоминается Царь-пушка и Царь-колокол. Это может быть ответом на Цанковскую оккупацию»[2]. В 1885 г. газета «Независимост», издаваемая Димитром Петковым и Димитром Ризовым, напечатала эту брошюру, и Захари Стоянов написал темпераментное предисловие. Это было время общения посредством брошюр, когда публицистическая брошюра стала главным публицистическим жанром. Это было время, когда Захари Стоянов разграничил свое отношение к официальной царской России и отношение к русскому народу и настрадавшейся русской интеллигенции. Он неоднократно выражал подобные взгляды в различных брошюрах.

III

Третий блок проблем: он связан с личностью самого Георгия Владыкина-Казака. Как было упомянуто, после осады Свиштова он не переправился Дунай вместе с армией генерала Дибича, а остался работать учителем в городе. Прозвище «Казак» является **стереотипным**, говорящим о характерном типаже человека, его поведении, его деятельности.

[2] См.: *Дамянова Р.* Неизвестни писма на Захари Стоянов до Димитър Ризов // Захари Стоянов. Нови изследвания. София, 1981. С. 289.

А каковой была его деятельность?

Работая учителем в Свиштове, он участвует в составлении **двух букварей** — совместно с К. Теодоровичем (1847) и с Э. Васкидовичем (1857), переводит (тоже совместно с К. Теодоровичем) «Библейскую повесть» (1841). Георгий Владыкин-Казак включается и в другие славные дела в эпоху Болгарского национального возрождения: издания по «красноописанию» или «чистописанию». В XIX в. подобных книг в Болгарии выходит немало: учебники Неофита Рильского (1837), доктора П. Берона (1843), Хаджи Н. Йоанновича (1851), К. Мустакова (1861) и т.д. Совместно с Э. Васкидовичем он издал «Чистописание для болгарских юношей». При посещении в 1845 г. Свиштова русский ученый приобрел это издание и хранил его в своем личном архиве.

Имеющиеся в этом издании образцы чистописания дают представления о ранних болгарских учебных программах XIX в., способах преподавания данной учебной дисциплины и роли письменных упражнений в учебном процессе. Кроме того они использовались при изучении таких учебных предметов, как логика, география, священное писание, болгарская и всеобщая история, грамматика и др. Наряду с этим они дают представление о разносторонности личности самого Георгия Казака — яркого деятеля эпохи Болгарского национального возрождения.

Георгий Казак активно участвовал в формировании **болгарской художественной культуры первой половины XIX в.** В школах Свиштова и Плевена он учил детей искусству рисования, созданию свободных чертежей и изображению человеческих фигур[3]. При обучении своих 10-летних подопечных рисовать на религиозные сюжеты и раскрашивать созданные ими рисунки, он сталкивался с трудностями из-за запрета магометанской религии изображать людей. Но Георгий Казак решительно и смело обучал детей рисовать с натуры, изображать человеческое лицо и обнаженное тело, а также головы людей по античным образцам. Он — первый

[3] См. *Мавродинов Н.* Връзките между българското и руското изкуство. Със 112 илюстрации в текста. София, 1955. С. 74–75.

учитель современной живописи в эпоху возрождения Болгарии. Именно он и именно в Свиштове, где его встретил Григорович, положил начало рисованию античных голов, человеческого тела и познакомил болгарское светское искусство с классической традицией и современными европейскими тенденциями. Его деятельность была смелой и новаторской для того времени. Нужно учитывать, что это речь идет о середине XIX в. В то же самое время болгарин — Станислав Доспевский, русский воспитанник, мечтает о создании «школы живописи и рисования»[4], а Захарий Зограф уже создал и свою школу, и свои незабываемые фрески в болгарских монастырях.

При посещении Свиштова В. Григорович взял с собой и рисунки свиштовских учеников Георгия Владыкина-Казака. Благодаря проявленному русским учёным интересу к этому виду искусства до нас дошли некоторые первые болгарские карандашные рисунки. Среди них — образцы человеческой головы и тела, подписанные именем Алексея Георгиевича — сына Георгия Владыкина-Казака, Николая Павловича и его брата Димитра Павловича (сыновей учителя и видного деятеля Болгарского национального возрождения Христаки Павловича). Считается, что Георгий Казак также создал много художественных произведений, но эта часть его творчества не обнаружена, и сведения о ней отрывочные. Можно, однако, с уверенностью, утверждать, что он был **первым учителем рисования Николая Павловича** и сделал очень много для эстетического воспитания детей в Свиштовской школе[5]. А.Н. Мавродинов называет его «исключительно одаренным русским мастером».

Казак являлся и одним из самых лучших возрожденческих мастеров резьбы по дереву. Сохранились два иконостаса, сделанных им. Один находится в церкви св. Илии, построен-

[4] См.: *Дамянова Р.* Писмата в културата на Българското възраждане. Шумен, 1995.

[5] См.: *Львова Е., Конев И.* Болгарская школа и «свиштовский период» Николая Павловича // Советское славяноведение. М., 1971. № 4. С. 80–87.

ной в 1835 г. в Свиштове, и другой — появившийся годом позже в том же городе церкви Преображения. Второй иконостас отличается тонкой резьбой и богатством изобразительных мотивов: ветви райских деревьев, птицы, двуглавые орлы. В интересном авторитетном исследовании Н. Мавродинова отмечается, что в иконостасе часовни св. Андрея Преображенского монастыря, выполненном Витаном Коювым в 1839 г., чувствуется прямое влияние стиля Георгия Казака — там присутствуют двуглавые орлы с державой — российские государственные символы[6].

Нестандартный, непредсказуемый, противоречивый, но талантливый и полностью посвятивший себя своему делу — **Георгий Казак** — русский человек из армии Дибича, учитель, защитивший и продолживший традицию болгарского правописания, он ввел обучение академическому рисунку, опираясь на античные образцы. Он выступил первым учителем яркой творческой личности в художественной традиции XIX в. — Николая Павловича, **создавшего впоследствии свою творческую школу**. Такую оценку нельзя считать преувеличением.

Одновременно Георгий Владыкин-Казак был представителем богемы, человеком свободного духа. Он покинул свою армию и своего генерала, чтобы остаться в неизвестной болгарской земле, начать новую жизнь и стать творцом и первопроходцем. Конечно, неординарности его личности были свойственны и крайности, но они лишний раз свидетельствуют о том, что она не умещается в обычное клише. Его образ очень противоречив. С одной стороны, это педагог с почти тридцатилетним стажем, автор учебников, переводов и актуальных справочников. Но с другой стороны, он часто прикладывался к бутылке, был уволен с работы за пьянство с запретом преподавания в школах. К счастью, к тому времени он уже успел создать два уникальных иконостаса в Свиштове, которые и сегодня производят на нас впечатление своим мастерством. Может быть, поэтому он обрел вечный покой в знаменитом среди болгар Килифаревском монастыре.

Перевод с болгарского *М.Г. Смольяниновой*

[6] См. *Мавродинов Н.* Указ. соч.

РЕЗЮМЕ

ГЕОРГИ КАЗАКА – ЕДНО ЕКЗОТИЧНО РУСКО ПРИСЪСТВИЕ В БЪЛГАРСКИЯ XIX ВЕК

Статията проследява личната съдба на Георги Владикин-Казака — войник от армията на генерал Дибич Забалкански, който не преминава Дунава, а остава в българския град Свищов. Там той работи като учител, за кратко време е учител в Плевен. Георги Казака е една нестандартна личност; той създава едни от първите български буквари, преподава рисуване на талантливия възрожденски художник Николай Павлович. Георги Казака става част от културната традиция на Свищов и на целия български XIX век, среща се с В. Григорович, оставя образци на уникални дърворезби и рисунки. Същевременно текстът проследява и сложната историческа ситуация около водените на Балкана два века руско-турски войни. Те създават метафоричния образ на желания и очакван освободител дядо Иван и същевременно пораждат сложна реакция на някои български интелектуалци и творци.

НИКОЛЕТА ПЫТОВА (София) DOI: 10.31168/0427-55

ПОЛЕМИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ПУБЛИЦИСТИКЕ КАРАВЕЛОВА

Первые шаги в литературе и публицистике болгарский писатель ЛюбенКаравелов делал в Москве. В августе 1857 г. молодой болгарин приехал в русскую столицу и записался вольнослушателем на историко-филологический факультет Московского университета, где проучился всего два года. Тогда же группа московских болгарских студентов (среди которых были Р. Жинзифов, В. Попович, К. Миладинов, М. Дринов, Л. Каравелов и другие) создала литературное объединение – Московскую болгарскую дружину. Она начала издавать свой журнал на болгарском языке «Братски труд».

За период с 1860 по 1862 г. вышло всего четыре его номера. В третьем номере были опубликованы три стихотворения Каравелова и его перевод статьи: «Славяне в Германии»[1]. Молодой автор не ограничивался переводом данной статьи. Он предварял его своим введением, в котором призывал славян выучить еще хотя бы по одному славянскому языку, кроме родного, дабы при составлении грамматических правил образцом служила грамматика родственного языка, а не немецкого или французского. Каравелов, например, считал, что у славян «в Средние века основой для сближения была вера, в новое время — политические связи, а в наше время — народность». Уже во введении Каравелов выдвинул идею славянского единения, которая присутствует в его политических проектах в разные периоды его жизни. В отличие от славянофилов Каравелов полагал, что религиозное или государственное

[1] *Каравелов Л.* Славяните в Немско// Братски труд, М., 1860. № 3. С. 59–70.

единство не является непременным условием славянской взаимности. В своем переводе статьи Каравелов продемонстрировал особый тип переводческой деятельности. Он не просто перевел статью для иноязычной читательской аудитории, а проявил активную гражданскую позицию по животрепещущим вопросам. И проделал это с поразительной уверенностью и достоинством. Всё-таки этот перевод был одним из первых его литературных опытов!

Одно из опубликованных в том же номере журнала «Братски труд» стихотворений — «Пастырь» — свидетельствовало об активной позицииКаравеловапо отношению к церковному вопросу. В публикуемых им в русской прессе публицистических материалах тема церкви звучит постоянно.

Постоянно в разножанровых художественных произведениях Каравелова присутствует и публицистическая полемика. Автор комментировал наиболее актуальные для болгар вопросы о народности, языке и вере, о Просвещении, духовной и политической независимости, о суверенных правах каждого народа. Эта специфическая творческая манера писателя заметна уже в самых ранних его публикациях. Отмечается и иная тенденция — наличие приёмов, типичных для художественной литературы.

* * *

Церковная борьба в Болгарии, бесспорно, была главной темой болгарской журналистики в 60-е гг. XIX столетия в России. В то время в русской прессе печатались несколько болгарских публицистов. Наиболее активным из них был Райко Жинзифов. Для русской периодики писали также В. Попович, Н. Бончев, Л. Каравелов. Каждый из них делал это по личной инициативе, не будучи никем «уполномочен». Статьи по церковному вопросу, опубликованные в России, объединяли сходные акценты, представляли собой некое единое послание. Независимость болгарской церкви была не терпящим отлагательства вопросом, решить который можно было лишь совместными усилиями самих болгар и при поддержке извне. Именно вокруг этой проблемы формировалась болгарская

политика эпохи Национального возрождения. Не будучи официально политически сформулированной, она была связана с национальными болгарскими интересами и последовательно была направлена на их достижение.

В среде болгарской эмиграции, особенно в Румынии и России, зарождалось неофициальное национальное политическое представительство. Болгарская и зарубежная периодическая печать знакомили мир с болгарскими проблемами и болгарской позицией. Набирающая силу развивающаяся болгарская периодика становилась источником информации о событиях и политических интересах болгар. Этим вопросам были посвящены публикации болгарских авторов в иностранной прессе. Она, в свою очередь, создавала «коммуникативную публичность нации»[2] как среди своих, так и среди чужих.

* * *

Талант Каравелова-писателя проявился уже в первых его публикациях. Его мастерство и зрелость были просто поразительными. Ему не понадобилось много времени и практической работы, чтобы достичь глубины размышлений в своих статьях. Он создавал интересную беллетристику и яркую публицистику. Он умел убеждать читателя без назидательности и вызывал у него эмоции. Благодаря этим качествам его послания легко находили дорогу к сердцу читателей.

Свои первые статьи в России Л. Каравелов печатал в газетах «Наше время» (1861), «Московские ведомости» (1862), «Русская речь» (1862) и в журналах «Филологические записки», «Журнал Министерства народного просвещения» и «Библиографические записки». Затем во второй половине 1860-х гг. после своего переезда из Москвы в Сербию он работал корреспондентом газеты «Голос». Каравелов также писал статьи для газет «Москва», «Московские ведомости», «Русские ведомости». Облик его как публициста ярко представлен в уже первых его публикациях. Большая часть его статей не подписана, или в них присутствуют только инициалы автора. Исследова-

[2] См.: *Константинова Е.* Държавност преди държавата. Свързфункции на българската възрожденска журналистика. София, 2000.

тели публицистики Каравелова — К. Копержинский[3], С. Никитин[4] и М. Димитров[5] с большой долей вероятности устанавливают каравеловское авторство. Считается, что в общей сложности он создал около 80 публикаций. До своего отъезда из Москвы Л. Каравелов написал и напечатал в русских журналах и газетах около 20 статей.

В газете «Наше время» (1861, № 4) он опубликовал статью «Болгарская уния», в которой объяснял необходимость создания самостоятельной Болгарской церкви, отстаивая ее право на независимость. Источниками для него служили материалы из газеты «България», в которых отражался ход переговоров с униатами. В них Каравелов информировал русских читателей о требованиях, предъявлявшихся болгарами папе Пию IX. Они заключались в признании независимости болгарской церкви от греческой патриархии. Каравелов указывал на мнение авторов газеты «България», писавших, что в случае принятия папой условий болгар весь болгарский народ примет унию. Не ограничиваясь сообщением этого факта, он разъяснял мотивы, способные повлечь за собой такой акт. Болгары, по его убеждению, глубоко привязаны к православию. Но еще более они привязаны к своим духовным вождям, пользующихся их доверием. Этот факт и нетерпимость к фанариотам, которые перешли все границы моральных и финансовых безобразий, способны вызвать у болгар решение о смене своей религиозной принадлежности:«Болгарин так предан своему духовенству, что слово духовного лица считает святым и безгрешным... Примирить народ с греками-фанариотами невозможно, а дать народных архипастырей болгарам патриарх не

[3] *Копержинский К.* Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России // Ученые записки Института славяноведения. Т. 12. М., 1956. С. 174–210.

[4] *Никитин С.* Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения. Т. 4. М., 1952. С. 89–122.

[5] Публицистиката на Любен Каревелов до излизанетона вестник «Свобода» (1860–1869). Статии, дописки и писма. Издирил и подготовил за печат академик Михаил Димитров. София, 1957.

соглашается... Образованные болгары так злы на фанариотов, что решатся на всё, лишь бы не иметь с ними дела; обвинять болгар в этом отношении несправедливо: они находятся в отчаянии... народ думает, что уже достиг своей цели, он хочет не унию принять, а освободиться от греков-фанариотов...»[6]

Большая часть статьи его — это цитаты из брошюры «Болгары и высшее греческое духовенство», вышедшей в Стамбуле наряду с публикациями, помещенными в газете «България». Обилие цитат должно было внушить читателю мысль о том, что православные болгары вынуждены отказаться от православия. К этому шагу их подталкивают сами высшие греческие священнослужители:«Теперь фанариоты спохватились и всеми силами стараются удержать свои права. Вот что говорят некоторые из греческих епископов: "Пусть болгары принимают унию, католическую веру, протестантскую, магометанскую, или, если им угодно, хоть языческую, но мы не должны уступить и позволить им иметь отдельную иерархию или народных епископов. Фанариотам, конечно, выгодно, чтобы болгары решились на это, тогда народ разъединится и с ним нетрудно будет сладить"»[7].

В большинстве напечатанных в русской прессе публикаций Каравелов опирался на данные болгарской периодики, за которой следил, чтобы иметь почти документальное представление о состоянии своих соотечественников и о том, что волновало в то время болгарское общество.

Он сообщал о христианских волнениях, о выступлениях против турецкой власти и писал конкретно о нападении 14 болгар на богатого турка неподалеку от города Сливен. Свое лаконичное сообщение он завершал словами: «Это первое нападение болгар на дом турка; таких примеров до сих пор не бывало. Увидим, что будет дальше»[8]. В конце статьи публицист использует беллетристический прием для того, чтобы заинтриговать читателя.

---

[6] *Димитров М.* Указ. соч. С. 51.

[7] Там же. С. 53.

[8] Там же. С. 54.

Следующая большая статья также была посвящена теме борьбы за независимую церковь, но в ней более подробно описывались перипетии этой борьбы и попытки болгар провозгласить главой болгарской церкви еп. Илариона Макариопольского. Статья была опубликована в трех номерах газеты «Наше время» (1861, № 5, 7, 10). В ее основе лежал рассказ о событиях, описывавшихся в журнале «Българскикнижици», в «Цареградском вестнике» и греческой газете «Византис» — печатном органе Константинопольской патриархии. Каравелов предупреждал читателей о том, что тема является для них известной, и подчеркивал новые моменты в политике фанариотов и ее главную цель: «эллинизацию подвластной им паствы». Далее следовало спокойное, подробное описание многочисленных шагов, которые должен предпринять духовный глава епархии для своего избрания в соответствии с «каноном». Абсолютно серьезно автор рассказывал о том, что выборы эти, в сущности, подчинены другому канону — финансовым интересам высшего духовенства. Комизм ситуации передается посредством описания в рассказе подробностей. Благодаря этому статья превращается в увлекательное чтиво. Комментарии автора заставляют вспомнить Каравелова-беллетриста.

«Бедные болгары! Здесь автор просто просил турецкое правительство наказать виновных; но спрашивается, кто виноват в том, что болгары не пытаются возродить Византийскую империю? Действительно, с греческой точки зрения, они очень виноваты и одновременно не виноваты, потому что "Византис" сразу же начинает печалиться о греках-фанариотах. В нем писалось о том, что «всякое патриотическое православное и чистое сердце сжимается, видя, что права греков попираются!!!"».

«Вот истинная логика! — восклицает Каравелов. — А болгарские права не попираются?..» (с. 58)

В другом месте беллетристическое начало начинает преобладать над публицистическим, внимание здесь концентрируется на различных сюжетных линиях:«Оставим наших греков спорить друг с другом и обратимся к болгарам. Болгары, как

мы говорили, в своих церквах поминали не патриарха, а преосвященного Илариона и в своих нуждах обращались к нему. В Софии вот что происходило...» (с. 65)

Каравелов рассказывает о событиях в Стамбуле и об интриганской политике греческой патриархии следующим образом. Он ставит в центр рассказа не их, а вспоминает о клевете фанариотов, утверждавших, что инициативу болгар спровоцировало русское посольство в турецкой столице. Тем самым Каравелов превращает русского читателя в слушателя, участвующего в болгарских событиях. Говоря о преступлениях высшего греческого духовенства, о церковных канонах рукоположения архиереев, он приводит цитату, в которой речь идет о положительном примере из жизни русской церкви. А в заключение этой большой статьи публицист обращает внимание на ведущуюся между Грецией и Россией борьбу за влияние на болгарских христиан. Это еще одна деталь, не оставлявшая русского читателя равнодушным.

Каравелов не оставлял эту тему и в дальнейших публикациях. В № 20 газеты «Наше время» он информировал русских читателей о временном приостановлении попыток сделать болгарина духовным главой соотечественников. Он сообщал это в заметке, говоря об очень серьезных вещах: об аресте и заточении ИларионаМакариопольского и АвксентияВелесского. Вероятно, лаконичность автора связана с его желанием не досаждать аудитории, еще раз повторяя подробности предыстории заточения. В каждом связанном с болгарским церковным вопросом материале упоминалось о том, что решить этот вопрос можно, присоединившись к унии православных русских. Автор как бы предупреждал, что нельзя стоять в стороне от решения болгаро-греческого церковного вопроса. Он напоминал, что защита православия — духовный долг и политический интерес Российской империи.

Этот своеобразный апогей борьбы болгар за независимую церковь не смог решить проблемы. Каравелов продолжал писать на эту тему, будучи убеждён, что в русском обществе к ней необходимо поддерживать живой интерес. В газете «Московские ведомости» (1864 г., № 7) он опубликовал очередной ма-

териал–предупреждение о ведущейся среди болгар постоянной религиозной пропаганде. Светская и духовная политика вновь переплетались в сложнейших интригах. Центральное место в них занимали попытки создать напряженное отношение между болгарами и Россией. Греческие, римские и американские священники распространяли клевету среди христиан Болгарии и чинили препятствия болгарам, получившим образование в России:

«Они начинают пугать болгар Россией, говоря, что та использует всевозможные средства для удержания болгар под турецким игом, якобы для того, чтобы впоследствии подчинить их своей власти и сделать своими работниками или мужиками, рабами... Если хотите уберечься от русских людоедов, — говорят они, — от греческого духовенства и турецкого правительства, то вас спасёт только дружба с французским императором, а дружба эта может возникнуть только тогда, когда вы сделаетесь католиками, или по крайней мере униатами» (с. 121).

Каравелов в очередной раз подчеркивал, что болгарский церковный вопрос является инструментом европейской политики против России. В этой статье вновь прозвучало его постоянное напоминание о том, что, несмотря на кажущуюся периферийность, данный вопрос важен для русского православия и русского государства. В этот же период в газете «День» (№ 22) вышла и статья Каравелова «Греческие архиереи в Болгарии», в которой он уже с другой трибуны снова разъяснял происхождение сильной вражды между болгарами и греками и заключал: «Болгары ненавидят греков еще более, чем турок». Статья его вызывала интерес читателей благодаря присутствию в ней исторических деталей. Есть в статье и беллетристическое описание действительно имевших место конфликтов между греками и болгарами. Позднее, будучи корреспондентом газеты «Голос», Каравелов вновь повторял рассказ о насилии в церкви Плевена и о жестокости греков по отношению к болгарам при сборе церковной дани. Он стремился к тому, чтобы информация о бесчинствах фанариотов дошла до различных читательских слоев читателейРоссии.

* * *

В Московский период своей жизни Каравелов выступил и как литературный критик. Первые его литературно-критические статьи были напечатаны в газете «Наше время». В № 26 этого издания за 1861 г. он познакомил читателей с исследованием Ивана Снегирёва — профессора этнографии, преподававшего в Московском университете. Говоря о курсе лекций этого ученого «Лубочные картины русского народа в московском мире», Каравелов обратил внимание на новаторскую ценность этого сочинения, назвав его «полезным трудом». В то же время он не побоялся высказать и некоторые критические замечания, указывая на присутствие в труде ряда слабых мест. А ведь это была первая художественно-критическая работа Каравелова!

В том же году вышла и вторая каравеловская публикация, связанная с литературой и культурой — на этот раз уже болгарской. В журнале «Библиографические записки» появилась его статья «Библиография болгарской литературы». Автор писал, что он приводит обзор только тех книг и периодических изданий, которые были ему доступны, и не претендует на подачу исчерпывающих сведений. Статья была библиографической, но Каравелов добавил к библиографии и свои собственные краткие оценки.

Год спустя в № 153 и 154 «Московских ведомостей» Каравелов в статье «Болгарская журналистика» перед перечислением и характеристикой болгарских периодических изданий знакомил русского читателя с культурным контекстом, в котором они появились. Он пытался определить начало литературной жизни на своей Родине. Подчеркивая роль развивающегося светского образования в Болгарии, Каравелов знакомил русского читателя с заслуженными учителями-книжниками. И здесь он не забывал о теме болгаро-греческого спора, переводя его в плоскость культуры и просвещения. Рассказывая о замене греческого образования болгарским, он писал о фрагментарности знаний, которые греки давали учащимся болгарам. Не желая, чтобы это обвинение было голословным, Каравелов подкреплял его рассказом учителя-грека о России

на уроке географии:«Это государство дикое и необразованное, жители его питаются травами и чуть ли не ходят на четырех ногах. О пространстве русской земли и о числе жителей не было и помина, разве только указывалось, что в России живут греческие колонисты, причем в числе, едва ли не превышающем самый русский народ. Упоминали, что в России много греческих церквей и монастырей, за что будто бы и подарили византийские императоры русскому царю свой герб» (с. 90).

Этот пример Каравелов приводит, чтобы вызвать гнев русских и чтобы русская общественность защитила его соотечественников от греков. Он не только приводил доказательства угнетения болгар греками, но и показывал, что греческая политика по отношению ко всем неэллинам, в том числе к России, обидна, оскорбительна. Каравелов отмечает, что греки проявляют уважение только к Франции. Вызвав негативные эмоции у читателей, публицист старается пробудить у русских сочувствие к своему народу. Продолжая рассказ о болгарском культурном и литературном возрождении, Каравелов говорит о русском присутствии в этом процессе. Он искренне убежден, что русская инициатива, образование, наука и культура способствуют возрождению болгарской культуры. Пробуждение болгарского народа началось после того, как первые русские воспитанники вернулись на родину. Среди них и учитель Каравелова Найден Геров. Поколение Н. Герова положило начало «настоящему болгарскому Возрождению, а вместе с ним и литературной деятельности» (с. 91). Каравелов уделяет внимание заслугам Венелина, труды которого способствовали болгарскому возрождению. Описывает его легендарное присутствие в сознании своих соотечественников. И все же в заключении он пишет: «Смысл сочинений Венелина был понятен, может быть, одним ученикам Герова, но народу они не были понятны; народу нужны были не критические рассуждения, а простые рассказы о его истории, и эту историю народ нашел в "Царственнике" Х. Дупничанина; это была история народа в простых и понятных народу рассказах, и потому они имела большое влияние на

развитие народа. Ненависть к грекам, уснувшая на время, пробудилась с новою силою...» (с. 91).

Каравелов сумел в увлекательном историческом рассказе поведать о конфликте с греками еще во времена Средневековья и логично объяснить его возобновление в XIX в. Он напомнил и о напряженных отношениях между Турцией и Россией. Отмена греческого языка в школах и церквах в Болгарии стала катализатором процесса возрождения болгарского народа. Один из важных его элементов — создание болгарской литературы. Лишь к середине статьи автор приступает к теме, заявленной в заглавии, — болгарской журналистике.

О чем бы не писал Каравелов, он не упускает возможности осветить масштабно или хотя бы напомнить русской общественности о важных для Болгарии проблемах: о греко-болгарском церковном споре, о настойчивости католических миссионеров, о напряжернных отношениях с турками. Он напоминает и о собственных конфликтах русских с врагами Болгарии, ожидая активности россиян в разрешении этих проблем. В упомянутых выше обзоре болгарской журналистики автор положительно оценивает роль болгарской периодики, пользующейся спросом у его соотечественников. Критическое отношение к некоторым изданиям не умаляет их значимости. Каравелов старается создать положительный образ Болгарии.

Некоторые болгары, публикующиеся в русской прессе, по мнению Каравелова, формируют у русских неверное представление о его родине. Он резко критикует Райко Жинзифова — другого активного болгарского журналиста, живущего в Москве.

* * *

Л. Каравелов не согласен с официальной политической позицией славянофилов по отношению к народам, родственным русским. Это другая широкая тема его публикаций в русской прессе. Он публикует, хотя и без подписи, свои заметки и в газете «День» (например, «из Болгарии», 21.10.1861, № 2). Несмотря на сотрудничество с газетой, он позволяет себе кри-

тиковать некоторые славянофильские позиции издания и его редактора Ивана Аксакова. В статье «По поводу Славянофильского отдела "День", опубликованной в газете «Русская речь» (1862, № 1), Каравелов подвергает жесткой критике отдельные публикации славянофильского издания.

Во вступлении он говорит о необходимости и пользе периодического издания, выходящего в Москве, которое знакомило бы русских со славянофильским миром: с историей, литературой славян, их бытом, их проблемами. Польза от такого издания была бы двусторонней — и для русской науки, и для остальных славян. Но пока такое издание существует только в мечтах и пожеланиях, нужно, чтобы журналы открыли «Славянские отделы». Надежда появляется, когда газета «День» объявляет, что в ней будет Славянский отдел. Но ожидания Каравелова не оправдались.

Первый номер газеты вышел без заявленного славянского отдела из-за того, что не было известий из славянских стран. Во втором номере эта рубрика была уже заполнена, но с сообщением о том, как «в эту минуту болгары имеют честь идти рука об руку с греками, и эти новые друзья "с кулаками и дубинами" пошли против униатов» (с. 82).

Публицистический акцент Каравелов делает на естественно возникающем вопросе: какой образ болгар вырисовывается из сообщения газеты «День»? Едва ли борьба за независимость церкви может быть охарактеризована этим болгаро-греческим эпизодом.

Писатель тревожится о том, какое же представление формируется у русских о Болгарии, о которой рассказывает эта публикация. Она напечатана в газете «Цариградски вестник». Эта газета — основной источник новости, свидетельствующей о непоследовательности болгарских требований. Некорректно отождествлять политику только одного издания с политикой болгар вообще. Каравелов не страшится обвинить главного редактора «Цариградского вестника» в том, что он служит интересам того, кто платит ему последним. Это недостойно человека, работающего в журналистике, но лишенного личного мнения. Но его мнение не доказывает нестабильность

болгарской позиции: оно искажает весь смысл борьбы болгар за церковную независимость. Каравелов убежден, что о соглашательстве между болгарами и греками не может быть и речи, хотя часть русских политиков желала бы этого:

«...удивительно, что эти продажные известия о симпатиях болгар к грекам с радостью принимаются в Москве и с торжеством являются в Славянском отделе "Дня"...в газете, первым делом которой было бы подать руку болгарам против давнишних их врагов, мы находим, напротив, сочувствие дикому цариградскому известию, что болгары идут рука об руку с греками» (с. 83).

Далее Каравелов подвергает критике две статьи Райко Жинзифова, опубликованные в той же газете «День». В остром споре со своими соотечественниками публицист стремится к тому, чтобы его слова не были восприняты как критика болгар вообще. В своих русских материалах Каравелов стремится вызвать симпатию к своему народу.

Рецензируя путевые заметки русского путешественника Николая Берга, Каравелов приходит к выводу, что иногда лучше ничего не знать о болгарах и их судьбе, чем представлять их в неверном свете. Рассказывая о славянах, живущих в Османской империи, Берг называет их «черными». Поводом для этого является их внешний вид: темные волосы и глаза, более смуглая кожа в сравнении с северными славянскими народам. Но определение Берга наводит на мысль о сближении «черных» славян с неграми (по социальной судьбе и житейской участи). Суждения Берга неверны и обидны для них: «Все черные славяне — это последние люди европейской цивилизации, почти то же, что турки, ничего не сделавшие для европейского мира; не имеющие литературы, не давшие ни одного серьезного деятеля в науке, нисколько не похожие на европейцев с виду»...» (с. 104).

Комментируя мнение Берга, Каравелов отклоняется от обсуждения конкретной публикации и сравнивает его аргументы с аргументами высокопоставленных европейских политиков о христианских народах, живущих в Османской империи. Он даже начинает иронизировать над нелестными

оценками и проистекающими из них «решениями» о судьбе южных славян. В заключение болгарин пишет, что лучше бы русская журналистика вообще не вспоминала о балканских народах. Неведение предпочтительнее, чем неверная информация!

Каравелов отдает себе отчет в том, что ситуация в болгарских землях сама по себе не вызывала бы такого большого интереса, если бы Болгария не была связана с судьбой славянского мира. Он понимает, что его журналистские публикации, в которых болгарские проблемы рассматриваются на более широком фоне, в сочетании с аналогичными ситуациями во всем славянском мире, имеют больший вес, выглядят солиднее. В газете «Московские ведомости» он публикует статьи «Сербия и европейское равноправие» (№ 152), «Турция и славяне» (№ 155); в газете «День»– «Голос к Европе с Балканского полуострова». После 1854 г. он продолжает писать по данной проблематике в газете «Голос». В первой из статей после беглого обзора перемен в европейской истории и политической географии, он приводит доказательство того, что равновесие, которое Европа стремится сохранить, — это динамический, а не статический процесс. Он отстаивает право Сербии и всех других национальностей, живущих в турецкой империи, на политическую независимость, на самостоятельное существование. В свою статью он включает смешной рассказ, иллюстрирующий невежество турок, и таким образом, усиливает тезис о непреодолимой турецкой отсталости:«В Боснии один школьный учитель преподавал сербскому юношеству географию. На экзамен собралось в училище множество народу, и в том числе турецкий духовный сановник, слывший ученым человеком. Он спросил у одного ученика о причинах землетрясений. Едва мальчик начал отвечать, как ученый экзаменатор вскочил, бросился к учителю, замахнувшись на него кулаком, и закричал: «Лжешь, христианская собака! Земля стоит на быке, бык на лодке, а лодка на воде; как только быку залетит в ухо комар или муха, бык потряхивает головою, и от этого происходят землетрясения» (с. 88). Все присутствующие поддержали «научное объяснение» духовного лица.

Следующие две публикации в основном составлены из цитат, взятых в газете «Болгария» и в чешской газете «Народни листи». В них речь идет о напряженных отношениях между болгарским населением и турецкими правителями, что усугубляется европейским присутствием в Османской империи. Главным виновником конфликтов на Балканах считается Россия. Каравелов комментирует, что Россия не может быть обвинена в подстрекательстве к выступлениям сербов, боснийцев, болгар, герцеговинцев, которые уже не могут терпеть бесчинства турок. В следующих материалах продолжаются предупреждения европейским политикам, дабы они обращали внимание на напряженность на Балканах, а не только на польский вопрос.

Своими публикациями в газетах и журналах Каравелов информирует читателей о различных событиях, объясняет связи между ними. Он пытается прояснить три главные темы, которые интересуют читателей России, и укрупняет их масштаб. Упорно, но не скучно пишет о смысле и ходе борьбы за независимость болгарской церкви, о болгарских проблемах как части общеславянских проблем; о культурном развитии на его родине. Для освещения этих трех важных проблем публицист вырабатывает свою стратегию. Цель ее — привлечь внимание и вызвать сочувствие русских читателей к судьбе своих соотечественников. Порою он стремится вызвать гнев русской общественности, направляя ее возмущение на врагов болгар, приводит примеры антирусской политики Османской империи. Но ни в одной статье, однако, Каравелов не позволяет себе комментировать конфликты России с другими Великими силами. Они присутствуют в его статьях как деталь, но он не акцентирует на них внимание. Он не допускает равнодушного отношения к болгарским проблемам, но вместе с тем вспоминает о несправедливости по отношению к России. Он старается чередовать публицистический тон и беллетристические приемы, вплоть до анекдотов. Таким образом он умело придает разнообразие своим статьям. Он не проявляет досадную брезгливость и не впадает в излишнюю патетику. Хотя сообщает много новостей из Болгарии. Его статьи полемичны

и зрелы. Самые ранние свои статьи и беллетристические произведения ЛюбенКаравелов публикует в России. Уже в них он проявляет свои талант.

Перевод с болгарского *М.Г. Смольяниновой*

РЕЗЮМЕ

ПОЛЕМИЧНОТО НАЧАЛО НА КАРАВЕЛОВАТА БЕЛЕТРИСТИКА

Статията проследява първите изяви на Любен Каравелов като публицист, които се осъществяват в Русия през московския период от неговия творчески живот. Макар и най-ранни, тези журналистически опити представят стратегическата позиция, начертана от автора, която той следва в книжовната си дейност в Русия, и която е подчинена на задачата да информира и да провокира руската общественост с българската тема. Борбата за самостоятелна църква, оформящото се желание за политическа независимост сред българите, разгледано в общославянски контекст и книжовните новости и постижения на сънародниците му, са главните теми на Каравеловата руска публицистика. Още с най-първите си белетристични и публицистични прояви авторът изявява своя талант.

МАРИНА ФРОЛОВА (Москва) DOI: 10.31168/0427-5.6

АЛЕКСАНДР II НА БАЛКАНСКОМ ФРОНТЕ 1877 г.: ШОРЫ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

Подписав Манифест об объявлении войны Турции 12 апреля 1877 г.[2], Александр II пожелал находиться вместе со своей армией на Балканах. 25 мая 1877 г. он прибыл из Петербурга в Плоешти к Дунайской армии, а 3 июля перенес свое местопребывание с румынского берега Дуная на болгарский. Дождавшись падения крепости Плевна (Плевен) и сдачи турецкого военачальника Осман-паши 28 ноября 1877 г., после пятимесячного пребывания в Придунайской Болгарии император отправился в Петербург. В существующей историографии всё еще не выяснена роль императора во время его присутствия в войсках. В дореволюционной литературе она оценивалась однозначно положительно.

Известный писатель граф В.А. Соллогуб (1813–1882), назначенный в Императорскую Главную квартиру в качестве официального историографа, в своем труде «Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году» несколько высокопарно определил сокровенный смысл присутствия императора на Балканском фронте: «Он шел как самый первый в семье своего народа, и в этом личном шествии уже высказывалось непоколебимое намерение достигнуть всемирно-объявленной цели. Личный переход через Дунай обозначал, что отступления не будет <...>

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18-512-76004)

[2] Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

оставалось идти вперед по воле Божьей, по желанию народа, по долгу совести»[3]. Необходимость нахождения Александра II в армии заключалась, по мнению Соллогуба, в следующем: «Само же присутствие государя <...> изобличало три значения: сердобольное, одушевляющее и наблюдательное. К первому относились неусыпное посещение и утешение раненых; ко второму — пример личной самоотверженности, объявления войскам подвигов дальних товарищей и щедрые награды за отличия; к третьему — монаршие мероприятия в случаях, превышающих власть главнокомандующего»[4]. Именно третье «значение» являлось важнейшим «в смысле стратегическом», так как монарх мог оперативно «изменить план кампании, поспешно двинуть новые массы войск, предписать сооружение шоссейных путей и железных дорог, указать места и способы зимовок», а также решить дипломатические вопросы. Соллогуб первым вступил в полемику с иностранной печатью и «словесными пересудами русского общественного мнения», которые утверждали, что присутствие императора задержит и стеснит действия армии, но граф доказывал обратное и, воздавая должное императору, расценивал пятимесячное пребывание Александра II за Дунаем как подвиг[5].

Создание подлинно научной биографии монарха требует полноты источникового комплекса, а также соответственного временно́го удаления, чтобы без пристрастия, но объективно понять и оценить его царствование. До 1917 г. в печати в основном появлялись сочинения[6], подобные статье С.И. Пономарева «Александр II. Царь-освободитель». В первый раз она была опубликована на страницах «Журнала министерства народного просвещения» (1898), а в 1902 г., к 25-летней годовщине начала русско-турецкой войны, была переиздана отдельной книгой, которая предназначалась для пополнения

[3] *Соллогуб В.* Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878. С. XXXII.

[4] Там же. С. XXXIII–XXXIV.

[5] Там же. С. 272.

[6] *Надлер В.* Двадцатипятилетие царствования императора Александра II (1855–1880 гг.). СПб., 1885.

библиотек низших, средних и высших учебных заведений, а также народных читален и библиотек. Освещая присутствие монарха на Балканском полуострове, автор подчеркивал, что благодаря ему «каждая решительная военная мера принималась без проволочки времени», «труды и заслуги награждались немедленно», «уход за ранеными совершался быстро и внимательно». Александр II лично вникал во все военные распоряжения, «велел объявлять во всеобщую известность весь ход дела, лично говорил Свое Царское спасибо и оживляющее ласковое слово»[7].

Первое научное исследование — «Император Александр II. Его жизнь и царствование», изданное к 25-летнему юбилею окончания русско-турецкой войны, принадлежало перу дипломата и историка С.С. Татищева (1846–1906). В 1877 г. он поступил в Мариупольский гусарский полк в качестве добровольца, начиная с осады Плевны служил ординарцем при генерале Э.И. Тотлебене; за военные отличия Татищев был произведен в офицеры, но впоследствии оставил военное поприще. Его фундаментальный труд не утратил своего научного значения и поныне. Опираясь на доступные ему источники, Татищев показал значимость пребывания на Балканском фронте императора, который, по его словам, «горел нетерпением быть личным свидетелем боевых подвигов доблестных своих войск». Александр II «тщательно отстранял себя от руководства военными действиями, предоставляя в этом отношении полную свободу и независимость главнокомандующему». Тем не менее «добрыми советами» он сдерживал «порывы и увлечения полевого штаба». Автор подчеркнул, что голос императора был главным на военных советах 1 сентября и 30 ноября 1877 г., определивших весь дальнейший ход военных действий. Так, на военном совете 1 сентября 1877 г. Александр II «"в сознании ответственности своей перед Россией", как он сам выражался, рассказывая об этом эпизоде близким ему лицам, нашел, что царю принадлежит решающее слово». Главнокомандующий и некоторые генералы (П.Д. Зотов, князь

[7] *Пономарев С.И.* Александр II. Царь-освободитель. СПб., 1902. С. 33–34.

Н.Ф. Масальский) предлагали разные варианты отступления от Плевны к Дунаю, генерал К.В. Левицкий, помощник начальника полевого штаба армии, энергично возражал, утверждая, что посредством блокады или осады следовало принудить Осман-пашу к безусловной сдаче, что таков долг, которого «требует не только честь армии, но и честь государства». Военный министр Д.А. Милютин еще более развил мнение помощника начальника полевого штаба армии. Александр II, у которого «личное мнение было уже составлено», приказал принять мысли Левицкого и Милютина за основание будущих действий. 30 ноября после падения Плевны на совещании в Порадиме (Пордим) император, выслушав предложения дальнейших действий Дунайской армии, утвердил «смелый план великого князя»[8].

Не успели отгреметь последние выстрелы русско-турецкой войны, как по высочайшему повелению Александра II была создана Военно-историческая комиссия Главного штаба русской армии по обобщению опыта войны. Интенсивно собирались опубликованные впоследствии (в 97 выпусках или в 112 книгах) официальные и личные документы; вышел фундаментальный обобщающий труд — 9-томное (в 16 книгах) «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» (1901–1913), плод усилий целого коллектива авторов (более 30 человек), куда входили многие известные историки и военные теоретики: К.М. Войде, М.А. Домонтович, Н.Д. Артамонов, Е. Аренс, М.А. Газенкампф и др. Необходимо отметить, что ученые в своей работе руководствовались следующим положением, которое вменялось Военно-исторической комиссии при ее создании и которое даже специально выносилось на титульный лист каждого тома в виде эпиграфа: «Составить полное систематическое описание всех событий войны, не вдающееся в несвоевременную критику, но излагающее с полной правдивостью фактическую их сторону».

Выполнение поставленной задачи способствовало огромному приросту исторических фактов и вполне отвеча-

[8] *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2010. С. 351–352, 357.

ло распространенным в исторической науке того периода идеям позитивизма. Нельзя не согласиться и с советским военным историком В.А. Золотаревым, который подчеркивал, что указанные ограничения были вызваны стремлением «оградить двор и высшие военные круги от возможных упреков в некомпетентности»[9]. Однако весьма нелицеприятная и конструктивная критика военачальников содержалась в многочисленных воспоминаниях, дневниках, письмах участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которые публиковались в журналах и выходили отдельными изданиями. С другой стороны, вероятно, сразу после войны не пришло еще время критического анализа деятельности конкретных личностей, поскольку участники недавних сражений были живы и продолжали занимать высокие посты. Кроме указанного «Описания...» появились и монографии видных военных историков — П.А. Гейсмана, М.А. Домонтовича, А.К. Пузыревского и др. Таким образом, до 1917 г. был сформирован значимый и обширный массив изданных источников и исследований. В целом русская военная литература, с пиететом относясь к императору, констатировала, что Александр II постоянно корректировал планы главнокомандующего и в чрезвычайных обстоятельствах брал на себя ответственность за принятие решений, от которых зависела участь всей военной кампании[10].

Советская историография внесла свою весомую лепту в разработку проблем русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с новых методологических и идеологических установок подошла к разработке причин, характера и политического значения этой войны для развития национальной государственности балканских народов, исследовала русско-болгарское боевое содружество, а также показала значительный вклад в войне за освобождение Болгарии народов Украины, Белоруссии, Молдавии, Кавказа, Прибалтики, представители ко-

[9] *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. Апофеоз Восточного кризиса. М., 2005. С. 159.

[10] *Домонтович М.А.* Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900. С. 54.

торых сражались в рядах русской армии[11]. Разумеется, дореволюционная литература критиковалась за идеалистический подход в рассмотрении русско-турецкой войны, за классовую тенденциозность при отборе фактического материала. Так, В.А. Золотарев, посвятивший не одну свою работу изучению дореволюционной историографии о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., отмечал, что война трактовалась «с откровенно апологетических позиций»: «шло открытое восхваление заслуг лиц царской фамилии, серьёзное исследование подменялось описанием подвигов»[12]. При этом достижения ученых Советского Союза в разработке темы оценивались им высоко[13].

Но в целом в советской литературе при достаточно объективном изучении и освещении основных событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пребывание Александра II на Балканском фронте практически не освещалось[14]. Впрочем, советская историография вообще отличалась «безлюднос-

[11] *Улунян А.А.* Советская историография о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., 1983. С. 49–55; *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. Апофеоз Восточного кризиса. М., 2005. С. 314–337.

[12] *Золотарев В.А.* Противоборство империй... С. 159.

[13] *Золотарев В.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии // Вестник общественных наук Академии наук армянской ССР. 1978. № 3; *Он же*: Проблемы войны 1877–1878 гг. в отечественной историографии (1920–1980 гг.) // Противоборство империй... С. 201.

[14] *Фортунатов П.К.* Боевой русско-болгарский союз в войне 1877–1878 годов // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953. С. 47–70; *Конобеев В.Д.* Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов и против решений Берлинского конгресса // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953. С. 71–138; *Залесский С.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 288–321; *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974; *Ростунов И.И.* Боевые действия русской армии на Балканах в 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 10–25; *Улунян А.А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994.

тью»: «Все события развивались как будто без участия действующих лиц»[15], — подчеркивает современный российский историк В.В. Лапин. «Интерес к личности монархов искусственно сдерживался по идеологическим соображениям, что и объясняет безразличие исторической памяти к Александру II»[16], — отмечал преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова А.П. Шевырев.

А если царское имя и упоминалось, то, как правило, в несколько негативном контексте. Так, военный историк Н.И. Беляев объяснял приезд Александра II в действующую армию тем, что он, надеясь «на легкое достижение победы и быстрый разгром Турции», хотел поднять свой личный престиж в стране. Беляев отметил значительный размер Главной квартиры императора, прибывшей на Балканский театр военных действий «в составе нескольких сотен чинов разного рода». Для ее «передвижения требовалось 17 поездов или от 350 до 500 подвод». Советский ученый считал, что присутствие царя на театре военных действий «сильно стеснило действия командования Дунайской армии и впоследствии в ряде случаев сыграло крайне отрицательную роль». Одновременно, по мнению Беляева, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был «склонен преувеличивать реальную нецелесообразность пребывания царя на театре военных действий и впоследствии часто использовал это для оправдания своих неудачных действий»[17]. В комплексе причин, в результате которых на военном совещании 1 (13) сентября 1877 г. было принято решение не отступать за Дунай, а организовать осаду Плевны, главную роль, полагал Беляев, играли не чисто военные резоны, а «соображения внешней и внутренней политики»: царь боялся «неизбежного падения международно-

[15] *Лапин В.В.* Предисловие // Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников. СПб., 2006. С. 18.

[16] *Шевырев А.П.* Почему тема реформ Александра II не востребована сейчас научным сообществом и мало (за пределами юбилея) востребована обществом? // Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников. С. 123.

[17] *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 117.

го авторитета царской России» и «усиления революционного движения в стране»[18].

1990-е годы внесли важные коррективы в отечественную историографию, благодаря чему стали появляться и труды, посвященные непосредственно самому Александру II. Советский историк, известная исследовательница крестьянской реформы 1861 г. Л.Г. Захарова (1933–2017), в русле повышенного внимания историографии к личностям и судьбам российских монархов, возникшего в результате смены парадигмы в исторической науке, опубликовала несколько статей, главным героем которых стал царь-освободитель[19]. В сюжетах о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Захарова отмечала, что Александр II считал своим долгом находиться в тылу армии, там, где были раненые, и подчеркивала его человечность и милосердие. Однако она считала, что постоянное вмешательство царя, горевшего желанием «принять участие в бою», согласно записям в дневнике военного министра Милютина, представляло опасность, «вносило только напряжение и сумятицу»[20]. В ее статье «Александр II и Дмитрий Милютин: взгляд на решение "Восточного вопроса"» в рассказе о военном совете 1 (13) сентября 1877 г. акцент был сделан на значимость роли Милютина: командование и царь склонялись к отступлению, но в этот критический момент по настоянию именно военного министра было принято решение об осаде, завершившейся победой и предопределившей окончание войны[21].

---

[18] Там же. С. 252.

[19] *Захарова Л.Г.* Александр II // Российские самодержцы. М., 1993; *Она же:* Александр II и Дмитрий Милютин: взгляд на решение «Восточного вопроса» // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 87–104; *Она же:* Александр II и место России в мире // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 372–402; *Она же*: Александр II: человек на троне // Александр II: pro et contra. СПб., 2013. С. 790–803.

[20] *Захарова Л.Г.* Александр II. С. 207.

[21] *Захарова Л.Г.* Александр II и Дмитрий Милютин... С. 99.

Свидетельством исследовательского интереса к особе Александра II является монография Е.П. Толмачева «Александр II и его время», изданная в двух томах (М., 1998). В ней очень подробно описана русско-турецкая война 1877–1878 гг., однако сохранена принятая в советской историографии практически «безличностная» манера изложения, поэтому не выявлена роль императора, присутствовавшего на Балканском фронте.

Профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета Л.М. Ляшенко в книге «Александр II, или История трех одиночеств» (М., 2002) в довольно кратком сюжете о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., постарался высветить позицию и чувства монарха в напряженные моменты в ходе войны. Так, после второго штурма Плевны император, по мнению автора, запаниковал, спрашивая у окружающих: «Что же это, второй Севастополь?» Ляшенко полагал, что Александра II можно было понять, так как его «царствование началось с позорного поражения русской армии в Крымской войне», у «него не было навыка военных побед, у него не было духа победителя, а вот опыт побежденного он имел и ни в коем случае не хотел его обогащать»[22]. Рассуждения историка звучат достаточно убедительно, только (если опираться на известную работу Л.М. Чичагова «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.») восклицание «Что же это, наконец, второй Севастополь!» вырвалось у императора не после второго штурма Плевны, а после прочтения им 11 августа 1877 г. депеш об отраженных в тот день защитниками Шипки атаках турок[23]. Именно защиту Шипкинского перевала, а не попытки русских взять Плевну, генерал-майор В.Д. Коссинский (1830–1889) сравнивал с обороной Севастополя, поскольку сам принимал участие в сражениях на бастионах города в 1855 г. и на Шипке. Вернувшись оттуда, он 17 августа докла-

[22] *Ляшенко Л.М.* Александр II, или история трех одиночеств. М., 2002. С. 243.

[23] *Чичагов Л.М.* Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г. СПб., 1995. С. 239.

дывал о произошедшем Александру II, отметив, что приступы турок на Шипке ему напомнили Севастополь, «только в слабой степени»[24].

Ляшенко подчеркивал, что лишь благодаря Александру II была прекращена «безобразная сцена» между главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем и военным министром Милютиным на военном совете 1 (13) сентября 1877 г. и спор разрешился в пользу последнего. Современный ученый задавался вопросом, как бы закончился этот военный совет, если бы «император остался в Петербурге и не последовал за армией».

Во время осады Плевны главной заботой монарха были раненные солдаты и офицеры. В монографии Л.М. Ляшенко приведены свидетельства современников об изменившемся внешнем виде Александра II, вернувшегося в Петербург из Дунайской армии: прежде «высокий и красивый воин, державшийся прямо, несколько склонный к полноте», превратился после Балкан в «старика». Ляшенко объяснил такие перемены в облике императора не только следствием перенесенных им болезней за время военной кампании, физических лишений и опасностей, которым не раз подвергалась Ставка главнокомандующего под Плевной, но и «странного предчувствия», во власти которого он находился: ему казалось, что он умрет, как и его отец, если начнется вооруженный конфликт с Турцией. «Жить под грузом постоянных мыслей о смерти очень тяжело»[25], — заключал Ляшенко.

Советский ученый В.Г. Чернуха (1930–2014), автор нескольких исследований о реформах Александра II и его внутренней политике и участник издания его дневников и писем, во введении «Великий реформатор и великомученик» к очередному тому из серии «Русский путь» о царствовании Александра II объясняла длительное его пребывание на фронте по-своему. Она писала, что император «ясно осознавал свою личную ответственность за начатую войну, принесшую ему немало огорчений», и считал себя обязанным разделить воен-

[24] Там же. С. 263.

[25] *Ляшенко Л.М.* Александр II. С. 244–245.

ные тяготы вместе с солдатами и офицерами. Исследовательница также подчеркнула, что эта война стала «своего рода семейным предприятием Романовых», поскольку Александр II, пытаясь укрепить престиж императорской власти и царствующей фамилии, привлек к участию в ней почти всех взрослых великих князей. По количеству находившихся на фронте членов императорской фамилии, отмечала В.Г. Чернуха, «эта война была делом небывалым»[26].

В других работах современных авторов об Александре II его присутствие на Балканском фронте в 1877 г. также не получило внимательной проработки, но в них продолжает доминировать преимущественно негативная оценка, которая складывалась из многих параметров. Так, Анри Труайя (Л.А. Тарасов, 1911–2007), французский писатель армяно-русского происхождения (называвший себя «русским армянином»), член Французской академии, автор серии «Русские биографии», исследователь исторического наследия России, полагал, что Александр II «ни в коей мере не обладал качествами полководца» и, сознавая свою некомпетентность в области стратегии, отказался принять на себя личное командование военными операциями. Однако, желая «испытать свою долю лишений и опасностей» вместе со своей армией на Балканах, он «и представить себе не мог, что его присутствие... не только не воодушевит войска, но и внесет сумятицу в руководство ими из-за соперничества среди генералов». К отрицательным моментам французский историк относил и многочисленность свиты царя, особо подчеркивая, что Генеральный штаб императора составлял «несколько сотен человек» и для их «транспортировки потребовалось 17 железнодорожных составов». «Когда штабные генералы и офицеры высаживались из вагонов, роскошь их мундиров и экипажей вызывала восхищение»[27], — повторял Труайя за британским корреспондентом газеты «Daily news» Арчибальдом Форбсом.

[26] *Чернуха В.Г.* Великий реформатор и великомученик // Александр II: pro et contra. СПб., 2013. С. 32.

[27] *Труайя А.* Александр II. М.: Эксмо, 2003. С. 192.

Популярный автор книг по истории России Э.С. Радзинский, отводя царю роль зрителя всех происходивших событий за Дунаем, «разбирателя споров», не несущего ответственности «за боевые действия и кровь», также акцентировал внимание на громадности его свиты, требовавшей более 500 подвод[28]. Современный историк С.А. Кочуков, опираясь на сведения из упоминаемого выше труда Н.И. Беляева, писал, что присутствие императора «требовало определенных усилий», поскольку только для перевозки его «походного багажа» необходимо было 17 поездов или от 350 до 500 подвод[29] (хотя Беляев сообщал обо всей Императорской Главной квартире, а не о личном багаже царя). А.Б. Широкорад, современный российский военный специалист по артиллерии, издавший множество книг по истории России, свиту Александра II, как и свиты великих князей, хлестко именует «титулованной саранчой», которая, по его мнению, стала «истинным бедствием для армии», так как для снабжения царя и великих князей требовались «тысячи лошадей и повозок». Он пояснял, что «ужасные дороги были забиты войсками и транспортом», а «в армии были постоянные перебои со снабжением, не хватало лошадей, волов, фуража, повозок и т.п.»[30].

Подобные высказывания вышеупомянутых авторов, к сожалению, не подкреплены ссылками на достоверные источники, поэтому голословны. Многие сведения без должного анализа и критики зачастую черпаются из сообщений корреспондентов, впервые допущенных на театр военных действий по решению главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. К середине мая 1877 г. при Дунайской армии, согласно данным Золотарева, находилось 23 корреспондента, в том числе 7 русских[31]. Н.В. Максимов, корреспондент газет

[28] *Радзинский Э.С.* Александр II: жизнь и смерть: документальный роман. М., 2006. С. 414.

[29] *Кочуков С.А.* «За братьев-славян». Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 344.

[30] *Широкорад А.Б.* Тысячелетняя битва за Царьград. М., 2005. С. 490.

[31] *Золотарев В.А.* Противоборство империй... С. 31.

«Голос» и «Русское обозрение», состоявший в отряде М.Д. Скобелева, сообщал, что было аккредитовано около 58 иностранных корреспондентов[32]. Называются и другие цифры. При этом, по отзыву известного художника В.В. Верещагина, все корреспонденты известных английских и американских газет следовали за армией с большим комфортом[33]. Нельзя не согласиться с Золотаревым в том, что во время войны «пресса начала серьезно претендовать на роль четвертой ветви власти»[34], поскольку формировала общественное мнение о войне, командовании, сражениях и т.п. Верещагин из всех иностранных корреспондентов выделял американца, корреспондента «Daily news» Я.А. Мак-Гахана (1844–1878), который казался ему «скромным, правдивым человеком и хорошим товарищем». И он, «бесспорно, симпатизировал русским в отличие почти от всех других, писавших в иностранные газеты. Известный А. Форбс, например, прикидывался сочувствующим нам до тех пор, пока был в районе действия армии, но скинул маску тотчас же, как только выбрался на простор»[35], — констатировал художник. Другой русский корреспондент, Вас. И. Немирович-Данченко, писал о Форбсе, который уехал из Дунайской армии 31 августа 1877 г.: «Высмотрев все плевенские атаки, определив численность нашей армии, изучив порядки, взвесив качества отдельных деятелей, усвоив себе способность ведения войны и планы всей кампании, он удалился в Лондон под предлогом болезни, не дождавшись даже конца кампании. И там начал "разоблачать"»[36]. Английского корреспондента ежедневной газеты «Standart» Ф. Бойля за статью, в которой он раскрывал расположение русских войск и укреплений накануне сражения за Плевну и писал о недостатках русской армии «с ехид-

---

[32] *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн: в 2 ч. СПб., 1879. Ч. 2. С. 328.

[33] *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. М., 1902. С. 119.

[34] *Золотарев В.А.* Противоборство империй... С. 62.

[35] *Верещагин В.В.* Указ. соч. С. 119.

[36] *Немирович-Данченко В.И.* Год войны: дневник русского корреспондента: в 3 т. СПб, 1878. Т. 3. С. 118.

ным злорадством», 12 (24) августа 1877 г. по приказанию главнокомандующего великого князя «изгнали»... с возможно большим скандалом и оглаской» не только из действующей армии, но и из Румынии[37]. О предвзятости иностранной, особенно английской, прессы по отношению к России в освещении событий русско-турецкой войны хорошо известно[38].

Чтобы обеспечить имидж русской армии в Европе, главнокомандующий соглашался и с самым примитивным подкупом. Полковник М.А. Газенкампф, которому великий князь Николай Николаевич поручил вести журнал военных действий, в дневнике от 17 сентября 1877 г. записал: «Сегодня же велено выдать 4000 франков корреспонденту "Wiener-Tagblatt" Лукешу по совету нашего военного агента в Вене Фельдмана. Газета эта расходится в 40000 экз. ежедневно, поэтому Фельдман находит полезным расположить в нашу пользу ее корреспондента». Деньги назначались как пособие «на покупку экипажа и лошадей»[39]. Осознав, сколь значимо опубликованное слово, корреспондентам даже стали «заказывать» нужные статьи. Так, по сообщению В.В. Верещагина, военный корреспондент «Московских ведомостей» князь Л.В. Шаховской (1849–1897) выполнил просьбу генерала Гурко и «в возвышенном, даже торжественном тоне расписал как предстоящие трудности перехода через Балканы, так и взятие Горного Дубняка»[40].

Возвращаясь к вопросу об Императорской Главной квартире, следует сказать, что она действительно имела самый большой состав — 747 человек, какого не было ни у одного из

---

[37] *Газенкампф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 125–126. Об этом инциденте писали в своих работах: *Золотарев В.А.* Противоборство империй... С. 63; *Манахова А.* Британские корреспонденты на театре боевых действий в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Меди@альманах. 2014. № 2. С. 54.

[38] *Блохин В.Ф., Косарев С.И.* Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) в отражении британской периодической печати // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12–2 (38). С. 22–26.

[39] *Газенкампф М.А.* Мой дневник. С... 132.

[40] *Верещагин В.В.* Указ. соч. С. 150.

предшествовавших российских монархов. Авторы работы об Императорской Главной квартире объясняли причины этого «сердечной и крайне доброй натурой» Александра II, который «всегда стремился сделать каждому добро, щедрой рукой рассыпать свои милости на окружавших его лиц и жаловал достойных назначением в свою Свиту»[41]. Однако на Балканский фронт с императором в его свите, отправились немногие, и их имена легко выяснить, обратившись к опубликованным источникам. Так, Александр II 25 мая 1877 г. приехал в Плоешти из Петербурга в сопровождении наследника цесаревича, великого князя Сергея Александровича и свиты в 30 человек, которые указаны поименно[42]. В другом официальном издании сообщено, что свиту Его величества составляли 26 человек, включая и великого князя Сергея Александровича (их имена приведены)[43]. А другой очевидец событий, П.А. Валуев, член Государственного совета и министр государственных имуществ (1872–1879), 22 мая 1877 г. записал в своем «Дневнике», что вечером 21 мая император уехал в армию со «свитой огромной», причем «под Императорскую Главную квартиру потребовалось 17 поездов»[44]. Однако в письме бывшего российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева от 21 мая 1877 г. приводятся совсем иные цифры: «Царский и свитский обозы отправлены с 12 мая из Петербурга 10 поездами»[45]. Он также сообщал, что лица императорской свиты добирались до

---

[41] Императорская Главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра II // Столетие военного министерства. 1802–1902. Кн. 1. СПб., 1914. С. 2.

[42] См.: Императорская Главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра II... С. 327–328.

[43] Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II. 1855–1881. СПб., 1902. С. 68.

[44] *Валуев П.А.* Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 12.

[45] В «Описании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» было указано, что для перевозки всех полевых управлений из Кишинева в Плоешти потребовалось 18 отдельных поездов. См.: Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 2. СПб., 1901. С. 52.

Плоешти самостоятельно, и Игнатьев, например, в одном из поездов один занимал целый вагон. Правда, узнав, что в поезде в очень стесненных условиях едут генерал-адъютант М.И. Чертков и генерал-адъютант светлейший князь Б.Д. Голицын 2-й, которых «хотели **набить** в один вагон вместе с другими пассажирами 1-го класса», Николай Павлович пригласил их перейти в одно из отделений своего вагона[46]. Этот пример свидетельствует о том, что сведения из сообщений частных лиц, даже занимавших высокие должности, необходимо проверять и другими, в том числе официальными документами.

Согласно историографу графу Соллогубу, 3 июля 1877 г. царь вступил на болгарский берег Дуная вместе со свитой в 37 человек, включая и представителей иностранных держав[47]. Л.М. Чичагов (1856–1937) в своем фундаментальном труде «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.» привел список членов императорской свиты, насчитывавшей 35 человек[48]. Военный министр Милютин 8 июля писал в своем дневнике, что свита императора значительно уменьшилась, поскольку «некоторые из флигель-адъютантов и генералов из свиты были распределены по корпусам и отрядам. В числе их и все лица царской фамилии»[49]. В.О. Дубецкий, поставщик Императорской Главной квартиры, перечислил 43 человека. И Соллогуб, и Дубецкий указывали, что общий состав Императорской Главной квартиры постоянно менялся, поскольку кто-то отправлялся по поручениям «во временные командировки на боевые линии» или отъезжал по состоянию здоровья, кто-то, напротив, прибывал.

Важно отметить, что зачастую командиров полков взамен погибших назначали именно из лиц Императорской Главной квартиры. Так, 14 июля 1877 г. флигель-адъютант полковник Н.П. Шлиттер по приказу императора стал командиром 17-го пехотного Архангелогородского его императорского высо-

[46] *Игнатьев Н.П.* Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 20, 21.

[47] *Соллогуб В.* Дневник... С. 5–7.

[48] *Чичагов Л.М.* Указ. соч. С. 171–172.

[49] *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. Т. 2. М., 1949. С. 194.

чества великого князя Владимира Александровича полка вместо полковника И.И. Розенбома, убитого 8 июля в сражении под Плевной. 14 августа в Польшу выехал генерал-майор свиты Ф.П. Веймарн (1831–1913), получивший в командование 7-ю пехотную дивизию, с которой затем принимал участие в военных действиях[50]. С другой стороны, Александр II включал в свою свиту отличившихся офицеров. Так, 10 июля 1877 г. он произвел в генералы «ввиду постоянных отличий адъютанта главнокомандующего полковника Ал.П. Струкова» и назначил его в свою свиту[51]. 2 августа император «поздравил» полковника Войска Донского Д.И. Орлова назначением его «своим флигель-адъютантом», 22 ноября — штаб-ротмистра И.И. Бибикова[52].

Дубецкий констатировал, что обед, подававшийся в столовой палатке, делился на 4 отдельных стола: императорский, гофмаршальский (для особ высших рангов), кавалерский (для остальных лиц свиты) и должностной (для чиновников разных канцелярий). Первые три стола сервировались одновременно, а должностной стол накрывался после окончания обеда на первых трех. Однако реальное разделение первых трех столов существовало только теоретически, на практике оно сказывалось лишь в распределении мест за общим большим столом. Как правило, за ним собиралось до 70 человек, а всего вместе с должностными лицами, службами и прислугой было около 200 человек[53]. Соллогуб писал, что «самый стол далеко не напоминал придворной роскоши. Два блюда за завтраком, три блюда за обедом», причем царь «для себя не допускал никакого различия». Роскошь выражалась только в том, что столовая походная утварь была серебряная, а за обедом играли музыканты лейб-гвардии Преображенского полка, прикомандированные к сводной гвардейской роте[54].

[50] Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II. С. 71.

[51] *Чичагов Л.М.* Указ. соч. С. 191.

[52] Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II. С. 71, 74.

[53] *Дубецкий В.* На выстрел от выстрелов. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 12. С. 688–689.

[54] *Соллогуб В.* Дневник... С. 10.

Императора сопровождал Гвардейский отряд почетного конвоя его величества, выполнявший охранные функции вместе с тремя эскадронами собственного его величества конвоя из кубанских и терских казаков. Поскольку поначалу не предполагалось привлечение гвардейцев в предстоявшей войне, Александр II, желая всё же предоставить гвардии возможность принять участие в боевых действиях в лице отдельных ее представителей, 2 мая 1877 г. издал приказ о формировании Гвардейского отряда. В него вошли: сводная рота пехоты, сводный полуэскадрон кавалерии, полурота саперов и пеших артиллеристов, которые набирались из нижних чинов всех пехотных полков и батальонов гвардии, а также трех армейских полков, в которых император был шефом, всего 496 человека (из них 16 офицеров)[55]. Следует подчеркнуть, что Гвардейский отряд был призван не только обеспечивать безопасность императора, но и решать боевые задачи. Поделенный на две очереди, он участвовал соответственно в сражении при переправе через Дунай 15 июня 1877 г. и в сражении под Ловчей (Ловечем) 22 августа. Как и все русские войска, он нес потери убитыми и ранеными. Но у офицеров конвоя имелись некоторые привилегии — они, например, входили в число обедавших вместе с императором, и близкое общение с монархом, как правило, содействовало их дальнейшей быстрой военной карьере[56]. Все офицеры конвоя были удостоены назначения флигель-адъютантами, правда, в разное время: 22 июля 1877 г. — л.-гв. Семеновского полка капитан А.И. Чекмарев, 22 августа 1877 г. — л.-гв. Гусарского его величества полка ротмистр Л.Е. Норд, 22 августа 1878 г. — л.-гв. 2-й артиллерийской бригады капитан К.П. Прежбяно и др.[57]

Уже упоминавшийся А. Труайя, отказывавший Александру II в полководческих способностях, не был одинок. С.А. Кочу-

[55] Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II... С. 76–77.

[56] *Копытов С.* Александр II и его телохранители. Боевые будни Гвардейского отряда почетного конвоя императора на Балканах // Родина. 2016. № 316 (3). С. 102–105.

[57] Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II... С. 79.

ков также утверждал, что военное образование Александра II «было далеко не высокое», хотя он и «носил генеральский мундир и с 14 лет командовал взводом во время учений 1-го Кадетского корпуса». Во время войны, отмечает этот автор, лично царь не принимал участия в командовании, но «всё же пытался давать советы, и ничего хорошего из этого не выходило»[58]. С.А. Кочуков акцентировал внимание на неудовлетворительности образования монарха: «Достаточно скромные познания Александра II в военном деле были понятны всем. И само присутствие императора было лишь необходимой формальностью». Правда, Кочуков не объяснял, на основании каких материалов он делал такие выводы, особенно о несостоятельности Александра II в военных науках. При этом по сравнению с советским историком Беляевым дал более жесткую характеристику взаимоотношений царя и главнокомандующего, подчеркнув, что великий князь, с одной стороны, был явно недоволен присутствием императора на фронте, а с другой, «сваливал на него все свои неудачи». По мнению Кочукова, пребывание монарха на Балканском театре военных действий больше походило «на увеселительную прогулку», хотя в ряде случаев он «выезжал на передовую и видел перестрелку авангардных частей»[59].

Совсем иное видение сложилось у болгарского историка, академика Всеволода Николаева (до эмиграции он являлся директором Института истории Болгарской академии наук, в эмиграции — профессором университетов в Лувене и Нью-Йорке, основателем Института славяноведения в Нью-Йорке). Он утверждал, что Александр II, несмотря на назначение великого князя Николая Николаевича (Старшего) главнокомандующим, «лично участвовал в войне» и лично руководил многими операциями, нередко «останавливая опрометчивые предложения своего брата». После неудач под Плевной император был единственным человеком во всем русском штабе, который был убежден в конечной победе. В. Николаев оценил план наступления русской армии через Балканы как весьма совершенный, а был он разработан царем, по словам болгар-

[58] *Кочуков С.А.* «За братьев-славян»... С. 338, 343.

[59] Там же. С. 344–345.

ского историка, «в этот момент лучшим и самым подготовленным специалистом в русской армии»[60].

При наличии в современной историографии двух столь противоположных суждений, естественно, возникает, вопрос: «Кто прав?»

К сожалению, даже простое сопоставление некоторых событий в изложении историографии до 1917 г. и после, включая XXI век, выявляет значительные различия. Например, из информации о военном совете 1 (13) сентября 1877 г. в современной литературе совершенно выпала фигура К.В. Левицкого — получается, что один Д.А. Милютин противостоит главнокомандующему. Не совсем понятна позиция и императора: он поддержал своего военного министра в самый последний момент, убежденный его доводами, или шел на совет с уже сложившимся мнением, и Милютин прежде высказывал эту точку зрения?

Л.Г. Захарова первая в современной литературе вспомнила фразу Александра II о поездке его на фронт в качестве «брата милосердия»[61], что, по ее мнению, свидетельствовало лишь о человечности и милосердии монарха. Опираясь на статью Захаровой, эти слова императора повторил Кочуков, подчеркнув, что «к заслугам царя можно отнести тот факт, что он не просто наблюдал за войной, а навещал раненых в госпиталях, награждал солдат и офицеров, которые показали себя в боях»[62]. Глубинную сущность слов Александра II — «Я еду братом милосердия» — понял только Л.М. Чичагов, боевой офицер[63], из-

[60] *Николаев В.* Александр II. М., 2005. С. 341–354.

[61] *Захарова Л.Г.* Александр II... С. 207.

[62] *Кочуков С.А.* «За братьев-славян»... С. 343, 347.

[63] Л.М. Чичагов, будучи подпоручиком 1-й Его величества батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады (в 1878 г. — поручик), прошел Балканы от Дуная до берегов Мраморного моря и был награжден за отличие в сражениях под Горным Дубняком и Телишем орденом св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», за переход через Балканы 13–19 декабря 1877 г. — орденом св. Станислава III ст. с мечами и бантом, за сражение под Филиппополем (Пловдивом) 3–5 января 1878 г. — орденом св. Анны III ст. с мечами и бантом, саблей с дарственной надписью от императора (за осаду и взятие Плевны). См.: *Чичагов В.П.* Владыка Серафим (Чичагов) как участник и описатель русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2004.

бравший после войны духовную стезю священнослужителя, а затем монаха (о. Серафим, митрополит Ленинградский и Гдовский). Он сумел раскрыть перед современниками смысл выбора императора, но, к сожалению, в настоящее время суждения Чичагова вспоминают крайне редко. Между тем они очень важны, ибо позволяют взглянуть на пребывание российского монарха на Балканском фронте в совершенно ином свете. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, обратиться к размышлениям Чичагова, чтобы показать, насколько однобоко и зачастую предвзято рассуждают современные историки об Александре II.

Чичагов писал, что в задачу царя не входило «встать во главе победоносной армии и руководить ее действиями, чтобы приобрести лавры военачальника или насладиться собственной славой, являясь при въездах в большие города и даруя им жизнь и свободу». Этот военный триумф он «предоставил своему брату — главнокомандующему — и доблестным войскам». Для себя он выбрал тыл армии — место средоточия перевязочных пунктов, лазаретов и госпиталей, представлявших собой ужасные картины войны, смерти и истребления, где «всё кровь, вечно страдания, плач, стоны и вопли». Чичагов убедительно показал огромное отличие в духе и настроениях армии на передовых позициях и в тылу, т.е. в госпиталях. «Передовые линии войск состоят из людей, охваченных чувством патриотизма, которое их безотчетно ведет вперед, обещая славу и торжество. Солдат, собирающийся в поход, всегда убежден, что он вернется живым». Офицеры и солдаты рвутся в бой. «На позициях они заняты делом, постоянно им развлечены, живут сплоченно, дружно, в многочисленном кругу однополчан, у каждого впереди будущее, иногда светлое и заманчивое. Постоянно слышатся шутки, веселье, забавы, которые прерываются лишь в часы боя, потрясающего нервы». «Жажда боя и борьбы не прерывается в кругу здоровых, счастливых и отличившихся. Затем для поддержки нравственной здесь есть всё: пример начальника, взаимная выручка, слово друга и оценка товарища». Иное дело в тылу: «В воздухе постоянный стон. Доктора, сбросив мундиры, с засученными рука-

вами работают с утра до ночи, еле успевая стирать с лица пот». «Везде пахнет кровью и хлороформом. Тут же между ранеными ходят священник в епитрахили и с крестом, напутствуя их». «Бой, отбитая атака, бегство и преследование — всё это не раздирает так душу, не имеет столь потрясающих картин, которые вы видите в повозках, везущих полумертвых бойцов». Описав тягостные реалии перевязочного пункта и госпиталя, Чичагов заключал: «Чувство самосохранения невольно заставит всякого бежать отсюда, дабы примкнуть к рядам войск, идущим под звуки музыки с распущенными знаменами в атаку на неприятельские позиции. Не каждый способен вытерпеть нравственные мучения госпитального врача или медсестры милосердия, которые днем и ночью неустанно и неотступно находятся при раненых и больных, в гнилой атмосфере, вдыхая в себя заразу и имея перспективы в недалеком будущем также улечься рядом с этими несчастными. Какой подвиг может быть ещё выше? Для этих испытаний нужны: и храбрость, и мужество, и терпение». Александр II достойно нес этот «тяжкий и мучительный крест», который он добровольно возложил на себя. Только ежедневное присутствие царя в госпиталях, подчеркивал Чичагов, могло заставить раненых забыть свое горе, а также обрести «уверенность, что каждая просьба будет не только услышана, но и исполнена», внимание монарха и его ласковое слово мирило их с судьбой, утешало, и «раненые гордились своим положением»[64].

Для подтверждения слов Чичагова следует привести лишь один эпизод, который нашел отражение сразу в нескольких источниках. Так, 14 июля 1877 г. отряд генерал-лейтенанта И.И. Воронцова-Дашкова, командующего кавалерией Рущукского отряда, производя рекогносцировку, вступил в сражение с турками близ Разграда. 18 июля 169 человек раненых были доставлены в 56-й военно-временный госпиталь у селения Бела (Бяла), где в то время находилась Императорская Главная квартира. Лейб-медик С.П. Боткин поспешил к транспорту с ранеными и увидел «больных еще на телегах, неумытых, замученных от переезда в 40 верст на арбах по скверным до-

[64] *Чичагов Л.М.* Указ. соч. С. XIV–XXIII.

рогам». Об этом он писал своей супруге: «Тяжелое впечатление! С непривычки оно даже и нашего брата-врача забирает. Да, это тяжелый вид. У меня не раз навертывались слезы, слушая эти стоны и смотря на изнемогающих от ран, от солнца, от тряски и усталости людей»[65]. После обеда император в сопровождении дежурного офицера Н.П. Игнатьева, а также Боткина посетил этот госпиталь, который был расположен за р. Янтрой. «Надо было видеть обаяние, которым пользуется государь, преобразующий стонущих, капризных и еле двигающихся страдальцев в улыбающихся молодцов одним своим появлением»[66], — удивлялся Игнатьев. «Наиболее тяжело раненым царь собственноручно раздавал ордена, то есть крест св. Георгия. Надо было всмотреться, как я, в выражения лиц получивших знаки отличия, чтобы прийти в восторг от храбрецов, смотрящих смерти и царю прямо в глаза»[67], — завершал свой рассказ Игнатьев.

Боткин, вновь пришедший в госпиталь, но в этот раз уже вместе с монархом, поразился удивительной перемене в настроении раненых, увидевших Александра II: «Ни одного раненого нельзя было узнать. Ни одного стона, ни одного вздоха не было слышно. Все лица просветлели. Все взоры одушевились радостью и благодарностью. Простреленные в ноги хотели держаться на ногах! Прежнее тяжелое чувство заменилось отрадным впечатлением»[68]. Боткин поделился своими впечатлениями с Александром II, и монарх записал в дневнике: «Боткин, который видел раненых в момент их прибытия, утверждает, что их не узнать, поскольку мое присутствие возродило их, так я счастлив ободрять их своими словами, идущими из сердца»[69]. Современному человеку не надо объяснять, какое значение для больного человека имеет его психологическое состояние: положительные эмоции и стремление

[65] *Боткин С.П.* Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 101.

[66] *Игнатьев Н.П.* Походные письма... С. 139.

[67] Там же. С. 139.

[68] *Саллогуб В.* Дневник... С. 63–64.

[69] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 678. Оп. 2. Д. 6. Л. 38.

к скорейшему выздоровлению побеждают уныние и способствуют исцелению от ран и болезней. Соллогуб, описывая посещение Александром II госпиталя, отметил два очень важных обстоятельства: «государь знает всю силу своего влияния на свои войска» и «счастлив тот народ, который умеет еще любить и верить»[70].

Наличие и силу монархического чувства у офицеров и солдат демонстрировали не только сцены в госпиталях при их посещении Александром II, но и описания встреч императора со своими войсками на марше или на смотрах, о чем сообщается во многих опубликованных материалах, вышедших из-под пера участников русско-турецкой войны. Например, даже военный министр Милютин не удержался и записал 17 октября 1877 г., что царь выезжал встречать Гвардейский Финский стрелковый батальон и вместе с ним доехал до бивуака Гвардейской стрелковой бригады. Там он по обыкновению был окружен офицерами и солдатами, долго бежавшими за его коляской с криками «ура»[71]. Воодушевление, которое охватывало войска при встречах с императором, помогало им преодолевать походные трудности, идти в бой и побеждать врага. К сожалению, этика почитания монарха, т.е. благоговейное многовековое внутреннее чувство к **помазаннику Божьему**, в современном обществе утрачена. Нам в XXI столетии подчас трудно понять громадную силу морального воздействия царя на солдат и офицеров, и поэтому, оценивая значение пребывания Александра II при Дунайской армии, историки упускают из виду данную важную сакральную составляющую в отношениях между монархом и русским войском.

Во время всего своего пребывания с Дунайской армией император являл собой пример необыкновенной выдержки, стойкости духа, спокойной уверенности и доброго настроения. В отличие от этого многие из его окружения, люди «не первой молодости», привыкшие, по словам Боткина, «к известному комфорту жизни», но вынужденные жить то «в середине поля под непосредственным почти влиянием знойного

[70] *Соллогуб В.* Дневник... С. 64.

[71] *Милютин Д.А.* Дневник... С. 223.

солнца», то в холодных балканских домах, не выдерживали и «раскисали»[72].

Каждый день Александра II, как и в Петербурге, был предельно насыщен работой и расписан по часам. Он обычно вставал в 8:00 утра независимо от того, во сколько лег спать накануне. На замечания лейб-медика о необходимости более продолжительного сна из-за утомления в отдельные дни император неизменно отвечал, что не может себе этого позволить, поскольку не успеет всего сделать. До утреннего кофе он посещал лазареты, затем читал телеграммы и донесения о военных действиях, внимательно следя за положением дел на фронтах. После завтрака с 12:00 монарх занимался бумагами, присланными из Петербурга, принимал доклады министров и других лиц. Причем, он никогда не прерывал работу из-за «необыкновенной жары», которая стояла в летние месяцы днем в Болгарии, и переносил тяжесть чужого климата и «все неудобства безропотно». В 16:00 царь ложился на час отдохнуть, но приказывал его непременно будить в случае важного известия. В 17:00 он отправлялся на прогулку, во время которой навещал лазареты и войска. В 19:00 подавался обед, в 21:30 — чай. В это время читались выдержки из газет, присланные министром иностранных дел из иностранных, а министром внутренних дел — из русских изданий. Александр II, обладавший замечательной памятью, поражал присутствовавших «знанием мельчайших исторических фактов и подробностей каждого сражения». Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич приезжал обычно раз или два раза в день. Около 23:00 все расходились, а «император работал у себя до часу ночи. Если ночью получалась телеграмма, то государя каждый раз будили». Такой установившийся распорядок изменялся только в те дни, когда император отправлялся на позиции[73].

Чичагов подчеркивал, что с переходом через р. Янтру «прекратились известия, радовавшие государя, и настали невы-

[72] *Боткин С.П.* Письма... С. 129.

[73] *Чичагов Л.М.* Указ. соч. С. 229–230.

разимые для него страдания, которые еще более мучительно отзывались на Его величестве, так как ему приходилось их переживать в одиночестве, без возможности высказать кому-либо свое горе». В присутствии «войсковых начальников, раненых и свиты он должен был наружно выказывать противоположное тому, что чувствовал внутри себя». «За всё время ни разу никто не слыхал от государя малейшей жалобы на неудобства или слова досады, упрека и не видел неприветливой улыбки или огорченного взгляда. Только похудевшее лицо императора свидетельствовало о тех страданиях и нервных потрясениях, которые испытывал он наедине в своей сырой палатке»[74], — отмечал Чичагов.

Можно, разумеется, критически воспринимать суждения военных историков дореволюционной России и обвинять их в пристрастности за тот пиетет, с которым они писали о заслугах Александра II. Но нельзя сбрасывать со счетов мнение, например, английского военного агента полковника Ф.-А. Веллеслея, квалифицированного военного специалиста, который находился при Императорской Главной квартире в Придунайской Болгарии. Этот англичанин, которого трудно заподозрить в особых симпатиях к России в целом и к ее самодержцу в частности, считал, что «успехом похода Россия одолжена вполне императору», который, «хотя не был Наполеоном, но отличался спокойным умом и здравым смыслом, позволявшими ему благоразумно решать спорный вопрос и поддерживать эту решимость с твердостью»[75].

Странно, почему до сих пор не принимаются во внимание высказывания на этот счет самого Александра II. Сохранилась запись генерал-адъютанта Н.Н. Обручева беседы (23 августа 1880 г.) с императором по прочтении последним «Записки», которая была написана генералом по поводу статьи, напечатанной во французском журнале «Nouvelle Revue»

[74] Там же. С. 221.

[75] *Тимирязев В.* Иностранцы в России. Воспоминания полковника Веллеслэя о России во время мира и войны // Исторический вестник. Т. 102. № 11. 1905. С. 712.

(1 и 15 июня 1880 г.), где ее автор Цион (а было известно, что за ним стоит фигура великого князя Николая Николаевича, бывшего главнокомандующего Дунайской армии) грубо искажал события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отмечая бестактность француза, царь «очень коротко говорил»: «И сколько я их (т.е. главнокомандующего и его штаб. – М.Ф.) предостерегал; от скольких глупостей избавил. Напоминал им и о флангах, и о Систове, чтоб обеспечили себя, а не рвались наудалую. Предупреждал перед второй Плевной быть осмотрительными, что у *Османа* большие силы, но они прислали сказать, что мои сведения преувеличены. А 30 августа! Что они сделали!! Приезжаю на другой день узнать, какие распоряжения? Главнокомандующий докладывает, что нам остается только отступать, что начали войну малыми силами, вооружение никуда не годно, артиллерия плоха, армия ничем не обеспечена. Я только изумился. Подзываю военного министра и повторяю всё сказанное. Тот пришел просто в ужас и говорит: "Ваше Величество, ведь это невозможно! Это позор! Как нам отступать, когда мы не знаем еще, что у турок делается, ведь может быть, они сами начнут отступать. Кто нас теснит. Мы должны стоять. Подойдут подкрепления, и мы возьмем свое". Главнокомандующий же напал на него, ну, если хотите оставаться в Болгарии, говорит, то и берите сами командование! Я успокоил его и, зная, какую несу перед Россией ответственность, приказал на другой день собрать военный совет. На совете все, как и главнокомандующий, высказались за отступление, чтобы отойти к Систову и там ждать подкреплений, только *Левицкий* был против. Но мое решение было уже твердо. Я приказал стоять. И хороши бы мы были, если б не остались. Бог помог!»[76].

Современная историография совершила настоящий прорыв, отбросив старые клише в оценке реформ 1860–1870-х гг.

[76] Записка о русско-турецкой войне 1877–78 гг., составленная генерал-адъютантом Обручевым в 1880 г. // Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 4. Соображения, касающиеся плана войны. СПб., 1901. С. 93–94.

и «заметив» наконец роль Александра II в их проведении. Л.Г. Захарова отмечает, что в марксистской литературе привыкли считать, что император «был *вынужден* приступить к радикальной реформе под давлением обстоятельств из страха перед возможностью крестьянских волнений. В действительности, осознав неизбежность крупномасштабных внутренних перемен во имя величия Державы, её места в мире после проигранной войны (Крымской. — *М.Ф.),* он *вдохновился* идеей отмены крепостного права и, однажды определив эту цель, следовал по избранному пути неукоснительно и решительно...»[77]. А.А. Левандовский подчеркивал, что освобождение крестьян и последующие реформы, «призванные в корне изменить русскую жизнь, как, наверное, не менял ее еще никто...», есть «жизненный **подвиг»** Александра II, и он назван «*Освободителем* по заслугам»[78]. В.Г. Чернуха делает вывод, что Александр II был великим реформатором.

При определении значения присутствия Александра II на Балканском фронте в 1877 г. историки привычно оглядываются на мнения современников тех событий. Но, к сожалению, многие персоны из высшего света, включая и высокопоставленных чиновников, нередко играли роль «пятой колонны» в России. Позволим себе привести обширную цитату из «Дневника» полковника Газенкампфа, который 21 ноября 1877 г. с огорчением записал следующее (напомним, что это был период утомительного стояния у Плевны в тягостном ожидании сдачи крепости): «Вчера вернулся из Петербурга флигель-адъютант полковник Кладищев и привез самые возмутительные сведения о тамошних сплетнях и пересудах». Главнокомандующего великого князя «громко и резко бранят, не стесняясь, войну клянут. К неудачам наших войск относятся со злорадным торжеством, как будто это войска неприятельские. Высшие сановники не только потворствует этому растленному направлению, но сами

[77] *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире... С. 379.

[78] *Левандовский А.А.* Предисловие // *Ляшенко Л.* Александр II. М., 2002. С. 18–19.

подают пример. Из среды *высшего* общества пущены в ход злобные остроты: "Нынешняя война — неудачный пикник дома Р." К военным бюллетеням придираются: то ропщут на недостаточность сведений, то на извещения, что всё спокойно и ничего нового нет. А по поводу одной телеграммы, в которой было сказано, между прочим: "Всюду холод и ненастье, на Балканах снег идет", сейчас же сочинили и пустили в ход ругательное четверостишие, о котором предпочитаю умолчать»[79].

Ведя дневник военных действий на Балканском фронте, составляя отчеты главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, а также ведая его корреспонденцией с Александром II, Газенкампф, будучи профессором Николаевской академии Генерального штаба, отлично знал, кто был «мозгом» войны, а кто исполнителем, пусть даже весьма талантливым. Он также знал, что необходима «историческая дистанция», чтобы события предстали в истинном свете и «тайное сделалось явным»[80]. Нам кажется, что уже начались определенные «подвижки» и в этом направлении. Так, современный историк А.Н. Боханов, издавший монографии о некоторых российских императорах (Павле I, Николае I, Александре III, Николае II), писал, что для Александра II, находившегося неделями на передних рубежах, это был «его священный долг, его высшая обязанность, пренебречь которой он не мог и не имел права. Он был за всё в ответе, он был русский правитель, получивший корону по Божественному соизволению и клятвой обязанный блюсти интересы, покой и престиж завещанной ему предками державы»[81].

Таким образом, перед современной исторической наукой стоит задача объективного исследования деятельности Александра II во время его пребывания на Балканском фронте и его роли в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

---

[79] *Газенкампф М.А.* Мой дневник... С. 184–185.

[80] Там же. С. 290.

[81] *Боханов А.Н.* Предисловие // *Митрополит Серафим (Чичагов).* Доблести русских воинов. Рассказы о подвигах солдат и офицеров в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. М., 2006. С. 15–16.

РЕЗЮМЕ

АЛЕКСАНДЪР II НА БАЛКАНСКИЯ ФРОНТ ПРЕЗ 1877 г.: КОНСКИ КАПАЦИ НА ИСТОРИОГРАФИЯТА

В статията се разглежда проблемът — как в досегашната историография се осветлява петмесечното пребиваване на Александър II в Дунавската армия. В предреволюционната литература, която с пиетет се отнася към императора, се разкрива сакралния смисъл на присъствието му в руските войски (тук се смята за ключова фразата на императора «Отивам на фронта като брат на милосърдието»), а също се очертава ролята му при вземането на решения, от които зависи съдбата на цялата военна кампания. В съветската историография пребиваването на Александър II на Балканския фронт практически не се отбелязва, и ако името му се споменава, то се прави само в негативен контекст. В литературата от края на 1990-те години насам — критиката се засилва. Но упрекът към Александър II за това, че той е взел със себе си стотици придворни, твърдението, че той не е притежавал пълководчески качества и е нямал достатъчни знания във военното дело, а също така и обвинението, че пребиваването му на Балканите за него било весела разходка, и т.н., нямат сериозна доказателствена база и лесно се опровергават дори при привличане на сравнително неголемия комплект от публикувани извори. По такъв начин пред съвременната историческа наука се поставя задачата за обективното проучване на дейността на Александър II по време на пребиваването му на Балканския фронт и на ролята му в руско-турската война 1877–1878 г.

ИГОРЬ КАЛИГАНОВ (Москва) DOI: 10.31168/0427-57

РЕПОРТАЖИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг. НА БАЛКАНАХ ВОЕНКОРА Л.В. ШАХОВСКОГО[1]

Важным источником о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском театре военных действий являются статьи русских корреспондентов, публиковавшиеся в российской периодике того времени[2]. Они ценны не только как содержащие конкретные исторические факты, но и как зеркало умонастроений в «верхах» и «низах» и положения в тылу и на фронте. Они отражали то, что витало в умах высшего военного командования, офицерской и солдатской массы, и формировали отношение к данной войне среди различных социальных слоев российского общества, читавших репортажи о войне в газетах и журналах той поры. События на Балканах освещали в своих публикациях несколько десятков наших журналистов и писателей, командированных на фронт ведущими периодическими изданиями. Это были «Биржевые ведомости», «Всемирные иллюстрации», «Наш век», «Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Одесский вестник», «Тифлисский вестник» и др.[3] По их письменному ходатайству штаб Действующей армии выдавал журналистам разрешение находиться на фронте и специальный опознавательный знак. Последний яв-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18-512–76004)

[2] *Яковлев О.А.* Военные корреспонденты во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. Л., 1978. № 8. История, язык, литература. Вып. 2. С. 60–64.

[3] *Апушкин В.* Война 1877 г. в корреспонденции и романе // Военный сборник. СПб., 1902. № 7. С. 202.

лял собой трехцветную шелковую повязку на рукаве с печатями и подписями на ее внешней и внутренней сторонах[4].

Разумеется, не ко всем репортажам следует относиться как к надежным и правдивым источникам. Некоторые журналисты предпочитали отсиживаться вдалеке от фронта в Румынии, черпая информацию для своих публикаций из вторых или даже третьих рук — из рассказов наших раненых солдат и офицеров, возвращавшихся в Россию в санитарных поездах. Другие довольствовались «отфильтрованными» информационными сводками и конференциями, ежедневно устраивавшимися в нашем Главном штабе до 11 часов утра[5]. И только часть военных корреспондентов отправляли свои репортажи непосредственно с места событий, рискуя получить в грудь турецкую пулю или быть разорванными турецким снарядом. Именно к таким репортерам и относился 28-летний князь Лев Владимирович Шаховской (1849–1897), командированный на Балканы газетой «Московские ведомости». Его репортажи отличают живой язык, увлекательность изложения и наличие многих фактов, полученных в результате непосредственных наблюдений автора. Сразу после окончания войны Л.В. Шаховской издал эти репортажи отдельной книгой[6], предупредив в предисловии к ней, что она представляет собой «ряд впечатлений» автора от пребывания его в Передовом отряде генерала И.В. Гурко[7]. В этом «ряду» временами присутствуют

---

[4] Согласно положению, на повязке находилось изображение двуглавого орла, вокруг которого читалась надпись «корреспондент» и помещался вышитый золотыми нитками его номер. Кроме того, журналисту необходимо было иметь при себе удостоверение личности с фотографией, заверенное подписями и печатями Полевого штаба и полевого комендантского управления армии. См.: *Гоков О.А.* Российская журналистика о войне 1877–1878 гг. (Балканский полуостров) // (ricolor.org/history/voen/bitv/xix/25_01_2011_01).

[5] *Газенкампф М.А.* Мой дневник. СПб., 1908. С. 5.

[6] *Шаховской Л.В., князь.* С театра войны 1877–1878. Два похода за Балканы. М., 1878. Репринтное издание: СПб., 2011.

[7] Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — генерал-лейтенант, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., позднее — фельдмаршал; его имя носит одна из центральных улиц Софии.

известная неупорядоченность, повторы и избыточность сведений, не всегда интересных современному читателю. Цель нашей публикации — высветить наиболее яркие и ценные места книги Л.В. Шаховского с учетом данных, приводимых другими его собратьями по перу[8].

Узнав в Тырново, что Передовой отряд русской армии под командованием генерала И.В. Гурко перешел Балканы, Л.В. Шаховской выхлопотал разрешение отправиться за ним вдогонку вместе с русским и иностранными корреспондентами: А.Д. Ивановым из журнала «Новое время», французами де Ля Моттом и Диком Лонлем, командированными журналами «Temps» и «Monde Illuste», и испанским журналистом Пелиссером. Л.В. Шаховской не сообщал своим иностранным коллегам конкретного маршрута и конечного пункта назначения их путешествия, что было весьма осмотрительным с его стороны. Репортажи иностранцев достигали редакций их газет и журналов гораздо быстрее, чем соответствующие материалы русских журналистов домой. Письма вторых шли до родных редакций 18–20 дней, тогда как материалы первых оперативно отправлялись адресатам при помощи нарочных по телеграфу из ближайшего австрийского города. Для наших корреспондентов подобная доставка была слишком дорогой и являлась непозволительной роскошью. Кроме того, несмотря на запрет писать о позициях и передвижениях наших войск, зарубежные журналисты иногда его нарушали, за что русское командование высылало их из страны. Так, например, поступили с репортером Бойлем из «Standard», которого отлучили от Главной квартиры и выслали из Румынии за публи-

[8] При этом мы хотели бы предупредить читателя об особой стилистике отдельных мест данной статьи. Это не «раскавыченные» пассажи из репортажей Л.В. Шаховского, не компиляции и не авторская «беллетристика». В них нет художественного вымысла — они отражают лишь наше стремление придать изложению историко-документальных фактов черты художественности и создать в будущем панораму образов Болгарии и болгар, возникавших в сознании русских людей.

кацию сведений военного характера, не подлежащих разглашению[9].

Возглавляемая Л.В. Шаховским группа военных корреспондентов выехала из Тырново, передвигаясь в повозке и верхом на конях в сопровождении болгарского проводника. Вечер 4 июля 1877 г., по словам Л.В. Шаховского, был просто дивный, а открывавшиеся перед ними виды — просто восхитительными. Через полчаса езды по ущелью путники вырвались на простор и оказались среди множества холмов и различных по высоте гор с самыми разнообразными очертаниями. Вся почва вокруг была покрыта голубоватыми цветами, отчего горы при заходящем солнце приобретали нежно-голубоватый оттенок. Езда путников напоминала плавание по морю: постоянные подъемы и спуски походили на неторопливую морскую качку. Дорога к Балканам лежала через сёла Плаково, Баниула и Войнешти. Тырновского проводника в Плаково прогнали, поскольку тот жаловался, что дальше дороги не знает. А найденный в том месте другой проводник-болгарин утверждал, что путь ему знаком только до следующей деревни, а дальше он никогда не ездил. В Баниуле болгары вообще отказывались стать проводниками[10] — эту роль взяли на себя казаки с наших казачьих постов.

Дорога становилась всё круче, у́же и каменистее. С одной стороны зияла пропасть, а с другой возвышались отвесные стены скал. Двухосная коляска быстро сломалась, но журналист А.Д. Иванов создал хитроумную конструкцию двуколки, соорудив последнюю из передка. Уже поздно ночью в полной темноте удалось взобраться на плоскую горную вершину, где

[9] Журналист Бойль под конвоем румынского жандарма был выдворен за пределы Румынии за подробное описание в своей статье наших позиций под Плевной и указание их слабых мест. См.: *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 71.

[10] Отказ болгар выступать в роли проводников русских военных и неохота, с которой они соглашались это делать, объяснялись опасением за собственную жизнь при встрече с турками или же тем, что болгары боялись мести за содействие «гяурам» в дальнейшем в случае сохранения турецкого статус-кво в Болгарии.

вокруг костра спали наши казаки с горного поста. Их лошади мирно жевали сено, а языки пламени костра освещали белый флаг на памятной деревянной колонне с надписью о переходе здесь через Балканы 30 июня 1877 г. отряда генерала Рауха[11] и фамилиями не только самого командира, но и находившихся под его началом офицеров. На колонне была указана и высота перевала над уровнем моря: «4 тыс. футов н.п.м.». Этот памятный знак изготовили по проекту полковника, графа Роникера, которого вскоре сразила неподалеку от Казанлыка пуля засевшего в кустах башибузука[12]. Ночлег на перевале для путников был не легким. Спать пришлось на открытом воздухе, потому что рядом не было ни сельца, ни горной хижины. Постелью Л.В. Шаховскому служил кожан, подушкой — седло, а одеялом — кожаное пальто. Не лучше были условия и у его спутников, поэтому с непривычки все поднялись в 5 часов утра, как только забрезжил рассвет.

Спустившись с перевала по крутому склону, они приблизились к руслу ручья, вдоль которого петляла дорога, ведущая в долину. Горы смыкались всё теснее, становились более угрюмыми и дикими. Их склоны покрывал сплошной лес, берега ручья плотно заросли деревьями и кустарниками. Уставшие лошади то и дело опускали голову и жадно пили черную студеную воду[13].

Позднее в других своих репортажах Л.В. Шаховской, видимо подробно расспросив солдат и офицеров Передового отряда Гурко, описал, как осуществлялся переход через Большие Балканы. Он был предпринят неожиданно для турок с целью зайти им в тыл. В случае успешности этого маневра наши войска оказывались в Казанлыкской долине, откуда с юга вела дорога к Шипкинскому перевалу, находящемуся в центральной Болгарии. Окопавшиеся на нем турки лишались при этом возможности снабжения и подкрепления из Филиппополя (Пловдива) и попадали в русские тиски с двух сторон[14]. Пози-

[11] Раух Оттон Егорович — генерал-лейтенант, герой войны 1877–1878 гг.

[12] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 10–11, 21.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 22, 86.

ции на этом перевале были неприступными: сдаться или бежать находившихся на них турецких солдат могла заставить только угроза голода. Желая блокировать переход русских через Балканы в Казанлыкскую долину, турки перекрыли не только Шипку, но и все подходящие для этой цели перевалы за исключением Хаинкёйского ущелья. Его непроходимость, казалось бы, исключала возможность прохождения здесь русских воинских колонн, обоза и артиллерийских орудий.

Оплошностью турок не преминуло воспользоваться русское командование. От местного болгарского крестьянина хаджи Стою из Тырново русские узнали о горной тропе, ведущей в Казанлыкскую долину через деревни Плаково — Присово — Средне-Колибе — Войнешти — Райковцы — Паровцы — Хаинкёй. Генерал Гурко приказал генералу Рауху уточнить ситуацию, и тот отправил в разведку переодетого болгарином урядника князя Церетели в сопровождении трех болгар. Разведчики достигли почти самого конца ущелья на противоположной стороне Балкан, где находилась турецкая мельница, и по возвращении доложили, что горные орудия по тропе пройдут, а если ее расширить, то там смогут пройти и конные артиллерийские упряжки[15].

Для превращения тропы в дорогу генерал Гурко приказал Рауху сформировать и возглавить специальное подразделение из сотни уральских казаков и конно-саперной команды, не обученной, правда, саперному делу. Оно выступило из Тырнова 28 июня без какого-либо обоза — в нескольких повозках находились только шанцевый инструмент и динамит. Последним, однако, воспользоваться не пришлось — слишком велика была опасность выдать туркам тайное передвижение русских войск. Тропа обустраивалась под прохождение 16 четырехфутовых орудий отряда Гурко и его более крупных войсковых соединений. Работа шла целый день, продвигалась медленно и с неимоверными трудностями. У села Войнешти тропа была завалена большими каменьями и глыбами, и солдатам приходилось оттаскивать их в сторону или разбивать кирками. Стояла страшная жара, скалы дышали адским пламенем, ужасно

[15] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 26, 30.

хотелось пить. Генерал Раух и капитан Сахаров работали ломами и кирками наравне с солдатами, подавая им пример. Достигнув выхода из ущелья, отряд генерала Рауха остановился в ожидании подхода более крупных сил. Возможно, это был Божий промысл, потому что всего в 15 верстах от этого места в Сливно (Сливен) шагали три батальона турецкой пехоты. Узнай турки о нахождении рядом немногочисленного отряда русских «гяуров», они бы прижали его к горловине ущелья и истребили всех до единого. Но им и в голову не приходила мысль, что русские отважатся совершить переход по ущелью, куда даже птица не осмеливалась залетать[16].

Передовой отряд Гурко двигался вслед за саперами Рауха вместе с артиллерийскими упряжками, для которых в селе Войнешти у болгарских крестьян были арендованы буйволы и волы. При выходе из ущелья авангард отряда, состоявший из пластунов и батальона стрелков, столкнулся с четырьмя конными башибузуками. Те подняли тревогу в соседнем турецком лагере и в четырех близлежащих селах, но стрелки и пластуны быстро сломили сопротивление неприятеля и заняли деревни Хаинкёй и Коняры. 2 июля 1877 г. весь передовой отряд уже находился в Казанлыкской долине, что стало для турок громом, разразившимся среди ясного неба. Они стали отступать по долине, продержавшись лишь несколько часов в селе Уфлани. Растерявшись от неожиданного натиска на Шипку с севера казаков Орловского полка во главе с генералом Скобелевым и узнав о приближении отряда Гурко со стороны Казанлыка, турки в панике покинули позиции на Шипкинском перевале. А из находившихся поблизости городов Стара-Загоры и Калофера к Гурко прибыли депутации с известием о сложении турками оружия и мольбой о пощаде[17].

Но возвратимся к группе журналистов с Л.В. Шаховским. Миновав Хаинкёйский перевал, она продолжала свой путь, стремясь нагнать Передовой отряд генерала Гурко. Проводников у них не было, и путники уточняли дорогу у встречных болгар. От них они узнали, что до взятого нашими войсками

[16] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 27, 29–31.

[17] Там же. С. 31.

Казанлыка остается 40–50 верст. Дорога в этот город тянулась по Казанлыкской долине между грядами гор, которая имела в ширину приблизительно четыре–пять верст. По словам Шаховского, она выглядела просто роскошно. Ее богатство радовало взор: здесь росли густые виноградники, чередовались сжатые и несжатые поля, луга были покрыты густой, сочной травой, возвышались ореховые деревья. Это был настоящий оазис среди сумрачных гор, напоминавший луч солнца среди грозовых туч. Путникам хотелось вдоволь налюбоваться этими прекрасными видами, но мысль о том, что из-за каждого куста в любую минуту могут выскочить башибузуки, отравляла сознание и рисовала картины притаившихся за розами ядовитых змей[18].

По дороге путники пережили несколько приключений, прежде чем очутились в уже упоминавшемся нами турецком селе Уфлани. Оно почти всё выгорело, земля была покрыта серовато-ми пеплом, золой и тлеющими углями. Частично сохранились лишь некоторые фруктовые деревья в глубине больших садов, причем ветви их ломились от спелых белых и синих слив, абрикосов и еще незрелых яблок и груш. Полакомившись ими вдоволь, путники вошли в единственное сохранившееся здание села — мечеть. Уцелела она, вероятно, потому что была защищена плотной стеной деревьев. Те обуглились от огня, но спасли мусульманскую святыню от уничтожения. В мечети отсутствовали следы грабежа, но она и без того выглядела очень бедно. На полу лежали плохонькие ковры, наверху висели низкие деревянные люстры с отверстиями для шкаликов с маслом. На внутренних стенах мечети были приклеены листы бумаги с изречениями из Корана. Обстановка, по словам Шаховского, была даже не бедной, а просто нищенской[19]. Позднее Л.В. Шаховской узнал, что, переправившись со своим отрядом и 16 орудиями через Хаинкёйский перевал, генерал Гурко застал турок врасплох. Используя фактор внезапности, он неожиданно напал на них с тыла и в течение 2–6 июля продвигался по Казанлыкской долине, заняв расположенные

[18] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 10, 16.

[19] Там же. С. 18–19.

в ней сёла и города Казанлык и Стара-Загору. Мы не станем подробно останавливаться на описании Казанлыка, — возможно, более интересным для читателя будет узнать то, что вскоре этот город, также, как и Стара-Загору, пришлось оставить под натиском армии Сулейман-паши. Понимая, что в Болгарии ситуация для них складывается катастрофическая, турки на судах англичан перебросили из Черногории 45 батальонов своих опытных, привыкших сражаться в горах солдат. Ожесточенные бои разгорелись в Стара-Загоре, которую защищали наши Казанский и Астраханский драгунские полки и Киевский гусарский вместе четырьмя дружинами болгарских ополченцев под общим командованием Николая Максимилиановича, герцога Лихтенбергского. Они были окружены 30- тысячным войском Сулейман-паши, героически держали оборону, но 19 июля вынуждены были отступить к Казанлыку. Особенно большие потери в этих боях понесли дружины болгарского ополчения[20].

Затем началась эпохальная схватка на Шипке, которую турки вынуждены были ранее отложить из-за блестящего обходного маневра Передового отряда Гурко. Бои на Шипкинском перевале, равно как и осада Плевны — темы, достаточно хорошо раскрытые в очерках военных корреспондентов того времени. Гораздо большее любопытство вызывают рассказы Л.В. Шаховского о малоизвестных уголках болгарской земли и его наблюдения о чувствах, обуревавших участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Таким, например, является повествование журналиста о Трыстенике — небольшом селе, расположенном к северо-западу от Плевны. В нем некоторое время размещался штаб генерала Гурко. Л.В. Шаховской описывает Трыстеник как бедную, печальную деревушку, выглядевшую крайне неприглядной из-за сетки мелкого дождя,

[20] Там же. С. 45; По плану русского командования предполагалось в два приема по 6 тыс. человек вооружить, одеть и обучить 12 тыс. болгарских добровольцев. Второй набор, однако, оказался недоукомплектованным: в дружины вступили только 4697 чел. См.: *Стоянов И.* Московският славянски комитет и българското опълчение. Велико Търново, 2014. С. 105.

который непрестанно моросил две недели подряд. Жилища болгар были врыты в землю, их крыши тоже были покрыты землей. По его словам, это село, в сущности, представляло собой сотню разбросанных по равнине землянок. В сырую погоду его можно было не заметить даже вблизи. Присутствие людей выдавал лишь дым, выходивший из землянок и низко стелившийся по земле. Путникам казалось, что дымится и курится сама земля. Под земляными крышами их ожидала одна и та же невеселая картина — окон нет, внутри стоит полумрак, землянка освещается светом, проникающим через единственное отверстие где-то сбоку в крыше. Оно служит одновременно для выхода дыма от очага, топящегося сухими стеблями кукурузы. Огонь в очаге обычно поддерживается круглые сутки, освещая на мгновение холодные темные углы красноватыми всполохами. В землянках было сыро, сквозь крышу проникали скапливающиеся большие дождевые капли, которые с глухим стуком падали на земляной пол. В очаге, как правило, варилось какое-то варево из вареной или печеной кукурузы. Из нее болгары пекут даже хлебные лепешки[21].

Л.В. Шаховской писал, что всю работу в землянках обычно выполняют женщины, не сидя без дела ни минуты: одна несет ведро с водой, другая готовит топливо для очага, третья сидит за прялкой или вяжет, четвертая покрикивает на детей. Беженки безропотно несут свою горькую долю, не жалуясь на судьбу и на то, что вынуждены ютиться под чужим кровом, работая целый день не только на себя, но и на семью хозяина. В отличие от них, мужчины болгары заняты только тем, что круглыми сутками сидят у очага, тупо глядя на огонь и отвечая на вопросы неохотно и односложно[22].

Несомненно, интересно и упоминание Л.В. Шаховского об участии в войне против турок кубанской и осетинской кавалерии. По его словам, по внешнему виду этих кавалеристов

[21] *Шаховский Л.В.* Указ. соч. С. 84–86.

[22] Этот образ болгарина, часами неподвижно сидящего у очага, уставившегося на огонь и отвечающего на вопросы неохотно и односложно, кочевал из очерка в очерк русских журналистов. См., например: *Окрейц С.С.* На войне и дома. СПб., 1880. С. 118.

невозможно было отличить от турок: одинаковые восточные лица, мохнатые папахи и порыжевшие от дождя бурки. Лошадки у осетин были маленькие и невзрачные, но они вытворяли на них настоящие чудеса[23]. После нескольких стычек с такими нашими кавалеристами у реки Вид турки и черкесы больше не решались совершать выезды в направлении дороги на Софию. Тем более что осетины и кубанцы предпочитали шашки пулям, испытывая к последним величайшее презрение. Они считали их пустой забавой, поскольку турки обычно палили в них из винтовок, даже не целясь. Настоящим мужским делом они считали рубку на саблях и шашках, и героем для них был тот, кто зарубил больше врагов. Казаки указывали Л.В. Шаховскому на одного невысокого, коренастого осетина, зарубившего под Ловечем 18 турок. По их словам, этот удалец зарубил бы еще больше турок, но на 18-м лезвие шашки выскочило из рукоятки, поскольку удар клинка пришелся по затылку турка. После русской победы под Ловечем отличившиеся осетины получили награды: христиане получили по кресту со св. Георгием на коне, а мусульмане — по кресту с изображением орла. Выпив на радостях и рассмотрев награды соотечественников-христиан, мусульмане сочли себя обойденными должным вниманием и стали требовать от командира награды с джигитом, а не с птицей[24].

Среди наших корреспондентов было распространено мнение, что турки и черкесы сильны в обороне, но не отличаются большой храбростью и смелостью и не выдерживают наших штыковых атак. Л.В. Шаховской показывает, что в рядах наших врагов на самом деле было немало удальцов. Он рассказывал, как во время преследования бегущих к Адрианополю турок и черкесов те попытались подстрелить взобравшегося на небольшой курган генерала Гурко. Три конных черкеса, отделившись от основной массы турецкой кавалерии, приблизились к русскому командиру на расстояние выстрела. Один

[23] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 85–86.

[24] Данный казус с «птицей» и «джигитом» описан в: *Немирович-Данченко В.И.* Год войны. Дневник русского корреспондента 1877–1878. СПб., 1878. Т. 1. С. 221.

из них произвел по Гурко несколько неудачных выстрелов из пистолета, и когда генерал приказал осетинам отогнать нахала, тот не ускакал, как его сотоварищи, а остался на месте, не обращая внимания на град пуль, которыми осыпали его бегущие к нему осетины. Отважный черкес не двигался с места — более того, он несколько раз медленно проехался вдоль набегавшей шеренги осетин, делая им приветственные знаки рукой. Лишь когда расстояние сократилось до непозволительно близкого, черкес припустил коня и ускакал целым и невредимым. Его удаль вызвала одобрительный шепот среди шагавших мимо кургана русских солдат[25].

В другом своем репортаже Л.В. Шаховской позже упомянул о геройском поведении турецкого паши под Станимаком (Асеновградом), находящимся в 20 км к югу Пловдива. Раненный и окруженный русскими солдатами, тот отказался сдаться в плен и, сидя на коне, отчаянно отбивался от наседавших на него «гяуров», которые решили непременно пленить его живьем. Одному из них паша отсек руку, другому исполосовал саблей всё лицо и многих переранил, пока его не сняли с седла штыками[26].

Важную роль для турок при обороне Плевны играла дорога на Софию. Через нее осуществлялась связь осажденных с Константинополем, по ней они получали боеприпасы и провиант, вывозили больных и раненых. Благодаря ей турки в случае неуспеха сохраняли возможность отступить за Балканы. Дорога являлась последним ключом к Плевне, и поэтому от самого города, начиная с ведущего к нему каменного моста, Осман-паша приказал возвести укрепления на окрестных высотах и держал гарнизоны в расположенных вдоль нее селах — Долни- и Горни-Дубняк, Телиш, Луковцы, Брестеница и Яблоница. Здесь были возведены ложементы для артиллерийских орудий, вырыты окопы для пехоты. Транспорты из Софии и обратно турки обычно прикрывали большим количеством кавалерии, пехоты и интенсивным орудийным огнем. Но на пути колонн часто возникали кубанские казаки, обращавшие турок

[25] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 284.

[26] Там же. С. 292.

в бегство. Они выпрягали волов из телег, а сами телеги выводили из строя. В самой же Плевне турки держали своих раненых в домах болгар, зная, что русские канониры не станут обстреливать болгарские кварталы. Хозяева таких домов при этом лишались родного крова. А в православных церквах турки устраивали склады пороха и других боеприпасов[27].

Как и большинство других русских военных корреспондентов, Л.В. Шаховского поражала жесткость и бесчеловечность турок по отношению к нашим раненным солдатам, попавшим к ним в плен. На Шипке пленных русских солдат и офицеров турки обезглавили и дико изувечили, сложив в одном месте в кучку 18 отрезанных голов. Среди них находилась и голова казачьего полковника, командира отряда пластунов. На его отрубленной шее виднелась красная лента с крестиком — она была приклеена к коже запекшейся кровью[28]. Из уст в уста передавался на фронте и рассказ об изуверстве турок, которые 12 октября 1877 г., захватили наших раненых у села Горни-Дубняк. Там солдаты Егерского полка целый день стойко обороняли у села Телиш ложементы, отбитые у турок непосредственно перед их редутами. Только благодаря подошедшему подкреплению турки к вечеру смогли сломить сопротивление егерей и вынудили их отступить. При этом много наших убитых и раненных солдат попали в руки врагов и, как и на Шипке, были раздеты, замучены и изувечены.

После сдачи турками упомянутого села перед глазами открылась страшная картина. Все наши пленные из Егерского полка — общим числом около трех-четырех сотен — были зверски убиты и обобраны до нитки. Их раздетые догола, обезображенные до неузнаваемости тела были собраны в одном месте и прикрыты тонким слоем земли, чтобы не бросаться сразу в глаза. Турки отрезали еще живым пленным уши и носы, вырезали ремни на спинах, отрубали головы, руки и ноги. У всех егерей с продольным галуном на погонах за отличную стрельбу имелся крестообразный надрез кожи на виске. На лицах изувеченных лежала печать муки, они были иска-

[27] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 79, 81.
[28] Там же. С. 23.

жены предсмертной судорогой, персты правой руки иногда были молитвенно сложены. Тела же наших солдат, убитых в бою, изувечены не были, хотя вся одежда с них также была снята. Пленный турецкий паша пытался свалить вину за эти зверства на якобы сбежавших затем черкесов и башибузуков, но сам проговорился о том, что вынужден был стрелять из пистолета по своим же солдатам, чтобы остановить их бесчинства[29].

Резкий контраст этому составляло отношение наших солдат и командования к пленным раненым туркам. Их число было велико, и на перевязочных пунктах, куда их доставляли, они превращались в трудно управляемую толпу. Гвалт среди турок стоял страшный, они отталкивали один другого, стараясь первыми пройти перевязку. Такая же куча мала возникала, стоило нашему санитару принести ведро воды или мешок хлеба для раздачи. Ведро часто опрокидывали, а мешок буквально рвали друг у друга из рук. Приставленной для соблюдения порядка страже при этом оставалось только беспомощно разводить руками. Некоторые из санитаров выражали досаду, что нам приходится кормить и выхаживать раненых турок, учиняющих над нашими пленными ужасные зверства, как у села Телиш. Один из них даже как-то произнес, что пленных турецких изуверов следует всех закалывать. Но эти слова были сказаны им в сердцах — на деле при взятии редутов редкий русский штык поднимался для того, чтобы заколоть раненого турка. Л.В. Шаховской писал, что «русский солдат показал себя высоко великодушным, хотя турки и сделали с своей стороны всё, чтобы возбудить в нашем солдате чувства раздражения и злобы»[30].

Ценными для читателя выглядят свидетельства Л.В. Шаховского о встрече русских войск болгарами 13 ноября 1877 г. в Этрополе — город, который удалось занять без боя. Он ви-

[29] Там же. С. 129–130. О зверстве турок писал и *В.И. Немирович-Данченко*. См.: Указ. соч. С. 219; *Калиганов И.И.* Болгарский народ глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимное восприятие) // Славянский мир в глазах России. М., 2011. С. 107–148.

[30] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 134.

дел ее собственными глазами, присоединившись к Западному отряду войск генерала Гурко, который должен был перерезать Софийское шоссе, ведущее к Пловдиву, а затем взять и Софию. Л.В. Шаховской писал, что дорога к Этрополе вела через ущелье Малого Искыра между рядами горных кряжей с двух сторон. Их было много, и они отвесно понимались ввысь. А находившийся справа пик Орлиное гнездо был настолько высоким, что приходилось задирать голову вверх, чтобы увидеть его макушку. По ущелью с глухим ревом, пенясь, несся горный поток, изгибы которого повторяла торная дорога к городу. При въезде в него навстречу Гурко вышла депутация болгар с крестом, хоругвями и с хлебом-солью. Благодарственный молебен в честь победы над турками решено было совершить в церкви св. Михаила. Она была небольшая, но очень чистая, хорошо отделанная, с резным деревянным иконостасом и образами, сверкавшими свежими красками. Священника в ней, однако, не было. Оказалось, что, покидая город, турки увели с собой всех четырех священников наряду с 15 наиболее именитыми болгарскими горожанами и самыми красивыми болгарскими девушками и женщинами. Церковь без священника равносильна телу без души — поэтому болгары стояли печальные, с жалким видом, грустно понурив свои головы. Из-за отсутствия батюшки молебен пришлось перенести на следующий день: его отслужили с участием хора из солдат в присутствии всех наличных высоких воинских чинов: генералов Гурко, Рауха и Дандевиля[31], принца Ольденбургского и графа Шувалова[32].

Позднее один сбежавший из турецкого плена этропольский священник рассказывал, что турки увели их силой. По его словам, наместник Этрополя Назиф-эфенди при приближении русских войск начал уговаривать священников и на-

[31] Дандевиль Виктор Дезидерьевич (1826–1907) — потомок пленного француза, оставшегося в России после войны 1812 г., генерал-майор, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

[32] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 168–169. См. также: Воспоминание об Этрополе, об этропольских Балканах и о Баба́-горе // Военный сборник. СПб., 1879. № 9.

иболее почитаемых болгарских горожан бежать вместе с турками в Софию. Он запугивал болгар, говоря, что, взяв город, русские всех их перережут, а он, напротив, предоставит им телеги для бегства и обеспечит им пропитание. Назиф-эфенди также просил болгар склонить к бегству своих единоверцев, видимо с целью создания у русских впечатления того, что в Этрополе их никто не ждет. Но болгарские именитые горожане и священики отказалась покинуть свои дома и церкви, из-за чего турки объявили их заложниками и силой увезли в Орхание. Там болгары стали свидетелями зверств турок над болгарским населением. Особенно свирепствовали черкесы. Они поджигали болгарские кварталы, резали болгарских детей и женщин, грабили имущество «неверных» при полном попустительстве местного паши Шефкета, который смотрел на творящиеся бесчинства сквозь пальцы. Возмущенные этими бесчинствами другие турецкие паши даже оправили в Константинополь донос на Шефкета, обвиняя его в том, что он разложил турецкое войско. Возможно, этот донос возымел действие, потому что Шефкет-пашу отозвали в столицу[33].

Упомянутый город Орхание, расположенный в долине реки Правицы по дороге на Софию, наши войска в конце ноября 1877 г. долго не занимали, на что имелась своя причина. Загвоздка была в том, что покинувшие его турки заняли близкие господствующие высоты и могли практически безнаказанно расстреливать из орудий русских солдат, если бы они в нем расквартировались. Поэтому генерал Гурко до поры до времени ограничивался посылкой в Орхание небольших конных разъездов лейб-гвардейских улан, гусар и казаков, которые вступали в стычки с черкесами, приезжавшими пограбить опустевший город. Как-то раз парочка оторвавшихся от своего взвода гусар натолкнулась на черкесов, приняв их издали за своих. Когда же ошибка обнаружилась, было поздно. Один из гусар был ранен и упал с лошади, а другой завяз с конем в глубокой луже. Черкесы раздели их догола и изрубили саблями до полного обезображивания[34].

[33] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 178.

[34] Там же. С. 208.

Занятые близ Орхание высоты турки очистили только после обходного маневра русских войск у горы Шандорник. Они отступили к Арабо-Конакскому[35] перевалу из опасения быть отрезанными от остальных сил. Упомянутый перевал находился в 20–25 верстах от Орхание, и поэтому русское командование решило расположить бивуак не в городе, а поближе к перевалу у подножия покинутых турками высот. Во главе его стоял граф, генерал-адъютант Шувалов — крепко скроенный человек лет сорока. Он неизменно находился в бодром расположении духа и стойко переносил трудности военного быта, предпочитая жить в отбитой у турок походной палатке, установленной прямо на снегу. Полом в ней служило утрамбованное на смерзшейся земле сено, а кухня представляла собой костер снаружи, на котором готовилась еда и у которого люди отогревали свои окоченевшие руки и ноги. По своим удобствам турецкая шуваловская палатка ничем не отличалась от простых наших солдатских казенных. Генерал Гурко неоднократно намеревался отдать приказ соорудить для Шувалова более комфортное передвижное походное жилье из дерева, но тот всякий раз отказывался, прекрасно осознавая значение для солдат командирского примера[36].

Условием для взятия Софии являлось овладение перевалами Балкана в западной части Болгарии для спуска после прохода через них в Софийскую долину. Из слов местных болгар следовало, что на одном из них — Златицком — турки не выставили сильных заслонов из-за трудной его проходимости. От Этрополе к этому перевалу вело ущелье, которое переходило затем в узкий коридор, петляющий между поросшими лесом горными вершинами. Сбоку от текущего по нему ручья вилась тропинка, жмущаяся к скалам, верхушки которых были покрыты тонким слоем снега. Тропинка была настолько узкой, что на ней трудно было разминуться двум встречным путникам, не говоря уже о верховых. Даже одному всаднику по ней сложно было проехать, потому что конские копыта постоян-

[35] Название этого перевала образовано от двух турецких слов, означающих «телега» и «двор».

[36] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 210–211.

но застревали между острых камней, конь спотыкался, терял равновесие и останавливался. Посланная по этой тропинке пехотная рота Великолуцкого полка 15 ноября заняла турецкую укрепленную караулку, обратив в бегство находившихся в ней 20 турецких солдат. Вслед за ротой скрытно за шесть часов ночью и ранним утром наверх поднялся стрелковый батальон лейб-гвардии Гренадерского полка. Когда рассвело, турки заметили наших солдат и открыли стрельбу, но было поздно. Перевал был занят практически без потерь, если не считать мизинца, отстреленного турецкой пулей на левой ноге одного из стрельцов[37].

Другой перевал проходил через гребень горы Шандорник, по которой проходила вьючная дорога на Арабо-Конак. Турки подготовились к ее охране более основательно, оборудовав здесь 7 редутов. Атаковать их в лоб было равносильно самоубийству — единственно возможный выход заключался в сокрушении их орудийным огнем. За три дня наши солдаты по горным тропинкам подняли на соседние вершины на своих руках два девятифунтовых и четыре четырехфунтовых орудия. Турки, разумеется, не сидели сложа руки и спокойно наблюдая, как мы занимаем соседние высоты: они совершали вылазки из своих редутов и осыпали наших солдат плотным огнем. Эти атаки благополучно нами отбивались — более того, солдатам Псковского полка как-то раз удалось захватить один турецкий редут. Панически бежавших турок остановил их офицер или даже паша, дважды выстреливший по ним из пистолета и зарубивший троих паникеров. Отбив у псковцев свой редут, турки бросали им вдогонку головы, руки и ноги, отрубленные у наших раненых, не сумевших уйти с отступавшими. Общие потери убитыми и ранеными в Великолуцком и Псковском полках к 18 ноября 1877 г., по сведениям Л.В. Шаховского, составили соответственно 105 и 66 человек[38].

Зацепившись на перевалах, наши начали усиливать свои позиции дополнительными орудиями. Подъем девятифунтовых орудий к редуту генерала Дандевиля на горе Шандорник

[37] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 181–185.

[38] Там же. С. 190–191.

отнимал по 8 часов. Их тащили в гору 6 пар волов, к каждому из которых был приставлен непрестанно понукавший его погонщик-болгарин. Впереди солдаты с болгарами вперемежку с огромным усилием тянули канат, привязанный к передней паре волов. Это был настоящий муравейник, стояли шум и гвалт, раздавалась привычная для такого дела «Дубинушка», работа не прерывалась ни на минуту. «Головой» извивающейся колонны-«змеи» служила вереница ослов и лошадей, груженных патронами, сухарями и манерками с водой. Каменистая тропа с громадными каменьями и пересекавшими ее узловатыми корнями деревьев была сплошь покрыта глубокой липкой грязью. Холодный ветер с брызгами дождя и снегом бил людям в лицо, воздух был пропитан сыростью. Одежда солдат с головы до ног была вымазана не высыхающей грязью. Трое из них умерли, не выдержав неимоверного физического напряжения. Но главная цель была достигнута — на каждом из двух перевалов на позициях генерала Рауха и генерала Дандевиля было установлено по 14 орудий, начавших артиллерийскую дуэль с турками. Их доставка заняла трое суток вместо предполагавших одних[39].

Л.В. Шаховской подробно рассказал о дороге к позиции генерала Дандевиля, назвав ее трудной из-за очень крутого подъема протяженностью почти 4 версты. Здесь при подъеме амуниции и боеприпасов прибегли к содействию болгар, которые при помощи двух скрещивающихся палок несли артиллерийские заряды. Они медленно поднимались вверх, согнувшись в три погибели, тяжело дыша, не глядя по сторонам и не говоря, как обычно, встречному офицеру «Здравствуй, братушка!». Чем выше поднималась тропа, тем реже становился лес, уступая место поросшим мхом камням. А на самой вершине горы деревьев вообще не было. С позиции генерала Дандевиля на все стороны открывался прекрасный вид турецких укреплений на линии Шандорник — Арабо-Конак. Они располагались выше позиций генералов Рауха и Дандевиля, и туркам было удобно с высоты обстреливать русских «гяуров» из дюжины своих стальных орудий. Турецкие канониры

[39] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 192.

стреляли метко: наши потери на позиции генерала Дандевиля составляли по 6–8 человек в сутки, поскольку она находилась на открытой местности. Но турки совершили ошибку, не заняв ряд соседних высот. Воспользовавшись их просчетом, в ночь с 20 на 21 ноября командир Московского полка Гриппенберг во главе с отрядом солдат скрытно поднялся на безымянную вершину, прозванную затем Московской. Условия для подавления огня турецких орудий после этого стали значительно лучше[40].

Укрепившись на перевалах, генерал Гурко не предпринимал дальнейших действий, ожидая развязки событий под Плевной и прихода оттуда подкрепления. Солдаты ужасно мерзли на перевалах, мечтая о спуске с Балкан в Софийскую долину. Началась суровая зима, всё вокруг засыпало глубоким снегом. Под пронзительным ветром гнулись, трещали и стонали деревья. Мороз достигал 15–20 градусов, но на ветру он казался намного сильнее. Согреться у костра было невозможно, потому что сырые дрова не разгорались. Если же удавалось разжечь огонь, то искры и дым летели в глаза, и те ужасно воспалялись. Окоченевшие ноги и руки отказывались людям служить, случаи обморожения становились все более частыми. Особенно тяжело было на Златицком перевале: землянки там постоянно засыпало снегом, и каждое утро их приходилось заново откапывать. Солдаты проявляли готовность отправиться на штурм турецких укреплений, поскольку смерть в бою представлялась им лучше альтернативы околеть от холода в промерзших окопах. Но приказ о начале похода не поступал — подкрепление в Этрополе после сдачи турками Плевны подошло только 12 декабря, и на следующий день решено было двинуть основные наши силы в горы.

Движение осуществлялось четырьмя колоннами. Авангард под командованием генерала Рауха составляли солдаты лейб-гвардии Преображенского и Измайловского полков, за которыми следовал полк Козловский. Выступив из села Врачешти в 5 часов утра, они должны были, преодолев гору, спуститься к селам Чурияк — Потоп — Элесница. Общая численность

[40] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 224–225.

авангарда насчитывала 15 батальонов. Колонна генерал-лейтенанта Каталея должна была двигаться за авангардом по тому же маршруту. Правой колонне генерал-лейтенанта Вельяминова приказано было выступить из Врачешти в направлении горы Умуртаг — Жилява. А отдельной Этропольской колонне генерала Дандевиля надлежало тронуться в путь в 6 часов утра через село Буново и гору Баба́. День 13 декабря выдался солнечный и неморозный, но это не смягчило трудности перехода через Балканы. Лошади на крутом подъеме выбивались из сил, их копыта скользили по наледи. Поэтому солдатам пришлось впрячься в орудийные повозки вместо лошадей и перегрузить с них снарядные ящики. Каждое орудие тянули около 200 солдат. Одна половина из них, выстроившись по 5–6 человек в ряд, тянула привязанные к орудию гужи и веревки, а другая несла ружья и вещмешки. Уставшие донельзя солдаты после несколько часов подъема падали на мерзлую землю и тут же засыпали[41].

Подъем продолжался трое суток с ночевками. Были предприняты меры предосторожности, чтобы не выдать туркам своего присутствия, — в противном случае те успели бы быстро укрепить подходы к перевалам. Спуск начался в 8 часов вечера. От вершины перевала до его подошвы расстояние составляло около четырех верст. Разыгралась вьюга, порывы ветра со снегом били людям в лицо и сбивали их с ног. Лошади постоянно скользили и ежеминутно падали, налетая на солдат и увлекая их за собой вниз. В селе Чурияк у подножия Балкан, к счастью, турок не было — там удалось переночевать и восстановить силы перед новым походом. А утром статные, рослые гвардейцы Преображенского полка вместе с Кавказской кавалерией изгнали турок и черкесов из соседних сел Потоп и Элесница. 15 декабря выход в Софийскую долину после спуска с Балкан оказался в наших руках. Переход русских войск через Балканы в этой части Болгарии был осуществлен в общей сложности за 5 дней и был поистине беспрецедентным: ни одна армия не преодолевала ранее Балканы зимой в декабре.

[41] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 236.

Одним из самых увлекательных мест книги Л.В. Шаховского являются репортажи о занятии Западным отрядом под командованием генерала Гурко будущей болгарской столицы Софии. После утомительного перехода через Арабо-Конакский перевал наши солдаты утратили свой нарядный вид. Даже гвардейцы, измайловцы и преображенцы, выглядели странными, нереальными существами. Полушубков и валенок не было, и поэтому утепляться приходилось самым экзотическим образом. Спасаясь от холода, солдаты натягивали на сапоги мешковатые лапти из буйволиной кожи ворсом внутрь, отчего ноги делались огромными и безобразными. На плечи и ружья солдат было наброшено полотно от палаток, концы которого вместе с ружьем прижимались руками к груди. Из-под солдатских башлыков виднелись лишь глаза и часть носа. Метель на горе Баба во время перехода разбушевалась такая, что заставила генерала Дандевиля отступить к Этрополе и избрать кружной путь на Буново и Мирково[42]. Но всё это было позади, и обычная солдатская выправка постепенно начала восстанавливаться.

Занятие самой Софии Западным отрядом Гурко произошло относительно бескровно[43]. Л.В. Шаховской описывает его очень красочно и выразительно. По его словам, двинувшись вместе отрядом Гурко к городу из села Ташкисен, он вскоре услышал звуки частых ружейных выстрелов. Перестрелка возникла впереди у моста через реку Искыр, где русские солдаты

[42] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 248–249.

[43] В Софии тогда находился турецкий гарнизон турок численностью в 30 таборов (12 тыс. человек), общие силы турок в западной Болгарии под командованием 26-летнего Ахмеда Джеват Шакир-паши насчитывали 80 таборов. Численность же Западного отряда Гурко составляла около 70 тыс. человек: 85 батальонов, 56 эскадронов и сотен, около 120 пеших и конных орудий. Шакир-паша был талантливым военачальником (в 40 лет он стал маршалом, а годом позже — Великим Визирем), но неравенство в силах, особенно после прибывшего из-под Плевны подкрепления, было слишком очевидным. К тому же Гурко легко мог собирать свои батальоны, эскадроны и сотни в кулак, а турецкие войска были рассеяны. Поэтому оставление Софии турками без боя было для них решением вполне разумным.

натолкнулись на охранявших его турок. С вершины небольшого холма за ходом боя наблюдал генерал Гурко. Его взору открывалось подожженное черкесами горящее село Враждебна и передвижение нескольких рот турок, которые вместе со стекавшимися к мосту черкесами вели стрельбу по наступавшим русским шеренгам. На помощь своим из Софии спешили несколько батальонов турецкой пехоты. С нашей стороны в наступление шли пехотинцы гвардейской бригады и батальон стрелков Императорской фамилии во главе с лихим командиром графом Клейнмихелем. Отклонившиеся влево солдаты лейб-гвардии Преображенского полка перешли Искыр по льду для захода противнику во фланг. Гурко приказал поднять на холм несколько орудий и забросать гранатами турецкие таборы, спешившие на подмогу своим.

Всё это происходило на фоне великолепного пейзажа. Начался чудесный закат, солнце клонилось к вершинам горы Витоши, окрашивая их темно-синим цветом. А противоположные отроги Балкан отливали нежно-розовым светом и казались прозрачными подобно всей заснеженной Софийской долине[44]. Над пылавшим селом Враждебна поднималось шесть громадных столбов дыма, сквозь которые пробивались красные языки пламени. При первых же выстрелах наших орудий двигавшиеся из Софии к мосту турецкие батальоны повернули назад. А защищавшие Искырский мост турки, заметив заходящие им в тыл стройные колонны преображенцев, поспешно отступили. При этом черкесы подожгли мост, предварительно облив его керосином, но бросившиеся вперед стрелки сумели погасить огонь. Русские потери в бою за мост составили 2 стрелка Императорской фамилии убитыми и 22 ранеными. Для штурма турецких укреплений в Софии подошли новые колонны наших войск из села Ташкисен. На покрытой снегом Софийской долине рельефно вырисовывались многочисленные фигуры солдат лейб-гвардии Преображенского полка. Подтягивались и другие русские воинские подразделения. Согласно плану штурма города, с фронта должна была пойти в наступление колонна генерала Рауха. А с правого фланга Софию должна была охватить колонна генерала Вельяминова.

[44] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 251, 259.

Но штурма не случилось: испытавшие на себе действенность русских обходных маневров турки не выдержали...

23 декабря около 11 часов утра накануне праздника Рождества Христова генерал Гурко получил в селе Враждебна от вестового генерала Рауха донесение о бегстве турок из города. В нем сообщалось, что турки покинули Софию тайно ночью, бросив все свои укрепленные лагери и огромные запасы амуниции и продовольствия[45]. При этом известии генерал Гурко помчался на коне к городу, где русские войска встречали толпы народа: духовенство с хоругвями и образами и простые горожане, выкрикивавшие приветствия и хлопавшие в ладоши. По дороге к соборной церкви св. Стефана болгарские женщины и девушки бросали под ноги коня Гурко ветки вечнозеленого мирта. Болгарские священнослужители отслужили в упомянутой церкви молебен. А генерал Гурко в своем обращении к горожанам сказал об освобождении с Божией помощью русскими войсками под его руководством второго болгарского города — первым была древняя болгарская столица Тырново. При этом он выразил надежду, что Господь своей милостью позволит освободить и остальную часть Болгарии. На его слова толпа ответила ему громогласным «Аминь!»[46].

Философско-вдумчивыми можно назвать мысли Л.В. Шаховского о русско-турецкой войне на Балканах в 1877–1878 гг. Он констатировал, что она была примечательна исчезновением из Болгарии мусульманского населения, которое бежало отовсюду при приближении русских войск. По его свидетельству, отправляясь на Балканы, русские готовились воевать с турецкими войсками, а застали выселение целого народа. Пока длилась осада Плевны, у мирных турок была возможность собраться в путь и переселяться размеренно и без спешки, но крепость эта пала, и военные события стали развиваться с неимоверной быстротой. Когда Гурко, двинувшись из-под Софии, спустя всего 6 дней очутился в Пловдиве, а генерал М.Д. Скобелев начал быстро и неудержимо продвигаться к Адрианополю, мирные турецкие переселенцы были

[45] В наши руки попало, в частности, 200 тыс. пудов муки и 20 тыс. патронов с надписью «В Плевну».

[46] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 263.

застигнуты врасплох. Их бегство приобрело беспорядочный, панический и катастрофический характер. Его следы можно было видеть на всем протяжении пути от Пловдива к Адрианополю. Он был буквально усеян трупами стариков, женщин и грудных детей, падалью из волов, лошадей и собак, множеством сломанных телег и повозок, грудами разнообразного брошенного имущества. Под копыта лошадей попадали затоптанные в грязь ковры, одеяла и подушки, лошади наступали то на труп седобородого, благообразного старика в чалме, то на тело женщины в разноцветных одеяниях, лежащее ничком, то на мертвого ребенка в одной рубашонке. Иногда эти картины приобретали грандиозные размеры, всё лежавшее на земле исчислялось тысячами, и обозримое пространство приобретало однотонный сероватый оттенок, словно сама земля здесь «взошла каким-то особым посевом»[47]. Иначе как трагедией турецких мирных жителей это и не назовешь. Но их массовое бегство было вызвано, прежде всего, страхом возмездия за злодеяния, которые турки совершали в отношении угнетенных болгар на протяжении нескольких веков.

Репортажи Л.В. Шаховского о многих эпизодах русско-турецкой 1877–1878 гг., его пейзажные зарисовки Болгарии и наблюдения над сельским бытом болгар и особенностями их как народа были созданы очень талантливо. Они и сегодня способны пробуждать в наших читателях интерес к славным страницам отечественной и болгарской истории и выполнять полезную функцию сохранения исторической памяти двух наших народов.

РЕЗЮМЕ

РЕПОРТАЖИТЕ ЗА РУСКО-ТУРСКАТА ВОЙНА 1877–1878 г. НА БАЛКАНИТЕ ОТ ВОЕННИЯ КОРЕСПОНДЕНТ Л. ШАХОВСКОЙ

Значителна роля за осветляване на руско-турската война 1877–1878 г. изиграват репортажите на военните кореспонденти. Те служат

[47] *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 303–306.

като важно допълнение към документалните материали за това историческо събитие, събрани и издадени от комисия на военни историци към Руския Генерален Щаб в края на XIX — началото на XX в. В репортажите присъства това, което обикновено липсва във военните отчети и документи — емоционалното възприемане на войната, непосредствените преценки на положителните и отрицателните страни на войнишкия и лазаретния бит, правдивите разкази не само за победите, но и за загубите и т.н. В този смисъл кореспонденциите на 28-годишния княз Лъв Шаховской, военен журналист на в. «Московские ведомости» правят голямо впечатление на читателите с живото описание на хубавите български пейзажи, преминаването на Балкана от Предния отряд на генерал Гурко, жестокостта на турците, превземането на София, посрещането на руските освободители от българите в Етрополе и много други извънредно интересни епизоди от споменатата война. В репортажите от военния пъкъл изплуват живи хора с техните чувства, преживявания, преодоляване на трудностите на военното време. Именно тази «човешка» страна на повествованието придава особена стойност на публикациите на Л. Шаховской.

ИЛИЯ ТОДЕВ (София)
DOI: 10.31168/0427-58

И НА ШИПКЕ НЕ ВСЁ СПОКОЙНО

135 лет тому назад в константинопольском предместье Сан-Стефано 3 марта был подписан договор, призванный завершить десятую по счету русско-турецкую войну. Как и в большинстве предыдущих военных столкновений между двумя империями, и в этот раз победила Россия. Однако в отличие от предшествующих войн конфликт 1877–1878 гг. в учебниках и научных книгах характеризуется по-разному, не говоря уже о том, что он периодически служит темой конференций различного рода и формата. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. как бы продолжается и поныне и никак не может застыть в историии.

Я не стану останавливаться на событиях, последовавших за подписанием прелиминарного Сан-Стефанского договора. Битва памяти стихает. Брошу беглый взгляд на то, свидетелями чего мы являемся в Болгарии за последние двадцать пять лет.

С одной стороны, после 1989 г. **день 3 марта сделался нашим национальным праздником**.

А с другой — публично звучат суждения, что Сан-Стефано — это политический миф и связанный с ним болгарский национальный идеал, возможно, является фальшивым, ненужным и даже вредным. В этом ключе периодически в надежде на победу мнений в решительной схватке поднимается вопрос о том, не следует ли заменить дату 3 марта другими праздниками? Например, 24 мая — днем памяти святых Кирилла и Мефодия или 20-м апрелем — днем начала болгарского восстания 1876 г. против турок? Не лучше ли сделать главным

праздником 6 сентября — день Соединения Северной и Южной Болгарии в 1885 г., или, например, 22 сентября — День независимости (когда Болгария полностью восстановила свой суверенитет в отношениях с Турцией, 1908 г.)?[1] Предпринимается и маневр в духе «шаг назад, два шага вперед»: «да!» 3 марту, но не 1878, а 1918 г., т.е. Дню подписания Брест-Литовского мирного договора. Однако поскольку все эти даты так или иначе связаны с 3 марта, этот день сохраняет свой статус.

Споры идут и о названии войны. Сторонники классического о ней представления настаивают на сохранении эпитета *Освободительная*. Несмотря на невозможность выиграть, противоположная сторона отказывается сложить оружие и настаивает: да, «*Освободительная*», но в кавычках, ибо, в сущности, имело место не освобождение, а оккупация территории Болгарии русскими войсками. А днем Освобождения является не 3 марта, а 13 июля — день заключения Берлинского договора, гарантировавшего истинную, хотя и урезанную свободу болгар[2].

Не прекращаются и словесные баталии вокруг города Плевен.

«Что означает факт страшных русских потерь у этого города? — вопрошает один наш любящий пошуметь историк Б. Димитров. Славный подвиг или вопиющая бездарность? Да, победа была велика; разгромили и пленили отлично вооруженную турецкую армию, одержан был достойный реванш за Севастополь, — продолжает он. — Но какой ценой? Кем, например, является хваленый Скобелев, героем или клоуном?

---

[1] *Петков Петко С.* Българските национални празници и българският национален идеал (http://liternet.bg/publish11/petko_petkov/bylgarskite.htm); *Станимиров Б.* Величието на 22 септември като национален празник (http://edinzavet.wordpress.com/2012/09/22/22sep/).

[2] *Тодев И.* Освобождението 1878 — със или без кавички? // *Он же.* Към друго минало или пренебрегвани аспекти на Българското национално възраждане. Сбирка от опити и изследвания. София, 1999; *Цветков П.* Изучаваме историята си с русофилски, а това означава противобългарски поглед. // (http://frognews.bg/news_10525/Prof_Plamen_TSvetkov_Izuchavame_istoriiata_si_s_rusofilski_a_tova_oznachava_protivobalgarski_pogled/).

Белый генерал был любимцем тогдашней прессы, но, в сущности, не находится ли перед нами лишь банальный позер и никудышный военачальник, при котором потери личного состава были огромны, а результаты — ничтожны?»[3]

В недавно изданной у нас книге «Турки в Болгарии»[4] подобный прием манипулирования фактами получает свое продолжение с **вызывающим блефом**.

Вот, что в ней говорится: «Панорама "Плевенская эпопея", возвышающаяся над городом, как космический корабль, была создана в 1977 г. по подобию еще более грандиозного монумента — "Бородинская битва" в Москве. Ее целью являлось изображение сражения за Плевен в 1877 г., после которого объединенные войска России (в армии которой были и представители других национальностей, таких, например, как финны и даже японцы) и Румынии овладели городом лишь через пять месяцев и четырех атак. Эта победа в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. была решающей — она проложила путь к независимости Болгарии. В различных источниках указываются противоречивые данные, но описывающая сражения у этого города "Энциклопедия Британика" (1911 г.) характеризует их как "бойню", в которой погибло около 40 000 русских, румын и болгар. Их кости находятся в многочисленных мавзолеях и гробницах в городе и его окрестностях. Но где находятся останки погибших при Плевене турок?» — задает вопрос А. Георгиев[5].

По утверждению этого автора, факт погребения большинства из нескольких десятков тысяч убитых турок в братских могилах является малоизвестным. Как и то, что позднее их останки выкопали и «продали английской фирме для использования в качестве удобрения на британских полях».

В книге «Турки в Болгарии» не указывается, откуда ее авторы взяли этот «малоизвестный факт». Автор процитирован-

[3] *Димитров Б.* Скобелев е палач на собствените си войници ... Сан Стефано е руски блъф (http://www.extremecentrepoint.com/?p=5747).

[4] Турците в България / А. Георгиев и Д. Тръпков. София, 2012.

[5] Там же. С. 20.

ного выше пассажа А. Георгиев в ответном письме[6] на вопрос об останках турецких воинов, погибших при Плевене, пишет: «Использование человеческих костей и других телесных остатков в сельском хозяйстве начиная с античности и до наших дней хорошо подкрепляется документами в различных странах в различные периоды истории. Прилагаю статью из "Нью-Йорк Таймс" от 23 марта 1889 г., в которой Болгария прямо не упоминается, но сообщается об использовавшейся в XIX в практик. События в Плевене упоминаются в: "Encyclopaedia of Islam". London. Paris; Leiden. 1993. Vol. VIII. P. 311».

Упомянутая на 319 с. статья цитировались по публикации проф. М Кийла об истории г. Плевен времен османского владычества[7]. Статья эта была переведена на болгарский язык, и поэтому привожу здесь дословно целый пассаж о костях по ее болгарскому изданию: «Кости погибших в 1877 г. русских и румынских воинов частично сложены в огромный мавзолей, частично захоронены на огромных воинских кладбищах. У румын есть свое отдельное кладбище, называемое "Новая Гривица". Оно расположено на том месте, где шли ожесточенные бои на Гривицком редуте. До окончания османского владычества село Гривица являлось одним из самых больших владений вакуфа Гази Али-бея. Судьба останков десятков тысяч османских солдат, однако, была иной — их эксгумировали и продали британской фирме, которая превратила их в удобрение для нужд английского земледелия. Часть земляных укреплений Осман-паши сохранена как мемориал, их можно увидеть и сегодня. В 70-е годы XX в. здесь было построено огромное мемориальное здание, в котором находится великолепная панорама боевых сражений. Эта панорама даже более красива, чем Бородинская панорама в Москве».

---

[6] Оно было напечатано на бланке «Vagabond Media» с исх. № 232 и датировалось 30.04.2013 г.

[7] *Кийл М.* Хора и селища в България през османския период // *Кийл М.* Събр. съч. София: AMICITIA, 2005. См. также: *Kiel M.* Turco-Bulgarica. Studies on the History. Settlement and Historical Demography of Ottoman Bulgaria. The Isis Press. Istanbul, 2013.

Поскольку речь идет о тексте, напечатанном в энциклопедии, голландский османист не указывает конкретный источник, а дает только общую библиографическую справку в конце статьи. Будучи спрошенным, на чем он строит свое утверждение о судьбе турецких костей, проф. Кийл сослался на вышедшую в Лондоне книгу Р. Фурно «Осада Плевны»[8]. Она была издана за океаном, но под другим названием[9].

Вот что говорится по интересующему нас вопросу в американском издании этой книги на с. 233: «Ирвинг Монтегю, военный художник, рассказал два плевенских анекдота... В 1879 г. Монтегю прочел следующую новость в одной британской газете: **«Тридцать тонн костей, содержащие 30000 скелетов**, только что прибыли в Бристоль из Плевена». Те, кто пожертвовал своей жизнью при атаке и защите одного малоизвестного болгарского города, завершили свою карьеру в качестве удобрения для английской почвы!»

Речь идет о книге Ирвинга Монтегю, в которой говорится следующее: «... сижу, покуриваю трубку мира, в дыму которой проходят знакомые сцены и лица в странной последовательности, пока мне в ателье не принесли вечернюю газету. Я развернул ее и на глаза мне попался следующий заголовок: "Кости из Плевена". Сообщение гласит: "Тридцать тонн человеческих костей только что прибыли в Бристоль из Плевена, перевезенные оттуда телегами до Радосто; теперь они послужат обогащению английской почвы. Тем, кто не придаёт особого значения подобным вопросам, может быть, следует заметить, что 30 тонн человеческих костей — это скелеты около тридцати тысяч человек". Трубка мира погасла, в мою память вернулись мысли о героизме этих мусульман и русских, которые так хорошо служили своим странам»[10].

Итак, процитированный текст из статьи «Турки в Болгарии» начал свою жизнь как газетное сообщение о доставленных в Бристоль костях погибших воинов при битве за Плевен. Эти останки должны были употребить в качестве удобрения поч-

[8] *Furneaux R.* The Siege of Plevna. London, 1958.

[9] *Furneaux R.* The Breakfast War. New York, 1958.

[10] *Montagu I.* Camp and Studio. London, 1890. P. 242.

вы в Англии. Р. Фурно, вводя это сообщение в научный оборот, считал, его **анекдотом.**

Перекочевывая в «Исламскую энциклопедию (Encyclopaedia of Islam), история этих костей претерпевает большие изменения. Определение «анекдот» исчезает, кости «эксгумированых» и становятся турецкими. Притом речь идет о всех «десятках тысяч» погибших при Плевене османских солдат. В сущности, в боях за Плевен было убито и ранено около 10 тысяч турецких защитников. Десятки тысяч (около 40 тысяч) — это убитые и раненые со стороны русских и румын. То есть в 30 тоннах доставленных из Плевена бристольских костей русско-румынская составляющая часть была в четыре раза больше, чем турецкая. Создается и активная идеологическая антитеза — в освобожденной Болгарии кости русских и румын покоятся в монументальных мавзолеях, а турецкие кости становятся удобрением для англичан. Это явный намек на осквернение останков погибших. Знающий историю, грамотный читатель легко проведет здесь параллель с практикой нацистов, которые использовали людей в качестве промышленного сырья. Турки без всяких на то оснований причисляются здесь к жертвам, а на их противников — русских, румын и болгар — возлагается мнимая вина. Помещенная в статье «Турки в Болгарии», **инсинуация,** вместо опровержения становится ещё более зловещей. Турецкие кости в ней превращаются в «мертвые тела» (т.е. в трупы), которые были погребены в братских могилах и позднее были «выкопаны и проданы английской фирме». На совершенно естественный вопрос, который задал бы каждый читатель книги «Турки в Болгарии»: «Кто виноват в этом деянии?» статья внушает однозначный ответ: «Противники (т.е. русские, румыны, болгары) турок при Плевене!» И дабы не оставалось никакого сомнения в правдивости этой клеветнической фальсификации, анекдот Р. Фурно в книге «Турки в Болгарии» становится не только средством для манипуляции, но и объявлен «мало известным фактом».

И на Шипке не все спокойно

Турки, вероятно, обиженные Вазовским описанием того, как на Шипке болгарские ополченцы, когда у них закончи-

лись патроны, обрушивали на головы турецких солдат мертвые тела своих погибших товарищей, решили бросить в бой своих мертвецов под Плевеном. Они намеревались воздвигнуть памятник погибшим солдатам Сулейман-паши, который, как известно, сжег дотла Стара-Загору и учинил там ужасную резню, но не смог пробиться через Шипку в Северную Болгарию[11].

В сущности, поклонение могилам не продиктовано одним лишь традиционным почитанием мертвых. Есть награда в этом сражении не менее важная, чем Плевен и Шипка вместе взятые. Это ореол жертвенности — самое эффективное оружие в современном мире. Без него ныне не выиграть ни одного сражения. В реальной войне 1877–1878 гг. такой ореол является почти неизменной чертой имиджа поддержанного Россией балканского славянства. В смысле прославляющей жертвенности большая заслуга принадлежит городу Батаку[12]. Своим участием в Апрельском восстании 1876 г. этот ранее никому не известный родопский городок превратился в новую Голгофу. Благодаря авторитетным международным свидетелям, прежде всего американскому журналисту ирландского происхождения Джаньюарису Мак-Гахану[13], страдальческий образ Батака стал известен всему миру и привлек внимание таких могучих поборников справедливости, как Виктор Гюго, Фёдор Достоевский и Уильям Гладстон.

В рамках симметричной, хотя и отдаленной во времени **контраргументации,** по другую сторону баррикад, не моргнув глазом, заявляют, что Батак — это миф. Через сто с лишним лет у Д. Мак-Гахана появился вроде бы авторитетный оппонент — Дж. Мак-Карти, другой американский ирландец, являющийся не только профессором Луисвильского универ-

[11] *Мутафчиева В.* Не вярвам нашето общество да е узряло за паметник на Сюлейман паша (Интервю на Георги Коритаров, 22 юни 2004 г.). (http://www.veramutafchieva.net/interview_arch_bg.php?newsID=93).

[12] *Тодев И.* Батак 1876 — мит или история? Актуални текстове по Българско възраждане. София, 2013.

[13] *Macgahan J.A.* The Turkish Atrocities in Bulgaria. Letters of the Special Commissioner of the *«Daily News»* / J.A. Macgahan Esq. With an Introduction and Mr. Schuyler's Preliminary Report. London, 1876.

ситета в Кентукки, но и почётным доктором одного из лучших турецких вузов — Босфорского университета, бывший Роберт колледжа (Robert College). Его директор д-р Уошборн способствовал тому, чтобы первые сведения о зверском подавлении Апрельского восстания 1876 г. дошли до всего мира. Это был знаменитый памфлет Мак-Гахана «Турецкие зверства в Болгарии», на который через сто лет последовала вызывающая реакция Мак-Карти под заглавием «Смерть и изгнание. Этнические чистки османских мусульман. 1821–1922»[14]. Лейтмотив этой недавно опубликованной в Болгарии псевдонаучной книги можно передать так: христиане страдали — но мусульмане (и особенно турки) страдали еще больше. Одновременно Дж. Мак-Карти не скрывал, что в османский период христиане подвергались дискриминации со стороны деспотичной, отсталой и деградирующей империи, которая держалась на мусульманах (и более всего на турках), — но, похоже, не усматривал в этом ничего необычного.

Поэтому, соглашаясь с утверждением, что мусульмане страдали во время войны 1877–1878 гг. (что весьма прискорбно, потому что даже самое малое человеческое страдание не должно оставаться без сочувствия), я не могу не задать риторические вопросы: «Неужели не важно, кто являлся виновником этих страданий в период конфликта и на чьей стороне была правда?

Должны ли были немусульмане терпеть высокомерное и бездарное господство османов до бесконечности? Можно ли было избежать бедствий войны, если бы турки подчинилась воле международной общественности, выраженной на Константинопольской конференции 1876–1877 гг?»

Итак, война 1877–1878 гг. не окончена. Идет война между русским царем и турецким султаном, между славистами и османистами, между православным славянством и неоосма-

[14] *Маккарти Д.* Смърт и изгнание. Етническото пречистване на османските мюсюлмани (1821–1922). София: Ун. изд. *«Св. Кл. Охридски»*, 2010; См. также: *Mccarthy J.* The Demography of the 1877–78 Russo-Turkish War // The Ottoman-Russian War of 1877–78 / Ed. by Ömer Turan. Ankara, 2007.

низмом[15]. И пусть никто не заблуждается. Это не битва за прошлое — это битва за сегодняшний день.

Перевод с болгарского *М.Г. Смольяниновой*

РЕЗЮМЕ

И НА ШИПКА НЕ Е СПОКОЙНО

В статията се анализират опитите на съвременните български либерали да преформатират съзнанието на българите с цел да изопачат смисъла на руско-турската война 1877–1878 г. и да ѝ придадат негативен оттенък и отрицателен знак. Авторът показва, че в арсенала на такива политически ангажирани историци и журналисти влизат най-разнообразни средства: стремежът да разрушат традиционните представи за споменатата война като освободителна и да накарат хората да я възприемат като окупационна, да потъпкат най-ярките ѝ символи (например, образът на генерал Скобелев като символ на безстрашието и храбростта), манипулирането с фактите и дори откровените лъжи. Не са пропуснати и желанието на такива либерали да изравнят потисниците турци и угнетяваните от тях българи и намерението им да издигнат паметник на загиналите турски войници от армията на Сюлейман-паша — тези, които не оставиха камък върху камък в Стара-Загора и направиха безмилостно клане в града. По справедливия извод на автора руско-турската война като че ли не е приключила и досега и продължава в други измерения.

[15] Этот конфликт может значительно ослабеть благодаря концепции евразийства, которая в последнее время превращается чуть ли не в государственную идеологию России.

САВА СИВРИЕВ (Шумен) DOI: 10.31168/0427-5.9

ИВАН ВАЗОВ ОБ ОТКРЫТОМ ПИСЬМЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ТОРГУЮЩИМ ВО ХРАМЕ»

Леонид Андреев, как известно, в конце XIX — начале XX в. являлся одним из самых знаменитых русских авторов в мире. Его книги и пьесы читались, переводились и ставились на театральных сценах от Парижа и Берлина до Токио. Сразу после выхода в свет его первых произведений в прозе А.П. Чехов утверждал, что Андреев станет в литературе большим именем[1]. Так и случилось. В Болгарии в основном читали и переводили прозу писателя — драматургию реже. По словам Стилияна Чилингирова, в начале века Леонид Андреев был кумиром большей части болгарской интеллигенции. А после публикации «Торгующим во храме» С. Чилингиров отправил Л. Андрееву посылку с его книгами, переведенными на болгарский язык[2].

---

[1] Антон Павлович писал следующее: «Леонида Андреева я читал еще в Москве, затем читал его, едучи в Ялту. Да, это хороший писатель; если бы он писал чаще, то имел бы большой успех. В нем мало искренности, мало простоты, и потому к нему привыкнуть трудно. Но все-таки рано или поздно публика привыкнет, и это будет большое имя». (Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. Т. 2. М., 1936. С. 187).

[2] Леонид Андреев напечатал открытое письмо «Торгующим во храме» в газете «Утро России» в 1914 г. Текст был перепечатан почти всеми русскими газетами того времени. На болгарском языке это письмо было напечатано в софийском журнале «Свободно мнение» в № 47 от 22.11.1914 г.

Вот как С. Чилингиров описывал тот нашумевший скандал конца 1914 г.:

«Был конец октября или начало ноября 1914 г., когда в газете "Утро России" вышла статья Леонида Андреева «Торгующим во храме», ко-

Воздействие слова Леонида Андреева на тогдашний мир было впечатляющим. После выхода его первых рассказов ему советовали писать проще, чтобы иметь успех у читателей. «Непростоту» его рассказов критики и историки характеризовали как проявление экспрессионизма, обновление реализма, символизма, экзистенциализма, декадентства, социальной литературы, авангардизма, богоборчества, театра абсурда, театра панпсихизма, литературы подсознательного, неомифо-

---

торая была разослана по телеграфу практически во все крупные русские газеты. У нас она стала известна благодаря русским "Биржевым ведомостям". По крайней мере, через эту газету, принесённую мне г. Генчо Белевым, студентом и молодым писателем, мне удалось ней ознакомиться. Прочитав статью, я, возмущенный ложью, которая сквозила в каждой её строке, написал соответствующий ответ и отнес его в редакцию журнала "Свободное мнение". Таким же тяжелым, если не сказать, отвратительным, было и впечатление от статьи у редактора журнала г. Мишева, На следующий день и он подготовил ответ. Оба ответа составили целый выпуск, который вышел 22 ноября в № 47 журнала.

Эти ответы произвели сильное воздействие на наше общество. Целую неделю, если не больше, говорили только о них. Они страшно понравились угнетенной болгарской душе и вызвали просто невероятный восторг. Можно было предположить, что такое же впечатление они произведут и за рубежом после публикации их в английских, французских, немецких, да и в русских газетах. Вышли они в виде отдельных брошюр на французском и русском языках и в Болгарии.

Мы хотели, чтобы Леонид Андреева получил их в посылках, которые мы ему отправили вместе с вложенными в них его книгами, переведенными на болгарский язык в Болгарии. Потрясенный прозвучавшей в двух наших письмах правдой, а может быть, и нашим явно доброжелательным подарком, Леонид Андреев посредством заявления одному из своих близких дал нам понять, что всё еще находится под сильным впечатлением от этих писем и был ошеломлен силой духа, с которой болгарская интеллигенция отстаивает законные права своей родины. Его ответное письмо, адресованное г-ну Былгарову, было прочитано перед членами Комитета по защите прав Болгарии в зале заседаний Славянского благотворительного общества. Оно завершалось подчеркиванием того, что Леонид Андреев навсегда отказывается от своей борьбы в печати против политики болгар...» См.: *Чилингиров С.*, Д-р К. Кръстев // Иван Шишманов, д-р К. Кръстев, Боян Пенев в спомените на съвременниците си. София, 1983. С 231–232.

логизма. В поздний период творчества Л. Андреева его новые произведения запрещались цензурой. Будучи близок с Максимом Горьким, Леонид Андреев оборвал с ним связи из-за несогласия с изменившимися горьковскими представлениями об истине. В феврале 1905 г. Леонид Андреев оказался в тюрьме, потому что предоставил свою квартиру для заседаний ЦК РСДРП, а после 1917-го — в откровенной политической немилости, потому что, будучи потрясённым, он вопрошал в прессе: кто тот грядущий, кто этот Ленин, топящий Россию в крови. Леонид Андреев предугадал будущее, буквально вопия в пустыне времени начинающегося социального и психологического апокалипсиса XX в.

В своей статье Леонид Андреев называет болгар «торгующими во храме». Он связал действия болгарской власти с евангельским сюжетом: с действиями торговцев, которых Христос изгнал из храма. То был храм Зоровавеля — единственный в мире, в котором после избавления евреев от Вавилонского плена служили истинному Богу, со словами: «Дом Мой — Домом молитвы наречется», припоминая при этом то, что говорили до Него свв. пророки Исайя и Иеремия о превращении храма в вертеп разбойников.

Поводом к написанию статьи послужил факт транзита через территорию Болгарии в 1914 г. большой партии германского оружия, предназначенного туркам, сражавшимся против России на Кавказском фронте. Этот транзит одобрило болгарское правительство во главе с премьер-министром Василом Радославовым (1913–1918) — председателем Либеральной партии (радославистов), которая вместе с представителями Народно-либеральной и Младолиберальной партий находилась у власти в стране во время Первой мировой войны.

Насколько болгарские правители выражали тогда политические симпатии всего болгарского общества — другой вопрос. Возникает вопрос и о правомерности переноса смысла евангельского рассказа на событие гражданского толка совсем иной исторической эпохи.

В духе культуры того времени Леонид Андреев, если иметь в виду такие его произведения, как «Иуда Искариот», «Елеа-

зар», «Жизнь Василия Фивейского» и др., использует библейские книги скорее в эстетических целях, а содержание этих текстов отражает его глубокое сомнение в истинности христианских ценностей — и это во время русского религиозного ренессанса. На могиле Леонида Андреева в Санкт-Петербурге нет креста, только обелиск.

Не один Леонид Андреев, а и немалая часть интеллигенции смотрели тогда на войну необычным с сегодняшней точки зрения образом. Так, в 1914 г. он писал: «Настоящая война — явление порядка сверхчеловеческого. Смысл ее меняется с каждым днем, растет и углубляется, поднимается на головокружительную высоту. Начавшись борьбой сил материальных — так многим казалось в начале — она переходит в борьбу идей. Начатая людьми, она продолжается богами».

Приблизительно в это время (1910) и Пенчо Славейков в анкете на вопрос «Какое отношение должна иметь Болгария к Турции в ближайшем будущем?» отвечал: «Поэт говорит: война! Как отвечает политик, не знаю»[3].

Тексты Л. Андреева лишь частично отражают ментальность того времени, которая в XX в. обозначалась словом «апокалипсис». Причину этой ситуации с трудом можно объяснить в нескольких фразах. В конце XIX — начале XX в. Европа и Россия столкнулись с драмой рационального познания. Россия прошла через позитивизм и крах позитивистского мышления, т.е. как экзистенциальную драму человека того времени. Метафора этой драмы прочитывается в рассказе «В тумане» Л. Андреева. Его герой Павел Рыбаков, гимназист, заразившийся от проститутки, которую в конце рассказа убивает ножом, читает Генри Бокля.

Несмотря на русский религиозный ренессанс, в конце XIX — начала XX в. Россия переживала последствия секуляризации культуры. Этот процесс начался еще в XVIII в. Культура отделилась от православия и создала своих богов.

---

[3] *Славейков П.П.* Анкета по македонския въпрос // *Славейков П.П.* Събрани съчинения. Т. 5. Критика и обществени въпроси. Очерци. Пътеписи. София, 1959. С. 313.

Болгарская ментальность в то же самое время простиралась в границах Балкан. Драма произошедшей секуляризации мышления, которая осознавалась небольшой частью болгарской интеллигенции, случилась скорее на периферии болгарского культурного пространства. После национального Возрождения болгары помышляли лишь о материальном успехе. Идеология всех политических партий несла на себе отпечаток идей социализма, народничества, необходимости призрения сирот. Не была забыта и сформулированная во времена болгарского Возрождения идея национального объединения. И, следуя ей, болгары в 1912 г. воевали с Османской империей, а в 1913-м — с Сербией и Грецией.

Жить и жертвовать собой ради истины — великое деяние, но будет ли твоя истина соизмеряться с другими истинами вокруг тебя — вопрос другого порядка, который разрешает не героизм, а здравый смысл.

Однако героизм, эмоциональность, мышление синекдохами, потому как правительство В. Радославова было только частью целого. Следование идеям и истинам со стороны Л. Андреева, других болгар и всех остальных вызвало большую словесную баталию, в которой приняла участие значительная часть писательской и книжной интеллигенции.

Если это будет позволительно выразить определением «типология непонятого», то в общей сложности она может быть сведена к двум моделям.

В первом типе непонимания непонимающие обыкновенно близки. Больше всего конфликтуют те, кто друг другу ближе всего, — Америка и Россия после середины XX в., Пенчо Славейков и Иван Вазов в конце XIX — начале XX в. и пр. Если нет схожести между двумя сторонами, то не о чем и спорить, — Россия и Филиппины, например, или Иван Вазов и Рабиндранат Тагор.

Второй тип непонимания состоит в том, что спорящие говорят о различных вещах, т.е. каждый о своем, и между ними нет настоящего диалога. Иными словами, нет пересечения классов, и каждая сторона рассматривает другую сквозь призму своих собственных представлений.

Можно сказать, что это культурно-историческое столкновение начала XX в. между Л. Андреевым и болгарской литературной элитой является непониманием второго типа – каждый говорил о себе самом. А причиной была, по словам Л. Андреева, попранная болгарами идея о славянской общности и единении. По сути, в то время Россия и Болгария пребывали в разных временах, исторических и социокультурных состояниях.

Россия — самая большая империя в мире, сверхсила, влияющая на ход мировых событий. Переживающая драму рационального познания. Драму распада позитивизма. Драму антропоцентричных истин о мире и человеке. Драму секуляризации и сомнения в православных ценностях. Кто-то написал в то время: «Никакого Бога и никакого дьявола нет, есть одни только рожи». Драма имперского управления. В этом аспекте война действительно выглядит как сверхчеловеческое явление, начатое человеком и продолженное богами.

Болгария — национальное государство. До 1912 г. — экономическая и военная сила Балкан, не желавшая ничего другого, кроме осуществления стремления к тому, чтобы все болгары жили в своем государстве. Она переживала идею национального объединения, которое началось Соединением в 1885 г., продолжилось войной, которую начала Сербия в 1885 г., актом провозглашения независимости от Османской империи в 1908 г. и первой Балканской войной 1912 г.

И насколько же несостоятельным было решение о второй Балканской войне в 1913 г.! Оно снова отражало следование Болгарии идее национального объединения и представляло собой политическое поведение не империи, а национального государства.

Идея восстановления болгарского национального государства стала после XVIII в. институциональным, гражданским и государственным проектом, поскольку с того времени, как известно, начала осознаваться ценность национальной идеи.

В этом своем желании болгары были одинокими и непонятыми своими соседями, которых не интересовали болгарские соображения о справедливости.

Они были одиноки среди остального славянства, потому что славянские национальные государства были созданы после окончания Первой мировой войны, а Россия как империя придерживалась иной философии и политического поведения.

Они были одиноки даже в церковном вопросе — Болгарская церковь не обладала самостоятельностью и на нее саму была наложена схизма.. Болгары жили лишь идеей о справедливости, которая никого не интересовала.

Л. Андреев не мог всего этого знать и уж тем более — понимать. В нашем случае болгарское правительство выступало против русских интересов, причем это касалось войны, являвшейся одной из многочисленных войн, которые Россия вела против Османской империи. Болгарское правительство не понимало интересов и ход мыслей империи, несмотря на то что совсем недавно болгарская общность жила в другой, хоть и иначе организованной империи. Так что несовпадения между поведением болгар и поведением Л. Андреева — это несовпадения между представлениями о мире и представлениями о войне.

Для Л. Андреева мировая апокалиптика являлась частью естественного пути мира и человека. В его первых произведениях читается социальный ужас повседневной жизни. Затем — ужас иррационального в человеческой природе, которое не способны подавить табу культуры. Вслед за Ницше у него появляется Богоборчество. Понимание ничтожества и одиночества человека во Вселенной. Осознание мертвой материи как чужой, враждебной силы в результате позитивистских открытий XIX в. Апокалиптика, выраженная в метафоре кровавого смеха войны 1905 г. В его драмах «Жизнь человека» или «Собачий вальс» всё есть ничто. Л. Андреев пишет единственно о смерти. Насилие воспринимается как безусловная данность — Бог мертв, война есть дело богов.

С другой стороны, о том, какие умонастроения охватывали болгарское наспление после 1913 г., можно прочитать в вос-

поминаниях С. Чилингирова[4]. Болгары еще не подозревали о том, что с ними случится в 1919 г.

Известно, что болгарская интеллигенция объединилась и ответила Л. Андрееву. Ответом ему стало письмо Ивана Вазова, написанное в начале 1915 г. В нем он пишет об отвращении и злобе Л. Андреева, называя его судьей и хулителем болгарского народа. Приведем текст этого письма:

«До того, как мы увидели какие-либо проявления Вашей любви, мы увидели Ваше отвращение. До того, как Вы стали нашим другом, Вы выступаете сегодня как судья и хулитель болгарского народа и с бичом в руке в притворе славянского храма хотите быть олицетворением высшей правды. Вы считаете себя одним из избранных для того, чтобы хранить святыни этого храма.

Не нас, а Вас следует наказать бичом правды и благородного негодования, потому что именно Вы, опьяненный мутным вином злобы, не видите истины. Вместе с Вами заслуживают бичевания и те, за кого Вы заступаетесь так горячо, потому что именно они недавно торговали в славянском храме и пос-

[4] «События 1913 г. позднее (война между союзниками и ее следствия. — *С.С.*) могут зародить не только одну мысль, развить и привести в движение, как пружину, не только одну волю. Особенно урожайным был 1913 гол с ег второй Балканской войной — виновницей всех наших национальных несчастий. Прежде всего, наши земли по всем сторонам границы были так обезображены, что наша географическая карта стала похожа на разорванную острыми зубами кожу. Надломлена была и душа целого народа. Никакого утешения, никакого видимого одобрения этой вопиющей исторической несправедливости. Одновременно пристальное внимание к этой трагедии стали проявлять те, кто её вызвал: как внутри нашей страны, так и за ее пределами, как своих, так и чужих. И в этом поиске причин происшедшего в одинаковой степени приняли участие званые и незваные искатели истины. Здесь пробовали себя все, кто только мог писать и говорить. Но желанный момент скоро наступил. Австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда убили террористы... Создание новой Болгарии посредством сокрушения соседей или через взаимопонимание с ними — вопрос, возникший на политическом горизонте» (*Чилингиров С.* Д-р К. Кръстев // Иван Шишманов, д-р К. Кръстев, Боян Пенев... С. 208–209.)

ле того, как сотворили столько грехов против своих братьев, пошли замаливать их в этот же храм.

Раньше Вас там не было, потому что минувшие прошлые события Вас не затронули.

Но какая моральная сила кроется в Вас, когда Вы чернite имя целого народа и называете его толпой карманников («не прочь обшарить карманы брата должника», говорите Вы о нас). Какое духовное благородство и какую человеческую совесть выражаете, когда, ослепленный несправедливым гневом и злобой, вы называете нас цыганами на ярмарке, продажными людей с раздвоенными языками, которые пляшут кровавый танец духовной нищеты, коварными и подлыми убийцами, стадом овец?

Так кто Вы и кто Вам дал право возводить хулу и клевету на народ, который Вы не знаете и никогда не хотели узнать, о котором Вы судите по словам его самых злостных клеветников и злопыхателей — по словам его братьев-изменников. Где были Вы, один из благородных членов славянского семейства, Вы, стыдящийся нас и предрекающий нам духовную гибель, — где Вы были недавно, когда совершалось так много такой жестокой несправедливости?

Для Вас мы самые недостойные сыны в славянском семействе — потому что не совершили ни одного акта несправедливости над своими братьями. Но скажите: есть ли сербы в этом честном семействе и опускают ли они глаза от стыда, который чувствует именно болгарин?

Во втором своем письме, чтобы выразить свои мысли до конца, Вы говорите, что не сочувствуете болгарским стражникам, которые влекут в темницу сербов. Вы очень хорошо знаете, что таких случаев не было, потому что мы не владеем и никогда не имели намерения владеть сербами. Но Вы говорите о них при всем этом, чтобы сохранить позу разгневанного и вдохновенного выразителя высшей правды.

В первом своем письме Вы называете сербов, может быть, не замечая того, «братьями-должниками». А знаете ли Вы, как они оказались в этом положении должников и что они нам должны на самом деле? Но что Вам Болгария, что Македония — они могут существовать, могут исчезнуть — для Вас это будет всё едино. Позвольте и другим любить своё отечество. Вопрос нашего национального существования — это не вопрос торгашества,

как Вы выражаетесь. Наш народ никогда не торговал своей совестью, никогда не предавал своих братьев и не изменял своим обязательствам. То, что совершили сербы с нами и о чем, я верю, Вам уже очень хорошо известно, ни один болгарин не совершал над сербами и никогда не совершит.

Пусть нас обвиняют в преступной наивности, но не в предательстве и бессовестности, что после стольких разочарований, после такого горького опыта, который мы черпали в отношениях с сербами на протяжении столетия, мы часто забывали прошлое и стремились работать с ними заодно, помогать им, чтобы снова быть оболганными и чтобы снова злоупотребляли нашей наивностью собственные наши братья-славяне. Будь мы настоящими политиками, как Вы нас называете в своем письме, мы не претерпели бы столько дорого обошедшихся нам потерь и горьких разочарований, не позволили бы возликовать над нашими несчастьями тем, кто торгует славянской идеей и кто теперь ищет нашей помощи. Когда мы были сильны, они с презрением говорили о нас и готовы были нас уничтожить, а сегодня, так как их интеллигенция стыдится обратиться напрямую к нам, прикрываются Вашим писательским именем. Если их совесть чиста, пусть они нас обвиняют, пусть они сами бросят в нас камень — почему же Вы это делаете? Но к нам они не смеют обратиться, потому что знают, какой ответ получат, и потому что у них нет морального настроя признать свои грехи и открыто просить о нашей братской помощи. Они обращаются к Вам, говорят с Вами Вашими же фразами, Вашими литературными образами, и Вас вдохновляет неискренность их речей. Они верят, что Ваша хула ранит наши сердца. Чтобы им услужить, Вы вооружились всеми книжными копьями и стрелами клеветнической риторики. И всякое Ваше слово Вы пытаетесь превратить в хулу и издевательство над болгарским духом.

Я бы желал, чтобы ничье сердце в этой стране не было ранено Вашим злословием. В Вашем письме, полном отравы, злобы и ненависти, в Вашем безосновательном и преступном хулении я не вижу ни величия художника, ни благородства человека.

Я бы пожелал еще, чтобы ни один болгарин, ни один болгарский писатель не чувствовал себя Вашим учеником и не шел по Вашим следам и следам вашего слепого возмущения.

Мне больно, когда кто-то называет Вас учителем болгарской интеллигенции. Это не правда. Отдельные и случайные увлечения не являются свидетельством духовной жизни всей интеллигенции. К счастью, наша интеллигенция имеет и более достойных учителей, и Вы с Вашим творчеством не пленили ни одного из наших первых поэтов и художников, но сейчас это Ваше письмо даст возможность всем моим собратьям Вас понять и оценить; это их приведет еще раз к убеждению, что между личностью писателя и его творениями не следует проводить границу и что Вы не рождены быть учителем поколений.

Объятый пророческим экстазом, в двух своих письмах Вы мечете на нас словесные молнии и уже видите нашу духовную гибель — опомнитесь! Вы не тот человек, которому дано право нас осуждать за наши грехи и заглядывать в наше будущее. Вы нас не знаете и не имеете права о нас говорить. Болгарский народ существует не по Вашему капризу, и Ваши лжепророчества его не смутят. Он оценит Вас, как оценил и другие, менее эфемерные имена.

Я убежден, что спустя время Вы пересмотрите собственные преступные заблуждения и будете краснеть за клеветнические слова. Сейчас я в Вас того не вижу, потому что Вы в своей злобе и отвращении всё ещё не можете вникнуть в смысл того, что делаете и говорите.

Ив. Вазов»[5]

Поведение Сербии во время войны в 1912 г. оставим без комментариев. В письме И. Вазова есть нечто другое, на что следует обратить внимание: это то, как он подвергает деструкции публичный образ Л. Андреева в болгарском культурном поле. В болгарском сообществе в Османской империи секуляризация культуры и ее отделение от христианства произошли после середины XIX в. В 1880-е гг. И. Вазов в сборниках стихотворений «Гусла»/ («Гусли», 1881), «Поля и гори» («Поля и леса», 1883), «Италия» (1884), «Звукове» («Звуки»,1893) создал представление о творце как об избраннике и духовном вожаке общества. С помощью инструментария европейской антропологии конца XIX в. Пенчо Славейков придал этому представ-

[5] *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 т. Т. 22. Писма, 1909–1921. София, 1979. С. 127–130.

лению современный вид — писатель есть пророк. Светская культура, не подменяя веру, стала авторитетной и престижной и окончательно вытеснила православие на периферию социального пространства. Познание человека заменило собой Богопознание[6]. Литература взяла на себя функции веры, и писатель стал учителем и проводником. Л. Андреев стал кумиром большей части болгарской интеллигенции благодаря идеям и форме их преподнесения в своих произведениях[7]. Но между Учителем и учителем, Проводником и проводником и пророком, конечно, в светском смысле этого слова, есть разница. Всё зависит от того, какие задачи решает та или иная культура. То, что было полезно для России, могло навредить Болгарии. Так, нравоучения и суд Л. Андреева над болгарами, обусловленные его точкой зрения, оказались для них неприемлемыми. И именно этот образ Учителя и Проводника в своем письме и развенчивает И. Вазов. В Леониде Андрееве он не находит «величия художника» и «благородства человека». Для него Л. Андреев не учитель интеллигенции, не пророк и не судья. Болгарская культура не могла не следовать за человеческой правдой и с оглядкой на Л. Андреева решать свои проблемы, значительно отличавшиеся от проблем русского общества. И Вазов развенчивает образ, который он сам создал в 80-е гг. XIX в. — образ избранника, проводника и пророка-творца. Причина этого заключалась в том, что истины мира Л. Андреева отличались от истин болгарского общества. В системе антропоцентризма — у каждого своя правда. А единомыслие, единодействие и соборность присущи только Православию. Но оно в России, Болгарии, а также в Сербии и Греции и в наше время занимает периферийное место в культурном поле. И мысли человеческие имеют большую ценность и значимость, чем всё остальное.

Перевод с болгарского *И.Н. Смирновой*

---

[6] О начале этого процесса и о Богопознании и цивилизации см. подробно: *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 257.

[7] *Василев В.* Леонид Андреев // Мисъл. София. 1905. № 1. С. 35–45.

РЕЗЮМЕ

ИВАН ВАЗОВ ЗА ОТКРИТОТО ПИСМО «ТОРГУЮЩИМ ВО ХРАМЕ» НА ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

През 1914 г. българското правителство пропуска голяма пратка немско оръжие за отворения вече военен фронт в Кавказ. Л. Андреев пише статията си «Торгующим во храме», обвинявайки българите в нравствено престъпление срещу славянския свят. Руската империя следва своите геополитически интереси. Българите воюват за национално обединение. Интересите на Русия и на България са различни. Л. Андреев е един от най-превежданите и четени руски писатели в България в онова време. Нещо повече — той е учител и кумир на част от българската интелигенция. Краят на XIX — началото на XX век е време, в което културата се е отделила от християнството. Културата е иззела функциите на вярата. Писателят се осъзнава като учител, водач и пророк. Този образ на Л. Андреев като духовен водач, учител на част от българската интелигенция деструктира И. Вазов в писмото си.

ПЕТР ИСКЕНДЕРОВ (Москва) DOI: 10.31168/0427-5.10

РОССИЯ И БОЛГАРИЯ В КОНТЕКСТЕ БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 гг.[1]

Развитие российско-болгарских отношений в период Балканских войн (1912–1913) представляет собой один из ключевых элементов в контексте общей ситуации в регионе, а также в Европе в целом в рассматриваемый период. Поддерживая страны антиосманского Балканского союза (объединившихся Болгарию, Сербию, Черногорию и Грецию), Россия отдавала себе отчет в существовании этнотерриториальных противоречий между союзниками. А они не только создавали трудности с точки зрения объединения усилий в борьбе за освобождение балканских народов, но и были способны заложить в регионе долговременные «мины замедленного действия», могущие спровоцировать межсоюзнические вооруженные конфликты. В сущности, всё это и продемонстрировала вторая Балканская война лета 1913 г. По справедливому замечанию лидера сербских социал-демократов начала XX в. Димитрие Туцовича, Балканский полуостров являлся «мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями». И по этой причине, по его словам, из-за взаимных территориальных претензий расположенные здесь государств (Сербия, Болгария, Греция и др.) находятся в непримиримых противоречиях друг с другом[2].

Не случайно на Балканах столь специфически взрывоопасное значение приобрели даже чисто лингвистические споры и трактовки тех или иных фактов прошлого и настоящего.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18-512–76004)

[2] *Туцовић Д.* Сабрана дела. Кн. 8. Београд, 1980. С. 104.

Российская исследовательница Е.К. Малая обоснованно интерпретирует данное явление как «язык вражды» и «переход медийного текста в дискурсивное поле сообщества»[3]. Речь идет, по сути, о проблеме так называемой «ареальной лингвистики», изучающей в том числе «механизмы контактов между отдельными языковыми кодами». А македонская исследовательница З. Тополиньска считает последние «центральной лингвистической проблематикой на Балканах»[4].

Еще одним фактором нестабильности на Балканах исторически выступали особенности модернизационных процессов. По словам венгерского исследователя-правоведа К. Кульчара, речь идет о процессе модернизации, тесно связанном с «адаптацией по отношению к центру отставших в развитии или даже развившихся в нечто другое периферийных государств. На различных своих стадиях процесс модернизации формировал и приводил в действие политические системы различного типа»[5]. «Как история, так и повседневность изобилуют примерами жесточайших людских противостояний, — продолжает венгерская исследовательница Э. Анчел. – Принадлежа к той или иной нации, народности, классу, слою, вероисповеданию, придерживаясь тех или иных взглядов, мы оказываемся противопоставленными друг другу. Происходит *негативное* — спаянное *отрицанием* — сплочение одних против других. И сколько кланов, сколько сплотившихся для борьбы группировок, столько и моралей»[6].

Россия объективно вынуждена была в своей балканской политике искусно лавировать между своими беспокойными и зачастую неблагодарными союзниками — не забывая, разу-

[3] *Малая Е.К.* «Факты, в которые верят»: фреймирование новостей в условиях поляризации общества // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 180–181.

[4] Ареална лингвистика: теории и методы. Скопје, 2005. С. 12.

[5] *Кульчар К.* Конституционное правотворчество в процессе формирования венгерской политической системы // Венгерский меридиан. 1990. № 2. С. 3.

[6] *Анчел Э.* Этос, или Связующее начало // Венгерский меридиан. 1990. № 3. С. 3.

меется, о собственных национально-государственных интересах и настроениях в российском обществе, столь неравнодушном к Болгарии и в целом к Балканам. Как писал в горячие дни Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. И.С. Аксаков, «всё это я говорю, применяясь к тем власть имеющим условиям, в которых поставлено дело. Всё это — разные жертвоприношения на алтарь политических и дипломатических междудержавных приличий. Но что же делать, когда приходится с ними считаться! Мое желание одно — чтобы, не стесняясь ничем, "инсургенты" били турок и истощали Турцию, чтобы поскорее создали для дипломатии какой-нибудь fait accompli (свершившийся факт. — *П.И.*)»[7].

Как весьма точно указывает российский исследователь В.Н. Виноградов, «в 60-е годы XIX в. начался быстрый рост национально-освободительного движения южнославянских народов. Борьба против турецкого национального и феодального гнета обострила соперничество великих европейских держав на Ближнем Востоке и на Балканах»[8].

При этом позиция великих держав по балканским проблемам — и в том числе России — в значительной мере определялась опасениями дальнейшего неконтролируемого нарастания военно-политической нестабильности в регионе в рамках принципов «эффекта домино» и особенно «баланса сил», «учитывающего стратегии поведения множества игроков и текущее состояние международной среды»[9]. Это, к слову, понимали не только в Европе, но и в США, где также обращали всё более пристальное внимание на балканские дела, видя в них в том числе причину возможного вооруженного конфликта между Австро-Венгрией и Италией[10].

---

[7] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 273–274.

[8] *Виноградов В.Н.* Боевое содружество народов России и Балкан во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1974. С. 205.

[9] *Зобнин А.В.* Теория домино в научном дискурсе // Международные процессы. 2016. № 2. С. 65.

[10] *Искендеров П.А.* США и албанское национальное движение 1878–1918 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 114.

Вполне можно согласиться и с мнением российской исследовательницы М.И. Лавицкой, выделяющей еще один немаловажный фактор в российской внешней политике и указывающей, что «становление российского государства и его превращение в Империю постоянно сопровождалось массой войн, справедливых и несправедливых, оборонительных и захватнических. Процесс имперской экспансии, в результате которого русский народ распространил свое влияние на огромные территории Евразии, ковался в том числе и на поле боя, где русское оружие было острием копья, которым цари, а затем императоры чертили новые границы и раздвигали пространство цивилизованной Ойкумены. История этой экспансии неизбежно затрагивала историческую судьбу больших и малых народов, которые попадали в орбиту русской цивилизации, либо вливаясь в нее, либо соглашаясь на различные формы политической, экономической и культурной зависимости.

Эти формы зависимости, с одной стороны, являлись отражением взаимоотношений в рамках имперской политики Нового времени, с другой стороны, особенная форма устройства России как "империи наоборот"[11] создавала уникальный формат взаимоотношений между циклопическим зданием Российской империи и малыми народами, чья судьба на определенных исторических этапах была связана с Россией»[12].

Примечательно, что убежденными критиками политики России на Балканах в конце XIX — начале XX в. являлись болгарские социал-демократы во главе с Г. Димитровым. В своей статье, опубликованной 10 марта 1910 г. на страницах газеты «Работнически вестник», он призвал бороться «против захватнических поползновений австрийского империализма и осо-

[11] *Лукьянов Ф.А.* Империя наоборот // Россия в глобальной политике. 2011. № 1.

[12] *Лавицкая М.И.* Генерал Скобелев в исторической судьбе российско-болгарских отношений // Генерал М.Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня рождения). Рязань, 2014. С. 171.

бенно русского царизма на Балканском полуострове, а также против предательской политики правительств и династий в Болгарии, Сербии и других балканских странах»[13].

Действительно, противоречия между великими державами накануне Первой мировой войны приобрели беспрецедентный характер и сломали вроде бы сформировавшиеся в международных отношениях стабилизирующие и сдерживающие механизмы. Тогдашняя ситуация в данном отношении существенно отличалась от последующих событий времен Второй мировой войны, когда, по словам болгарских исследователей Г. Петрова и Д. Радулова, «каждое из государств-членов антигитлеровской коалиции преследовало свои собственные политические цели. Но несмотря на это их объединяла одна общая цель — разгром фашистского блока и спасение мира от фашизма как идеологии и социальной системы»[14].

Следует также учитывать и особенности социально-экономического развития Балканского полуострова, которые хорошо вписываются в более общие модели и тенденции. Как справедливо отмечает российский экономист Р.М. Нижегородцев, «процесс социально-экономического развития любой территории неоднороден. Под влиянием тех или иных факторов, не связанных непосредственно с экономическими параметрами (например, динамики рельефа, климата), в ней выделяются зоны более интенсивного развития. Их рост в дальнейшем носит кумулятивный характер, т.е. скорость роста в некотором смысле пропорциональна уже достигнутому ими уровню развития. В то же время под воздействием опять же "случайных" с точки зрения экономиста причин (например, природных и техногенных катастроф) периодически совершается "рассеивание" (диссипация) накопленных ими ресурсов роста, вследствие чего некоторые из обозначившихся "точек роста" могут замедляться в раз-

[13] *Димитров Г.* Балканската социалистическа акция // Димитров Г. Съчинения. Т. 2. София, 1982. С. 487.

[14] *Petrov G., Radulov D.* Bulgaria's Contribution to the Defeat of Nazi Germany // Études balkaniques. 1985. № 2. P. 4.

витии или даже приходить в упадок, испытывая локальный регресс»[15].

Помимо традиционно существовавших и объективно обострившихся в условиях «дележа османского наследства» противоречий в треугольнике Афины–Белград–София немаловажную роль в плане развития ситуации на Балканах и влияния на политику в регионе России играли вполне определенные планы, существовавшие у Болгарии в отношении албанского национального движения — которое она стремилась использовать в интересах борьбы сначала против Турции, а затем Сербии и Греции. Указанные планы, однако, тщательно скрывались и вследствие этого не являлись предметом активного обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г. (в разгар очередного антитурецкого албанского восстания), болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве что там наступят исключительные события, чего он, впрочем, не ожидает в близком будущем»[16].

Подобный подход контрастировал, в частности, с позицией Сербии, которая негативно относилась к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»[17].

---

[15] *Нижегородцев Р.М.* Эволюция экономического пространства: кризисная динамика // Российская наука: мечта светла. Сборник научно-популярных статей / под редакцией члена-корреспондента РАН В.И. Конова. М., 2006. С. 371.

[16] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 211.

[17] Там же. Л. 353.

Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории[18].

Тем не менее антисербские настроения среди албанцев все-таки превалировали, и подпитывались они не только их собственными национальными устремлениями — входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии — и дипломатическими усилиями государств Центрального блока, но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 г. — в период Илинденского восстания — между албанскими и македонскими лидерами были установлены тесные связи. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации (ВМРО) и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Сандански и левому крылу албанского Национального клуба[19]. Подобные контакты полностью отвечали интересам Софии[20]. Там рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий и в отношении Македонии, — и оказывали содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания в 1910 г.[21]

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания–Македония–Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских

[18] Там же. Л. 247.

[19] Подробнее см.: Историја српског народа. Кн. 6. Т. 1: Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 165–166; Историја на македонскиот народ. Т. II. Скопје, 1969. С. 326–327.

[20] Први Балкански рат. Београд, 1959. С. 83, 90.

[21] Там же. С. 79.

интересов едва ли меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия, но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить в 1911 г. антитурецкий союз.

Что характерно, в своих теоретических построениях сам сербский премьер Никола Пашич был отнюдь не чужд интеграционных моделей, в том числе и напоминавших идею сербских и болгарских социал-демократов о создании Балканской федерации. Так, еще в 1875 г. — в разгар антитурецкого восстания в Герцеговине — Пашич выступил с предложением о создании своеобразного «временного правительства» с участием представителей Сербии, Черногории, Воеводины, Хорватии. Эта идея внешне похожа на будущую идею Д. Туцовича и ССДП о создании — уже в общерегиональном масштабе — Балканской федерации. Правда, «временное правительство» Герцеговины, по Пашичу, должно было базироваться не на интернациональном, а этническом — сербском — принципе.

Стоит отметить и составленную Николой Пашичем в 1876 г. самую раннюю программу будущей Радикальной партии. Она свидетельствовала о том, что идея объединения балканских народов не была ему чужда: «Что касается освобождения и объединения внешнего, мы всегда решительно выступали за. Только, по нашему мнению, лучшим решением этого вопроса было бы освобождение революционным путем... что привело бы к объединению по воле народа, а не монархов. Мы — за союз сербско-болгарского народа, а по возможности и за создание Дунайской конфедерации»[22]. Как тут не отметить, что исторические корни Балканского союза 1912 г., обусловившего победу союзников в первой Балканской войне 1912–1913 гг. против Турции, — стержнем которого было тайное соглашение Белграда и Софии, — а затем

[22] *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 118. Позднее идея южнославянской или балканской конфедерации и сербско-болгарского союза получит в идейных исканиях Н. Пашича новый импульс в период его нахождения в эмиграции в Болгарии в середине 1880-х годов.

давшего ту самую трещину из-за раздела освобожденных земель Македонии, которая вызвала братоубийственную вторую Балканскую войну 1913 г., — восходят как раз к 1889 г., когда Н. Пашич посетил с неофициальным визитом Софию и предложил болгарскому руководству заключить политический договор о союзе против Османской империи, а также соглашение о последующем разделе Македонии.

Завершивший вторую Балканскую войну мирный договор между Болгарией с одной стороны и Грецией, Румынией, Сербией и Черногорией с другой был подписан в 9 часов 30 минут утра 10 августа 1913 г. в Бухаресте. Однако данный факт не принес Балканам долговременной стабильности. Говоря словами российского балканиста В.Н. Виноградова, «Бухарестский договор, заключенный правителями балканских государств самостоятельно, без вмешательства великих держав, посеял зерна новых конфликтов на полуострове. Используя перекрещивающиеся претензии Бухареста, Белграда, Софии, Афин, Цетинье и Стамбула, дипломаты Антанты и Тройственного союза начали большую игру по заманиванию их в свой лагерь»[23].

По образному выражению британского исследователя Г. Мартела, ставшие предтечей первой мировой войны две Балканские войны 1912–1913 гг. и их урегулирование оставили в регионе «угрожающее наследие. Победители — ставшие большими по территории и более мощными — остались неудовлетворенными: удвоившаяся в размерах Сербия, всё еще оставалась изолированной от моря и сделала явными свои симпатии к сербам Австро-Венгрии, которых она рассматривала как угнетаемых братьев; Греция, расширившаяся настолько, что включила в свой состав почти все территории, большинство населения которых говорило по-гречески, смотрела поверх своих границ на “великую Грецию”, включающую Константинополь и существенные части Малой Азии. Австро-Венгрия и Турция имели веские основания считать, что новые опасности еще впереди. А Болгария, что неудивительно, была озлоблена катастрофами предыдущего года — она потеряла 25 000 человек и была поставлена на грань революции»; те-

[23] Краткая история Румынии. М., 1987. С. 285.

перь же «ситуация предоставляла ей возможность пересмотреть вердикт 1913 г.»[24].

Справедливости ради следует отметить, что причины второй Балканской войны коренились не только в сфере собственно сербо-болгарских споров вокруг македонских земель. Их следует искать также в событиях Адриатического кризиса осени 1912 г. и развитии ситуации вокруг албанских земель. Вполне точным представляется в данной связи мнение историка Сиднея Фея о том, что, «хотя албанский компромисс (речь идет о решениях Лондонского совещания послов великих держав об административном устройстве и границах Албании. — *П.И.*) предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики... Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. (вызванного не в последнюю очередь крахом надежд Сербии на территориальное расширение в направлении Адриатики. — *П.И.*) и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года»[25]. А в более широком контексте следует согласиться с черногорским исследователем Ш. Растодером, охарактеризовавшим Балканские войны как попытку «балканских государств (Черногории, Сербии, Болгарии, Румынии и Греции) увеличить государственные и национальные территории согласно своим стратегическим целям, базирующимся на разделении распадающейся Османской империи»[26].

Как указывает в данной связи македонский исследователь Д. Будимовски, «экономические богатства и стратегические выгоды Албании и Македонии, расположенных в сердце Балкан и на трех морях — Адриатическом, Ионическом и Эгейском, питали претензии на данные территории со стороны тогдашних великих держав»[27]. При этом, по оценке

[24] *Martel G.* The Origins of the First World War. London and New York, 1987. P. 63.

[25] *Фей С.* Происхождение мировой войны. Том I. М., 1934. С. 308.

[26] История Черногории с древнейших времен до 2006 года. М., 2010. С. 143.

[27] *Будимовски Д.* Македонците во Албанија. Скопје, 1983. С. 45.

некоторых исследователей, в результате разграничения территорий согласно Бухарестскому мирному договору 1913 г. в состав Албании вошло всего лишь малая часть территорий, на которые претендовали лидеры национального движения[28].

Свою негативную роль играло и тесное переплетение на Балканах и в целом в Центральной и Юго-Восточной Европе династических, военно-политических, социально-экономических, этнорелигиозных и социокультурных противоречий. В частности, как справедливо отмечает российская исследовательница И.С. Яжборовская, «препятствием на пути прогрессивного общественного развития ряда наций Центральной и Юго-Восточной Европы было недемократическое политическое устройство — как Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, так и, хотя в меньшей степени, балканских стран (конституционных монархий)»[29]. Кроме того, конкретно перед Болгарией в рассматриваемый период по-прежнему стоял принципиальный вопрос глобальной внешнеполитической ориентации, который болгарский исследователь Иван Стоянов охарактеризовал как «Вечный вопрос – на Запад или на Восток?»[30].

В конечном итоге речь шла об историко-региональном преломлении той самой проблемы принятия решений в контексте неопределенности, которую сегодня принято характеризовать как задачу «оценки привлекательности инвестиционных проектов в условиях неопределенности»[31].

---

[28] *Литовски А.* Соработка на националноослободителните движења од вардарскиот, егејскиот и пиринскиот дел на Македонија во Втората светска војна. 1941–1947. Битола, 2012. С. 15.

[29] К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе // Советское славяноведение. 1988. № 5. С. 9.

[30] *Стоянов И.* ТЦБК: идеи и проекты. Велико Търново, 2010. С. 155.

[31] *Алименко Е.В., Кармазин В.Н.* Повышение инвестиционной привлекательности проекта на основе обратных вычислений // Современное состояние и приоритеты развития фундаментальных наук в регионах. Т. 2. Краснодар, 2008. С. 90.

События второй Балканской войны лета 1913 г. стали еще одним фактором укрепления болгаро-албанского взаимодействия под антисербскими лозунгами, создававшего серьезные проблемы для российской дипломатии. Стремясь свести счеты со своей недавней союзницей–Сербией. Болгария попыталась сделать ставку на албанских лидеров — в первую очередь группировавшихся вокруг главы временного албанского правительства во Влере Исмаила Кемали. В обмен на вооруженное выступление против Сербии им были обещаны территориальные компенсации за счет сербских земель. Расчеты Софии строились на том, что восставшие против Сербии албанцы провозгласят автономию на территории Македонии, а затем Болгария аннексирует интересующие ее районы под предлогом обеспечения безопасности. В результате реализации данного плана, говоря образными словами сербского историка Душана Батаковича, «через Македонию пройдет албано-болгарская граница». С военной же точки зрения болгарский Генеральный штаб рассчитывал на 20 тысяч албанских штыков из Старой Сербии и Македонии, которые после первой Балканской войны нашли прибежище в Албании. Повести это войско в антисербские сражения должны были заседавшие в то время во Влерском правительстве Хасан Приштини и Иса Болетини. Временное албанское правительство распорядилось задержать на албанской территории беженцев из Старой Сербии, аргументируя это тем, что вскоре их земли будут освобождены из-под власти Сербии[32].

Болгарские комитаджии активно готовили албанские отряды для партизанских действий внутри Сербии; оружие и финансовые средства исправно поступали из Вены. Единственной силой на пестрой албанской сцене, способной противостоять попыткам албанских лидеров спровоцировать антисербское восстание в Косово и Македонии, с тем чтобы потом прийти на помощь соплеменникам, являлся в создавшейся ситуации один из албанских лидеров, крупный военачальник и землевладелец Эссад-паша Топтани. Он остался ве-

[32] Документи о спољној политици Краљевине Србије. Кн. 6. Св. 3. Београд, 1984. С. 262.

рен союзническим обязательствам в отношении Сербии и не только отказался присоединиться к албанским главарям, но и держал сербское правительство в известности о происходящем[33]. По сути, именно Эссад-паша в рассматриваемый период «в обмен на щедрую финансовую помощь Белграда противодействовал попыткам других албанских лидеров организовать крупномасштабный сербо-албанский конфликт в Косово и соседних балканских областях»[34].

В итоге организовать скоординированное албанское выступление против Сербии не удалось. Против него выступил Эссад-паша, и его влияния хватило для нейтрализации усилий и Болгарии, и Австро-Венгрии с Италией. Две последние великие державы действовали в унисон с Софией, пытаясь – через своих агентов в лице священников и школьных учителей – натравить албанцев на Сербию, а заодно дискредитировать Эссада как главного противника данных усилий[35].

В кабинете Н. Пашича не сомневались, что албанские лидеры при поддержке монархии Габсбургов готовят новое широкомасштабное нападение на сербскую территорию, с тем чтобы вовлечь в орбиту антисербских выступлений, охвативших присоединенные к Сербии районе, и тех албанцев, которые до сих пор оставались спокойными. Однако и жесткие действия самих сербских военных властей в присоединенных областях мало способствовали нормализации обстановки. Как следствие — внутренний и внешний фактор сработали одновременно, и антисербское восстание в области Люма к юго-западу от Призрена было усилено вторжением извне в новые границы Сербии албанских отрядов. 20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10000 человек пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, всё еще находившиеся под

[33] Подробнее см.: *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38, 60–61.

[34] *Искендеров П.А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 49.

[35] Документи... Кн. 6. Св. 3. С. 194, 239, 253.

контролем сербских войск, так и территории Западной Македонии и Старой Сербии, которые, согласно решениям Лондонского совещания послов великих держав, были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джяковица и Призрен.

Во главе отрядов стояли известные албанские вожди Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Кьясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и пообещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Единственным из албанских лидеров, кто отказался примкнуть к военной коалиции, стал Эссад-паша — проинформировавший о развитии событий и своей собственной позиции власти Белграда[36].

Находившиеся на границе малочисленные и слабовооруженные сербские гарнизоны и несколько подразделений жандармов понесли серьезные потери и были вынуждены отступить. На южном направлении албанские отряды, ведомые болгарскими комитаджиями и четами ВМРО, сумели занять Охрид и Стругу и продвинулись к Гостивару. 22 сентября Дебар — город с 15-тысячным населением — был занят 6-тысячным албанским отрядом, а сербские силы численностью в две роты отступили к Кичеву[37]. Сербские власти сразу же заявили о присутствии в албанских отрядах иностранных офицеров, что подтверждалось собранными ими дипломатическими и иными сведениями. Например, говорилось о тесных связях албанских лидеров с ВМРО, и в частности с Янетом Сандански, который в целях подготовки совместного антисербского наступления несколько месяцев провел в Албании в сопровождении других лидеров своей оранизации[38].

---

[36] Документи... Кн. 6. Св. 3. С. 347, 351, 359, 378, 379, 406, 418.

[37] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 254; Д. 531. Л. 346, 348.

[38] Документи... Кн. 6. Св. 3. С. 537; Там же. Кн. 7. Св 1. С. 191–192, 335–336, 478.

На северном направлении отряды под командованием Исы Болетини, Байрама Цурри и Кьясима Лики заняли Люму, осадили Призрен и на короткое время овладели Джяковицей.

Совет министров Сербии издал 22 сентября распоряжение о дополнительной мобилизации резервистов и направлении практически всех находившихся в Южной Сербии сербских войск к Дебару, а также для занятия стратегических пунктов на албанской территории. Была мобилизована Моравская дивизия; два полка резервистов выдвинулись к границе с Албанией из Белграда и Крушеваца и составили сводную дивизию[39]. В общей сложности в боевую готовность были приведены части, насчитывавшие до 75000 человек личного состава и имевшие на своем вооружении артиллерию[40].

В тот же день Австро-Венгрия через сербское дипломатическое представительство в Белграде довело до сведения правительства Сербии свое видение сложившейся опасной ситуации. Сербскому посланнику в Вене было заявлено, что причиной обострения обстановки в районе сербо-албанской границы стало восстание албанцев в новых границах Сербии: «эти мятежи и беспорядки вызвали албанцы»[41]. Однако их причиной стало то обстоятельство, что сербские войска «всё еще удерживают некоторые области, которые принадлежат Албании»[42]. Кроме того, в вину сербским властям ставилось закрытие рынков в приграничных с Албанией городах — в первую очередь, в Дебаре и Джяковице, — которые албанцы «уже привыкли посещать и отовариваться в них тем, что им необходимо для жизни»[43]. Если бы сербские войска ранее были отозваны, не было бы нынешних беспорядков и инцидентов, утверждало внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии[44].

---

[39] *Батаковић Д.* Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С. 305.

[40] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 370; Ф. Канцелярия. 1913. Оп. 470. Д. 113. Л. 370, 371.

[41] Документи... Кн. 6. Св. 3. С. 356.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] Там же.

Тем временем 23 сентября российский МИД получил от сербского посольства в Санкт-Петербурге следующее описание событий:

«Албанцы атаковали нашу границу вдоль всего фронта сразу же после того, как наши войска эвакуировали стратегические точки, которые мы занимали до настоящего времени, и которые мы оставили в результате вмешательства великих держав. Албанцы большими массами вторглись на нашу территорию и осадили Дибру (Дебар. — *П.И.*). Вслед за этим королевское правительство Сербии было вынуждено предпринять меры, упомянутые в предыдущем сообщении, направленном в адрес великих держав.

Одновременно королевское правительство обращает внимание императорского правительства на присутствие среди албанцев болгарских офицеров и считает желательным выступить с энергичными требованиями в адрес временного албанского правительства или отдать необходимые распоряжения европейским властям в Албании, с тем чтобы болгарские офицеры были немедленно удалены»[45].

В результате сербским войскам удалось разгромить вторгшиеся на территорию Королевства албанские отряды. Однако потери сербской армии оказались значительными вследствие высокой технической оснащенности албанских подразделений, имевших на своем вооружении артиллерию и пулеметы и, по сведениям сербских официальных лиц, подчинявшихся командованию иностранных офицеров, под руководством которых и были достигнуты первоначальные успехи. По мнению сербского правительства, в подготовке вооруженных албанских выступлений принимали участие представители ряда иностранных государств, в первую очередь Австро-Венгрии и Болгарии, о чем свидетельствовали перехваченные сербскими представителями шифрованные телеграммы, направлявшиеся болгарскими офицерами, находившимися в Албании (в частности, в Дурресе), через Каттаро, Сараево, Будапешт и Бухарест в Софию. По сообщению сербского поверенного в делах в Риме, итальянское правительство также не отрицало

[45] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 31.

присутствия среди албанцев иностранных офицеров. Что же касается косвенных данных о причастности к этим событиям итальянской стороны, то сербский кабинет решил не придавать им особого значения, несмотря на полученное от митрополита Дурреса Якова сообщение об уступке Австро-Венгрией и Италией центральному албанскому правительству артиллерийских орудий и другого вооружения, захваченного итальянскими войсками в Триполи в ходе итало-турецкой войны[46].

По мере развития кризиса на сербо-албанской границе в Белград стали поступать неблагоприятные для Сербии известия непосредственно из Болгарии, где была проведена частичная мобилизация, повышена боеготовность войск, находящихся на сербо-болгарской границе, а также активизировалась деятельность болгарских агитаторов среди населения Македонии. Его предупреждали о вероятном новом вооруженном столкновении двух государств и побуждали к восстанию в случае появления болгарских войск на территории Сербии. В результате сербское правительство было вынуждено, предвидя массовые выступления протеста в присоединенных к стране областях, помимо направления подкреплений на сербо-албанскую границу еще больше увеличить количество мобилизованных воинских частей и разместить отдельную дивизию на оборонительных позициях на Овчем Поле, приведя в полную боевую готовность в общей сложности более 75 000 человек с соответствующими артиллерийскими частями[47].

После подавления албанского выступления сербские военные власти жестоко наказали его участников. Это вынудило многих жителей Охрида, Дибры и Люмы спешно покинуть места своего проживания и искать спасения во внутренних и прибрежных районах Албании, в частности, в городах Эльбасан, Тирана и Дуррес, куда уже фактически пришла зима. Общее число беженцев из Сербии достигло 40 000 человек. Среди них наряду с мусульманами находились и лица христианского вероисповедания, главным образом болгары из

[46] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 386.
[47] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 170; Д. 531. Л. 349.

Охрида и Струги, но они составляли незначительное меньшинство[48]. Как сообщал в те дни российский представитель в Контрольной комиссии А.М. Петряев, «по словам недавно посетившего меня корреспондента "Таймс", положение их (беженцев. — *П.И.*) ужасное. Они в полном смысле слова осуждены на голодную и холодную смерть»[49]. А в секретной телеграмме российского дипломата, отправленной 21 октября, сообщалось о том, что в тот же день его посетила «делегация албанцев из Охрида, Дибры, Струги и Приштины», которые «умоляли о заступничестве России против жестокостей сербов в занятых ими местностях. По их словам, экзекуции производятся массами без разбора пола и возраста. Депутаты выразили уверенность, что только воздействие России на Сербию может остановить эти ужасы. По имеющимся здесь сведениям, в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей»[50].

Сербо-албанские отношения и дипломатические усилия России по их урегулированию осложнялись тем интересом, который проявляла в отношении вышеуказанных событий Болгария. Правящие круги этой страны вынашивали планы расквитаться за недавнее унижение во второй Балканской войне со стороны сербов, и в этих целях были готовы использовать весь арсенал средств — от политико-пропагандистских до военных. По меткой характеристике российского историка М.А. Бирмана, «реваншистские настроения руководство страны подогревало с помощью беженцев с территорий Южной Добруджи, Македонии и Фракии, отошедших к соседним странам»[51].

Что же касается возможных союзников Софии в новой балканской войне, то, по негласным сведения, полученным Петряевым в начале декабря 1913 г., болгарское правительство поручило своему генеральному консулу в Албании установить

[48] Там же. Д. 2908. Л. 16.

[49] Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 250.

[50] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.

[51] Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 306.

контакты с албанскими лидерами в Дебаре и Люме на предмет тайного направления болгарских офицеров в качестве инструкторов с целью организации добровольческих иррегулярных полков на территориях, прилегающих к сербской границе[52]. Кроме того, согласно секретным сведениям, полученным сербским правительством, болгарский кабинет предпринимал усилия, направленные на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев. В связи с этим в декабре 1913 г. усилился приток болгарских эмиссаров в крупнейшие центры Албании, и в особенности в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Дмитрий Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты «Вечерняя почта» — слывущей в болгарской столице «официозом»[53]). Он имел несколько встреч с Эссад-пашой, которому, согласно информации, сообщенной сербским правительством российскому посланнику в Белграде Н.Г. Гартвигу, предложил для обсуждения следующую программу:

Интересы Болгарии и Албании требуют осуществления совместных действий, с тем чтобы не оставлять в покое Сербию и Грецию, ибо в противном случае они сумеют укрепить свои позиции на занятых ими территориях, и тогда будет практически невозможно вынудить их оставить данные области. Военные действия должны быть начаты не позднее чем через шесть месяцев по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией, которое, по словам Атанасова, могло бы быть достигнуто значительно ранее, если бы не препятствия, создаваемые Россией. Албанцы, со своей стороны, должны поставить под ружье не менее 30 000 человек, причем Болгария обязуется предоставить им необходимое оружие, боеприпасы и другие военные материалы. В заключение болгарский представитель заверил Эссад-пашу в том, что примирение между Болгарией и Сербией не может быть достигнуто ни при каких условиях, несмотря на все старания России.

[52] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 30.

[53] Там же. Д. 515. Л. 6.

Тем не менее Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией[54]. Очевидно, свою роль сыграли не только финансово-политические связи Эссада с Белградом, но и его объективная оценка расстановки сил на Балканах. Объединенный сербо-греческий фронт выглядел слишком сильным противником для объединенных албано-болгарских сил — тем более что Белград и Афины связывало специальное межгосударственное соглашение (чего не было в случае с Болгарией и Албанией). Еще 19 мая 1913 г. Сербия и Греция подписали приложенную к союзному договору секретную декларацию по албанским делам. В ней стороны зафиксировали, что ввиду «их специальных интересов на этих территориях Адриатического побережья» они решили поделить Албанию на сферы влияния. При этом сербской сферой были объявлена «территория к северу от линии, проходившей по течению реки Семан, Девол и вдоль горной цепи Камия, греческой — к югу от этой линии»[55].

Что же касается Болгарии, то сохранявшиеся у нее острые противоречия с Сербией вокруг македонских земель объективно делали почти невозможным их совместное нахождение в новом военно-политическом блоке и в целом являлись «вечной угрозой миру на Балканах и интересам Балканского полуострова», — как весьма справедливо подчеркивали в своем меморандуме министру иностранных дел России от 14 августа 1914 г. активисты македонского национального движения Д. Чуповский и К. Мисирков[56].

Тем временем болгарский фактор приобретал всё более важное значение в развитии отношений внутри самого албанского лагеря, в частности, углубляя противоречия между председателем Временного албанского правительства Исмаилом Кемали и противостоявшим ему Эссад-пашой Топтани,

[54] Там же. Д. 2908. Л. 56.

[55] За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 51.

[56] Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 39.

создавая немалые проблемы для российского делегата в Международной контрольной комиссии в Албании А.М. Петряеву. Последний сообщил на Певческий мост 22 января 1914 г. о принятой Контрольной комиссией отставке главы правительства во Влере и принятии ею от Кемали мандата на управление Влерским округом (о чем был составлен особый акт). К этому времени делегаты Международной контрольной комиссии потеряли всякое доверие и лично к Исмаилу Кемали, ибо «некоторые из таких его акций, как поддержка проекта албано-болгаро-турецкого союза или планов воссоединения Косова и Чамерии с Албанией, подорвали его авторитет в МКК (Международная контрольная комиссия. — *П.И.*). Члены комиссии не без основания заподозрили И. Кемали в благожелательном отношении к кандидатуре мусульманского претендента на албанский престол и даже в попытке заговора против МКК с целью отстранить ее от албанских дел»[57].

Одной из целей двух ключевых албанских лидеров в рассматриваемый период — Исмаила Кемали и Эссад-паши Топтани — было закрепиться на занятой сербской территорией и пригласить туда делегатов Международной контрольной комиссии. В присутствии дипломатов великих держав местные албанцы должны были заявить о своем солидарном желании, чтобы Джяковица, Печ, Призрен и земли вплоть до железной дороги Урошевац (Феризович) — Митровица были переданы в состав Албании, как это и было обещано Австро-Венгрией в период работы Лондонского совещания. Оперативные ответные действия сербской армии не позволили реализоваться этому сценарию. К тому же действия албанских отрядов не встретили массовой поддержки местного албанского населения, на которую рассчитывали их лидеры. По образному выражению сербского историка Д. Богдановича, они замышлялись как «диверсии» в целях подготовки антисербских военных операций Австро-Венгрии и Болгарии — и таковыми остались: «с ограниченным действием без какого-либо успеха»...[58].

[57] *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 62.

[58] Подробнее см.: *Богдановић Д.* Књига о Косову. Београд, 1990.

РЕЗЮМЕ

РУСИЯ И БЪЛГАРИЯ В КОНТЕКСТА НА БАЛКАНСКИТЕ ВОЙНИ 1912–1913 г.

В статията се анализират взаимните връзки между Русия и България в контекста на Балканските войни 1912–1913 г. Вниманието на автора се концентрира върху конфликта между взаимните очаквания и пресмятания на руската дипломация и българското ръководство. Особено място се отделя на опитите на руската дипломация за постигане на мирно разрешаване на противоречията между балканските държави. Статията се гради върху непубликувани архивни материали.

НИКИТА ГУСЕВ (Москва) DOI: 10.31168/0427-5.11

ВОСПРИЯТИЕ БОЛГАРИИ И СЕРБИИ В 1912–1913 гг. РУССКИМИ НАБЛЮДАТЕЛЯМИ: СТЕРЕОТИПЫ И СЛЕПЫЕ ЗОНЫ[1]

В 1912 г. связанные системой взаимных договоренностей Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи. Православные балканские государства одерживали одну победу за другой, что служило поводом для ликования русского общества. Болгария и Сербия, как самые сильные члены Балканского союза, вызывали у русских наибольший интерес, который был обусловлен дополнительно тремя факторами — они по этническому составу населения являлись славянскими, их свобода была куплена русской кровью, и большую помощь в становлении их как государств оказала Россия. В связи с этим успехи балканских славян воспринимались и как собственные.

Перед началом Первой балканской войны многие высказывали сомнения в способности союзников расправиться с турками. Война рассматривалась как экзамен на государственную зрелость. И как показалось российскому обществу, он был блестяще сдан. С восхищением говорил проживший долгие годы в Болгарии отечественный физиолог В.М. Бехтерев в Обществе славянского научного единения: «Это в полном смысле слова цветущая и цивилизованная страна, у которой не стыдно поучиться и старшим братьям, ее освободившим. Достаточно сказать, что страна, пространством и населением не превышающая одну нашу губернию, имеет

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18-512-76004)

благоустроенную, хотя и небольшую столицу, свой университет, свою Академию Наук, великолепные музеи, величественные монументы, превосходно поставленное в стране земледелие, начавшееся развитие обрабатывающей промышленности, целую сеть своих железных путей, благоустроенные порты и, что важнее всего прочего, 7-ми летнее всеобщее обязательное обучение»[2]. Рассмотрим описание этих «цветущих и цивилизованных стран».

Большинство авторов и не задавалось вопросами о реальном государственном устройстве Болгарии и Сербии, где можно было заметить серьезные отличия. Они отмечали лишь внешнюю оболочку — конституционную монархию. Хотя при этом в прессе в случае с Сербией королю уделялся минимум внимания в отличие от его премьера, в случае с Болгарией центральной фигурой являлся царь. В русской прессе, когда речь заходила о политике Болгарии, то говорилось о царе Фердинанде, в случае с Сербией — о премьере Н. Пашиче или скупщине. Официально же обе страны имели одинаковое государственное устройство. В чем же причина такой разницы между положением института монархии у столь близких и соседних стран. Ведь при поверхностном взгляде у сербского короля Петра были преимущества: монархия существовала на 70 лет больше, чем в Болгарии, он представлял династию, чей основатель являлся легендой борьбы сербов за независимость, а сам он принадлежал тому же народу. В этой связи можно здесь указать на замеченные Л.Д. Троцким факторы, которые должны были «основательно подкопать монархические чувства» в Сербии: борьбу двух династий, постоянные придворные интриги, бесславное правление отца короля Петра, затем еще менее любимая народом эпоха двух последних Обреновичей[3], к этому необходимо добавить и то, что действующего монарха на престол возвели заговорщики. В общем,

[2] *Бехтерев В.М.* Значение единения родственных народов в общечеловеческой культуре и современные вопросы славянства // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 17.

[3] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 71.

в Сербии, по словам российского историка А.Л. Шемякина, наблюдался перманентный кризис монархизма[4].

Однако и Болгария имела за своими плечами схожий опыт: изначальное третирование и неуважение к князю со стороны либералов, свержение правителя, потом его возвращение, затем отказ вновь вернуться на трон, непростые поиски преемника. А обретенный помазанник подтвердил свое прозвище «лисица», искусно плетя интриги ради укрепления собственной власти. Как заметила отечественный исследователь Р.П. Гришина, не прибавляло авторитета власти монарха и отмена статьи Конституции о конфессии престолонаследника с последующим ее восстановлением, отлучение от католической церкви в наказание за крещение сына по православному обряду. Если К. Стоилов сокрушался о том, что нет среди болгар священного трепета перед властью первого князя, говоря о необходимости воспитания этого чувства, «... то деяния Фердинанда с этой точки зрения оказывали только обратное действие»[5].

Самым простым объяснением кажется субъективный фактор — сами характеры Петра и Фердинанда. Е.И. Мартынов утверждал, что сербский монарх был убежденным демократом и настолько щепетильно соблюдал конституцию, что иногда даже делал это избыточно, «не исчерпывая предоставленной ему законом власти»[6]. Иные причины такому поведению видел Л.Д. Троцкий. По его мнению, правящая особа обладала честолюбивыми замыслами, жестоким характером, в качестве претендента на престол он был неутомим и неразборчив в преследовании своей цели, но знал о трагической

---

[4] *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет сербской государственности. СПб., 2005. С. 176.

[5] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб., 2006. С. 143; *Она же.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 144.

[6] *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 25.

участи шести предшественников. По его словам, в силу возраста Петр «оказался безличностью» и вынужденно превратился в покорное орудие старорадикальной партии[7]. Но если бы всё было так просто, то и Милан Обренович смог бы удержать престол, а Фердинанд не сумел бы избавиться от опеки С. Стамболова.

Скорее можно говорить о роли характера Н. Пашича. Посланник России в Белграде в годы Первой мировой войны Г.Н. Трубецкой считал, что лидер радикалов правил как сельский староста, и именно такой тип харизматического лидера подходил Сербии[8]. Но это опять-таки не дает нам полного объяснения, поскольку Фердинанд Кобург не обладал какой-либо заметной харизмой. Дополняют картину построения Л.Д. Троцкого. В Сербии короли сменяли друг друга «с вошедшей в привычку катастрофичностью», поэтому власть сосредоточилась в руках партии, «которая опрокинула двух королей и создала третьего». В Болгарии же политические партии сменяли друг друга «точно в волшебном фонаре», а царь явился единственным устойчивым элементом, сосредоточившим в своих руках все нити правления[9]. Если бы речь шла о более значительных временны*х* масштабах, то можно было бы даже сказать, что у Кобурга была необходимая, по мнению исследователей этого явления, составляющая сакральности власти — континуитет[10]. Более того — в силу этого и все достижения как в мирной, так и в военной сферах казались детищем рук Фердинандовых. И недаром, как сообщали русские корреспонденты, митрополит Стара-Загоры Мефодий, обращаясь к царю, пророчествовал, что того нарекут «Царем-Освободителем, и с Божьей милостью — Императором Великой

[7] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 81–82.

[8] *Шемякин АЛ.* Сербское общество последней трети XIX — начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3. С. 28.

[9] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 82–83.

[10] *Зенкин С.* Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М., 2012. С. 397.

Целокупной Болгарии»[11]. Хотя отношения монарха и церкви до 1912 г. трудно назвать простыми[12]. Вскоре всё вернулось на круги своя — поражение в войне и занятая антирусская позиция не были прощены церковью. После Балканских войн болгарский экзарх Иосиф обратился к царю: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола»[13]. Умер иерарх в судьбоносный момент – летом 1915 г. — со словами: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того, как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы... Храните Болгарию, которая находится на страшном распутье»[14]. Отсутствие сакральности власти покажет 1918 год, когда Фердинанд будет вынужден отречься в пользу сына[15].

Но всё же отношение к власти монарха в Болгарии и Сербии было разным. В последней правила местная, автохтонная династия, что приводило к оценке правителя как первого среди равных. В Болгарии же на престоле находился иностранец, человек, приглашенный «извне», изначально уже не такой, как все. О значимости этого фактора говорит обилие у различных народов преданий о призвании правящих династий

---

[11] *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 57.

[12] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия... С. 144; *Она же.* Лики модернизации... С. 145.

[13] Цит. по: *Косик В.И.* Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX — начало XXI в.) М., 2014. С. 31.

[14] Цит. по: Там же.

[15] Что интересно, в последствии в Болгарии наступил период нестабильности власти, характерный для Сербии XIX в.: режим Стамболийского и кровавая расправа над ним, создание тайных офицерских организаций, взрыв в церкви св. Недели, личный режим царя Бориса. Казалось бы, прекрасный аргумент в пользу вульгарного понимания цивилизационной теории. Но здесь причины покоились в двух «национальных катастрофах». Поступательное развитие страны было прервано начатыми в 1912 г. неудачными попытками решения внешнеполитических задач. Значительные силы были отвлечены от внутреннего развития, а провал в решении македонской проблемы привел и к внутренней дестабилизации.

в Средневековье[16]. К тому же Фердинанд Кобург принадлежал к одному из знатнейших родов Европы. О том, какую роль это играет в легитимизации монархии в глазах традиционного общества, можно судить хотя бы по любви Ивана Грозного возводить свое происхождение к Цезарю Августу, а не безродному варяжскому воителю. Однако, с другой стороны, неславянское происхождение и исповедование католичества приводило к значительным симпатиям к русскому царю, поскольку собственный многих символических образов в себе воплотить не мог[17].

Все же отнюдь не происхождение позволяло болгарскому царю добиваться желаемого, используя следующую комбинацию, верно описанную Л.Д. Троцким. Фердинанд определял необходимую, на его взгляд, в этот момент политическую группу, которая затем в результате выборов получала численный перевес в Народном Собрании и поддерживала действующее министерство[18]. Не парламентское большинство определяло кабинет министров, а кабинет министров — парламентское большинство. В Сербии же такая схема была невозможна — партия Н. Пашича доминировала беспрекословно, и сербский монарх в случае, если бы он попытался повторить комбинацию своего болгарского коллеги, скорее сам лишился бы престола, чем сумел опрокинуть старорадикалов.

В реальности, однако, кардинальная разница между ними заключалась, так сказать, в факторе Пашича. Царь Фердинанд

[16] «В различных модификациях он получил развитие во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западнославянской (приглашение на престол Пшемысла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух братьев-саксов Хенгиста и Хорсы), древнерусской (сказание о призвании варяжских князей) и др.» (*Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 42).

[17] *Гусев Н.С.* Отношение болгарского общества к Дому Романовых во время Балканских войн // Императорский Дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 373–374.

[18] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 35.

сумел избавиться от всесильного премьера С. Стамболова, хотя далеко и не сразу, а у короля Петра на это не было ни времени, ни желания, ни, вероятно, возможности. Что и сказалось на реальном функционировании демократий: в Сербии она была полуторапартийной, узаконившей фактическое единоправие Н. Пашича, а в Болгарии — дирижируемой монархом. Однако не только в суждениях о форме государственного правления журналисты были поверхностны. Они считали Болгарию и Сербию демократическими и правовыми государствами. Им хотелось видеть эти государства такими, и они делали далеко идущие выводы, опираясь лишь на отдельные внешние характеристики. Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко громко заявлял: «Болгария — конституционное государство, где все равны перед законом»[19]. Генерал-лейтенант Е.И. Мартынов в «Утре России» писал о Сербии: «Сербия — страна строго демократическая: в ней нет сословий, а имеются лишь равноправные сербские граждане»[20].

Институционально так оно и было. В обоих государствах наличествовал парламент, цензура не существовала. Последнее поражало писателя Е.Н. Чирикова: «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!». Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили, «дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». И тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...»[21].

Другой факт, удивлявший этого корреспондента, — доступность представителей власти. Его ожидание разрешения властей на поездку на фронт затягивалось. Тогда ему посоветовали позвонить болгарскому премьеру И. Гешову. Писатель крайне

---

[19] *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 41.

[20] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 19.

[21] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 43.

удивился, представив, чтобы в России кто-то решил вызвать к аппарату В.Н. Коковцова. На это он услышал ответ: «У нас страна — демократическая»[22]. Но вряд ли стоит считать это атрибутом демократии. Скорее речь должна идти о другом. Ст. Вольский писал относительно сербов, но данное утверждение можно экстраполировать и на Болгарию: «Личность не успела еще выделиться из коллектива, экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми»[23].

По-разному народы относились и к возможностям своей демократии. В Сербии корреспонденты отмечали крайне высокий интерес к политике. «Нужно сказать, что сербы вообще чрезвычайно увлекаются политикой, они со страстью читают газеты, и любимый разговор их — на политические темы», — считал Е.И. Мартынов. Он соглашался, что это порождало в стране политиканство и борьбу партий, но это увлечение, на его взгляд, «развивает в широких народных массах сознательное отношение к государственным делам»[24]. С меньшей симпатией к этой черте сербов относился Н.И. Гасфельд: «Ни в одной стране вы не найдете столько политических партий, как в Сербии: собралось в кофейной несколько человек, поболтали вдоволь — и готова партия, открывшая враждебные действия против другой, к которой новорожденные вожаки еще вчера принадлежали»[25]. При этом, по мнению Л.Д. Троцкого, партии не отражали внутренних «классовых интересов», а группировались по признаку русофильства и австрофильства[26]. Но это утверждение представляется архаичным для 1912 г., поскольку после Боснийского кризиса 1908 г. публичное заявление о своей ориентации на Вену граничило с политическим самоубийством. Немалое внимание будущий советский нарком уделил болгарской демократии, которую считал

[22] Там же. С. 41.

[23] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 538.

[24] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 22–23.

[25] *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 98.

[26] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 52.

более примитивной, нежели сербская[27]. Не согласен с ним был В. Водовозов, считая Болгарию «наиболее демократическим и наиболее культурным государством Балканского полуострова», даже «в худшие времена стамбуловского деспотизма» бывшим «демократическим и мужицким»[28].

В этом вопросе Л.Д. Троцкий смотрел глубже: «"Партия" политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта "партия" всегда склонна поддерживать власть». В том, что множество раз разочарованные в своем выборе граждане голосовали за уже находящуюся благодаря царю в правительстве партию (ведь она хоть может исполнить обещания), он и видел основу политической системы Болгарии[29].

Как уже указывалось, Л.Д. Троцкий более других корреспондентов уделял внимание функционированию политических систем Болгарии и Сербии. Всё это вкупе с глубоким изучением данного вопроса привело к тому, что его перу принадлежит довольно точная характеристика балканских стран как запоздалых: «Запоздалая страна в своем историческом движении похожа не на корабль, который сам прокладывает себе путь по волнам, а на баржу, которую тащит на буксире пароход»[30]. В итоге осуществлялась попытка модернизационного скачка, приводившая далеко не всегда к желаемым результатам. Это также верно подметил Л.Д. Троцкий, указав, что история не отвела странам Востока и России достаточно времени для нормального постепенного развития и «заставила их строить железные дороги и заводить для своих армий аэропланы — прежде чем они провели шоссейные дороги; она напялила их имущим классам на головы лоснящиеся цилиндры — прежде чем в эти головы проникли европейские понятия; она осветила, наконец, центры городов великолепными калильными фо-

[27] Там же. С. 80.

[28] *Водовозов В.* На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 319, 322.

[29] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 38.

[30] Там же. С. 37, 47.

нарями — прежде чем осушила на окраинах отвратительные лужи, очаги зловония и заразы»[31].

Диаметрально противоположным было суждение Вас. И. Немировича-Данченко, высказанное им во время тоста на торжественном обеде перед отъездом из Болгарии. Он предложил поднять бокалы «за демократическую Болгарию, великую работницу будущего, сотрудницу в общемировом движении к вечным созвездиям человечества — свободе, красоте, знанию. Да живет она, когда цветы покроют могилы, и когда свободный, просвещенный потомок с благодарностью вспомнит пролитую за него кровь. За Болгарию ума, знания, прогресса, работы и за выразительницу этих заветов, независимую болгарскую печать»[32]. Возможно, такие построения проистекали из сравнения с русскими реалиями. Э. Гуссерль считал, что «чужое» конституируется на почве «собственного», что требует «делания понятным», т.е. упрощения объекта[33]. Дополнительно включается и механизм «экономии усилий», в итоге, как пишет У. Липпман, характеризуя предмет, «сначала мы даем ему определение, а потом рассматриваем. В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленяем то, что уже было определено нашей культурой. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры»[34]. Когда же мы попадаем в плен стереотипов, пишет он, «мы обращаем внимание на те факты, которые поддерживают ее, и не замечаем факты, которые ей противоречат»[35]. И, как пишут исследователи, люди «видят не то, что есть, а то, что могут или хотят увидеть»[36].

---

[31] Там же. С. 158.

[32] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 269.

[33] *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о Чужом // ЛогоС. 1995. Кн. 6. URL: http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm (Дата обращения: 22.09.2015).

[34] *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004. С. 97.

[35] Там же. С. 128.

[36] Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 3.

Символом равенства и демократичности государства представлялась и армия. «Вообще свободные нравы сербской армии весьма мало похожи на ту субординацию, которая признается необходимой в лучших европейских войсках», – считал Е.И. Мартынов[37]. Равные взаимоотношения солдат и офицеров отмечались и в болгарской армии, из чего авторы делали категоричный вывод — в этих странах демократия повсеместна. В связи с подобными взаимоотношениями, как считал Вас. И. Немирович-Данченко, рукоприкладства в отношении солдат в этой армии не существует, он не видел «этого подлого ужаса»[38]. Но другие свидетели описывали иные прецеденты. Начальник отряда Красного Креста М.В. Сахаров лично видел и описал в своей книге, как сербский офицер дал подчиненному пощечину и сбил с головы шапку: «Кулачную расправу с провинившимся солдатом мы видели в первый раз; по рассказам очевидцев, она применяется в сербской армии не так редко, хотя сербы тщательно это скрывают»[39]. Л.Д. Троцкому офицер признался, что пороли «время от времени солдат», осознавая при этом: «Мерзость, сам знаю, да и воинский устав запрещает, но не было другого выхода». Били не жестоко, но выстраивали вокруг места экзекуции солдат для наглядности внушения. Офицер оправдывался за это: «В мирное время у нас никогда этого не бывает, но война есть война, и тут невозможно обходиться без таких... импровизаций»[40].

Вряд ли такие «импровизации» можно считать демократией в том смысле, в который в нее вкладывали в начале XX в., ведь это предполагает не только уважение к личности, но и к закону. Скорее здесь стоит видеть присущую обоим народам патриархальность. Офицеры не происходили из дворянских родов, как это было в Европе, их «каста» еще не успела сложиться, хотя и находилась на стадии формирования. Наступившая война и необходимость в большом количестве

[37] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 47.

[38] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 248.

[39] *Сахаров М.В.* С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 548.

[40] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 96.

командиров всех уровней привели к размыванию узкой прослойки кадровых военных, поскольку не имелось достаточного резерва в виде отставных. В итоге на психологическом и социальном уровнях разницы не наблюдалось внешне, не было ее и в сознании самих болгар и сербов. Как верно подметил сотрудник журнала «Заветы» Ст. Вольский, война «сразу снимает культурные и социальные различия и установляет равенство первобытного военного стана»[41]. И это в свою очередь приводило к появлению, говоря словами Вас. И. Немировича-Данченко, «боевой семьи в полном смысле слова»[42], где офицер был старшим, но не начальником. Поэтому и считалось допустимым «отеческое» поучение в виде телесного наказания, пускай и вопреки закону. При этом оно не представляло из себя публичную порку, а выглядело как «отцовская затрещина». Что опять-таки было далеко от европейского отношения к закону. Но в тех условиях данная система давала результат, восхищавший европейских наблюдателей.

«Демократичность» балканских славян в статьях и книгах корреспондентов усиливалась частым описанием внешнего вида солдат, облаченных в личную одежду, потому что «казенное добро недолго выдерживает непогоду»[43], в узорчатые шерстяные чулки[44], в опанки. О народном характере воинства говорит данное А.А. Пиленко описание болгарских войск на смотре под г. Чорлу. Солдат, дабы легче было нести ружье на плече, подложил объеденный початок кукурузы под погон, к орудию были привязаны большие часы с маятником, адъютант же «имеет вид бабы в шлафроке»[45]. В целом, по словам корреспондентов, обмундирование войск было неудовлетворительно в силу бедности стран. Но это не казалось корреспондентам нарушением правил: «Какой это полк? Не распоз-

[41] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 539.

[42] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 52.

[43] *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 128.

[44] *Сахаров М.В.* Указ. соч. С. 545.

[45] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 123–124.

нать! Погоны отстегнуты и висят изнанкой... Да и не все ли равно?»[46]. Подобное несоблюдение правил им представлялось признаком демократичности.

И более всего их восхищал уровень образования в молодых балканских странах. Всеми признавалось значение обученности и подготовленности войск[47], но это считалось само собой разумеющимся, хотя офицеры и не любили тактических занятий[48], а пехотинцы периодически пренебрегали требованиями современной тактики (густые цепи, недостаточная огневая подготовка), что приводило к напрасным потерям[49].

Вас. И. Немирович-Данченко считал, что болгарская школа в тридцать лет создала один «из просвещеннейших народов», поэтому «не Манлихеры и Крезо победили Маузеров и Круппов и не петербургская военная академия — берлинскую, Давид швырнул в Голиафа не камнем, а книгой»[50], «побеждает грамотный, сознательный, болгарский гражданин-солдат варвара, насильника, невежду»[51]. В пример он приводил Тырновский округ, где осталось лишь 2% неграмотных, и слова министра образования Тодорова: «Еще немного, и в Болгарии не будет ни одного неграмотного. А потом на этой благодарной почве вырастут пышными цветами и университеты, и другие высшие учебные заведения»[52]. Вас. И. Немирович-Данченко считал, что в Болгарии процент грамотных составлял 86%[53]. Штабс-капитан Н.П. Мамонтов, командированный «Утром России», утверждал, что «высокая степень культурности» болгар довела этот показатель среди призывных до 95[54]. Е.И. Мар-

---

[46] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 164.

[47] *Мамонтов* Указ. соч. С. 30.

[48] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 20.

[49] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 32.

[50] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 226–227.

[51] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 268.

[52] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 38–39.

[53] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 15.

[54] *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 9.

тынов и вовсе указывал, что в Сербии новобранцы приходят на службу уже грамотными, так как все дети с 6–7 лет «обязательно определяются в народные школы, где они должны пройти курс, по крайней мере, четырех классов»[55]. Однако вряд ли корреспонденты просили солдат что-либо прочесть или написать, довольствуясь только официальной статистикой, отражавшей лишь количество закончивших школу. Известно, что значительная доля населения становилась вторично неграмотной, теряя навыки чтения и письма, поскольку не сталкивалась с ними в своей жизни и деятельности. Хотя надо отметить, что это имеет большее отношение к Сербии[56], нежели к Болгарии, в которой, по мнению Р.П. Гришиной, образование поощрялось и развивалось, поскольку, согласно планам руководства страны, должно было стать локомотивом развития страны[57]. Но, по мнению Ст. Вольского, все значительные успехи в культуре и образовании Болгарии были поверхностны: «Хитрый болгарский селяк, который не верит никому на свете, который копит деньгу с упорством французского мужика и делает состояние с неразборчивостью американского янки, остался таким же, каким он был тридцать лет назад»[58].

В итоге армия, «всосавшая в себя всю интеллигенцию своего народа», «где все думают и обдумывают»,[59] оказалась способной действовать, не ожидая приказов, а согласно пониманию целей и задач войны. «Отсутствие внешней дисциплины выку-

---

[55] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 41–42.

[56] *Шемякин А.Л.* Сербия // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 43. См. подробнее: *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 90–102.

[57] *Гришина Р.П.* Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник = Дриновський збірник. Т. 7. Харьков, София, 2014. С. 224.

[58] *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 168.

[59] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 118–119.

пается сознательным отношением к службе», — отметил русский доброволец капитан Самосеев в своих воспоминаниях, которые хотел опубликовать[60]. Прямым проявлением сознательности корреспонденты считали развитую инициативу в армии. Восхищались, что «один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и нежданным появлением болгарского разъезда. Третий с таким же разъездом берет город»[61]. Их это восхищало даже тогда, когда приводило к срыву стратегического плана[62]. О какой же демократии или современном государстве писала русская пресса при таком очевидном пренебрежении правовыми нормами, будь то запрет на рукоприкладство или же приказ командующего?

Однако иное корреспонденты видели в отношении к человеческой жизни и здоровью. Иллюстрацией тому является организация медицинской службы. Ради скорости переброски войск по железной дороге задерживали поезда с ранеными[63], и корреспондент «Раннего утра» Н.И. Гасфельд писал: «Помощь раненым в виде перевязочных средств, медицинского персонала — самый больной вопрос в болгарской армии»[64]. Резче выражался Л.Д. Троцкий: «Доставка провианта и транспорт раненых были поставлены отвратительно. Солдаты в дороге по два, по три дня ничего не ели. Раненые по неделям оставались без перевязки, в ранах у них заводились черви»[65]. Признавалось это и сотрудником «Нового времени» А.А. Пиленко: «Самой слабой частью в болгарском войске неоспоримо приходится считать санитарию». Причины этого он видел и в уровне экономического развития государства, и в недостаточном количестве врачей, что связывал с «молодостью культуры» народа[66]. Однако не только экономические

[60] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 55.

[61] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 117.

[62] Там же. С. 107–110.

[63] *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 35.

[64] Там же. С. 29–30.

[65] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 192.

[66] *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 198.

факторы обусловливали такое состояние медицинской службы. «Они выбыли из строя; сейчас, сию минуту эти вычеркнутые единицы не нужны для удара, и ничье сердце здесь не болит о них»[67], — писал о раненых Вас. И. Немирович-Данченко. По его мнению, мало создать школу и армию, необходимо воспитать и чувство сострадания у народа, а до того «он, и грамотный, и свободный, и независимый, и победоносный, еще не достоин выйти на мировую арену одним из ее передовых действующих лиц»[68]. Тем самым писатель, вновь себе противореча, косвенно признавал: образованность и просвещение, как следствие — гуманность, еще не укоренились на Балканах. Они там имели лишь свои внешние атрибуты.

Эту антиномию заметил и автор рецензии на книгу Немировича-Данченко, вышедшей в 1913 г. в «Вестнике Европы»: «Кричащие краски автор кладет густо и на изнанку войны: болгарские распорядки в тылу армии, неорганизованность помощи больным и раненым изображены столь же черными красками, сколь яркими рисуется доблесть "вооруженного народа"»[69].

Различных внешних атрибутов современных государств хватало, но они возвышались среди остатков чисто балканского архаичного пейзажа. Визуальным отображением этого были города. И тут ничего не ускользало от взора наблюдателей. «Парные экипажи, буйволы, ослики, трамвай, черномазые чистильщики сапог, готовые оторвать вам ноги, европейское платье и отрепье цыган», — писал Е.Н. Чириков о Пловдиве[70]. Вас. И. Немирович-Данченко считал, что Стара-Загора делается европейским городом: строятся большие дома, театр, достойный крупного русского университетского города, создаются просторные школы; «и рядом — старая, милая идиллия поэтического Востока»: кафе, где сидят, поджав

[67] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 117. С. 227.

[68] Там же. С. 229.

[69] Литературное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 382.

[70] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 136–137

ноги, турки, жарят «кебап» на углях, возвышаются купола турецкой бани[71].

Однако когда корреспонденты смотрели на официальный фасад государственности, то всё, что противоречило их идеализированному и романтизированному восприятию болгар и сербов, оказывалось вне их поля зрения.

Возникали, говоря словами У. Липпмана, «слепые зоны», не позволяющие увидеть отвлекающие от магистрального пути образы[72], способные усложнить и запутать картину. Потому большинство авторов и не задавалось вопросами о реальном государственном устройстве Болгарии и Сербии, в которых можно было заметить серьезные отличия. Болгарский монарх правил далеко не по букве конституции, что отличало его от сербского коллеги. Но кардинальная разница между ними заключалась, так сказать, в факторе Пашича. Царь Фердинанд сумел избавиться от всесильного премьера С. Стамболова, хотя далеко и не сразу, а у короля Петра на это не было ни времени, ни желания, ни, вероятно, возможности. Что и сказалось на реальном функционировании демократий: в Сербии она была полуторапартийной, узаконившей фактическое единоправие Н. Пашича, а в Болгарии — дирижируемой монархом.

Тем не менее между двумя интересующими нас странами существовала значительная разница. Причины крылись отчасти и в характерах самих народов. В Болгарии все же реально стремились к западным образцам, а в Сербии перманентно поддерживалась воинственность, по праздникам салютовали боевыми патронами, что удивляло В.Н. Штрандтмана. Как ему разъяснили, это символизировало «бодрость сербского народа, всегда готового защищаться от врагов»[73]. Там постоянно готовились к вооруженному столкновению, и даже после двух кровопролитных Балканских войн Е.И. Мартынов свидетельствовал: «Я говорил со многими сербами, начиная от высшей интеллигенции и кончая простыми поселянами, и все они смотрят на войну с Австрией как на следующую очередную

[71] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 51.

[72] *Липпман У.* Указ. соч. С. 124.

[73] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 100.

задачу сербской политики»[74]. Эти настроения, вечное существование народа в пограничной зоне приводили к формированию «человека вечной войны», по определению П.А. Ровинского[75], жизни по принципу «передышка между войнами»[76]. В итоге получалось, что на востоке Балкан считали: «сначала развитие, затем объединение», а на западе — «сначала объединение, затем развитие». Прекрасное подтверждение тому — внешний вид Софии и Белграда, в котором, как говорили сербы русскому дипломату, незачем отстраивать большие дома, поскольку «рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению»[77]. Увидев наличие партий и парламента, дружеские отношения офицеров и солдат, журналисты с восхищением писали о демократии в Болгарии и Сербии, взглянув на данные статистики и законы об образовании — о просвещенности и грамотности народов. Хотя армейские взаимоотношения стоит объяснять еще не произошедшей дифференциацией общества, когда элиты не успели отделиться от основной массы населения. В Сербии же и вовсе стремились к формуле «сербский народ — сообщество равных» ради сохранения единства народного духа[78].

В итоге очевидцы изображали Болгарию и Сербию стереотипно, происходило, по выражению Р.П. Гришиной, «спрямление нестандартных углов»[79]. Единственное, в чем обвиняли балканские народы, было отсутствие сочувствия к собственным раненым солдатам. Корреспонденты сознательно или неосознанно не замечали имитационности успехов в государ-

[74] *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 100.

[75] *Ровинский П.А.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 97.

[76] *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX — начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014. С. 27.

[77] *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 116.

[78] *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX — начала XX века... С. 26; *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.

[79] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии... С. 126.

ственном строительстве, или же, по выражению Р.П. Гришиной и А.Л. Шемякина, фанерности. Это объясняется романтическим восприятием этих государств, казавшихся детищем русских усилий на Балканах. Поэтому корреспонденты обманываться были рады и с легкостью представляли читателю приукрашенную картину. Несмотря на значительные отличия балканских феноменов от их европейских образцов, журналисты громко заявляли о вхождении Болгарии и Сербии в семью современных государств западного мира.

РЕЗЮМЕ

БЪЛГАРИЯ И СЪРБИЯ ПРЕЗ ОЧИТЕ НА РУСКИТЕ НАБЛЮДАТЕЛИ ПРЕЗ 1912–1913 г: СТЕРЕОТИПИ И «СЛЕПИ» ЗОНИ

В статията се прави опит да се сравнят на описаните от руските журналисти през 1912–1913 г. държавни системи с реалното им функциониране, да се открият масовите стереотипи и да се очертаят «слепите» им зони. Авторът сравнява политическите системи на България и Сърбия, положението на монарха в тях и параметрите на демокрацията. Прави се извод, че в Сърбия тя е била «1,5 партийна», като узаконява фактическото единовластие на Н. Пашич, докато в България е била дирижирана от монарха. Проследява се и положението в армията, където наблюдава липса на строга субординация и пренебрегване на уставните норми, включително и на външния вид на военнослужащите. Отношението към ранените и в двете страни показва, че уважението към живота на хората още не се е превърнало в норма и хуманитарна ценност на Балканите. Това отбелязват всички руски очевидци. Те описват и пъстрите балкански градове, претърпяли по онова време модернизация, като разказват за тях с някакво умиление. В края на статията се разглеждат причините за изкривяването на действителността, които често непреднамерено се създават от външни лица.

ВИКТОР КОСИК (Москва)
DOI: 10.31168/0427-5.12

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИИ

В трактовке любого знаменательного исторического события возможны совершенно различные историко-оценочные подходы. Не является здесь исключением и русско-турецкая война 1877–1878 гг., закончившаяся 140 лет назад. В масштабе истории это было сравнительно недавно. Оценки ее результатов на протяжении указанного исторического отрезка времени также претерпевали изменения. Именно этим можно объяснить наш интерес к постфактному моделированию истории.

Замечу, что из всех балканских стран Болгария, пожалуй, имеет больше всего страниц в своей истории, которые с удовольствием вычеркнули бы некоторые историки. Речь идет о помощи России болгарскому народу. С точки зрения некоторых мыслителей, она причинила ему немало вреда. Освободив Болгарию, самодержавная Россия тем самым нарушила или, скажем так, исказила естественный процесс обретения государственности через демократическую эволюцию Османской империи. В определенном смысле с этим можно согласиться, поскольку рождение Болгарского государства было напрямую связано с войной, т.е. с механическим приложением силы. Но, как говорил Гегель, «всё действительное разумно, всё разумное действительно».

Казалось бы, нет предмета для дискуссии. Однако существующее мнение о том, что Россия несколько искривила естественный исторический путь Болгарии, этой прямой наследницы Византии, подталкивает нас к тому, чтобы прикинуть

возможные варианты болгарского исторического развития. Представим себе, что Россия не вступилась за своих братьев, как сказали бы некоторые, и не сочла для себя выгодным ввязываться в драку. В таком случае не было бы войны 1877–1878 гг. со всеми ее известными результатами.

Можно задаться вопросами: а что произошло бы с Болгарией? Как бы пошел процесс ее развития и возрождения? Все эти вопросы важнейшие. В идеале рисуется картина органичного существования болгарского народа в пределах Османской империи и положительного, бескровного решения македонского вопроса в пределах будущего Болгарского Царства.

Однако любое теоретическое построение в истории хромает уже только потому, что в нем нет иррационального – этого непременного компонента жизни, ее вечного спутника. Общеизвестно, что история не терпит сослагательного наклонения. И даже если бы не разразилась упомянутая война, она вспыхнула бы спустя какое-то время.

Как известно, в разделе владений Османской империи была заинтересована не только Россия, для которой войны с Турцией стали традицией. Да и дух национальных движений витал над Европой. Шла «европеизация» Балкан, т.е. цивилизованный грабеж владений султана.

«Итак, альтернативы войне в исторической перспективе не было. Она оставалась мощным средством борьбы России с Турцией, округления собственных границ за счет последней», — мог бы сказать историк-позитивист. Но можно предположить и другой вариант: война велась ради войны. Это построение выглядит нелогичным. Однако, как было сказано выше, жизнь идет вопреки законам формальной логики. Именно способность к борьбе не только за свои интересы и за Святую Софию, но и интересы единоверного славянства делали Россию тем мощным государством, каким она оставалась даже после своих поражений. Кровь, пролитая в русско-турецких войнах, только укрепляла духовно поколения россиян и славянства.

Наконец, можно представить и уже совершенно фантастический вариант развития событий — объединение в той или

иной форме двух империй — Российской и Османской. Однако Османская империя была слишком слаба с точки зрения России для того, чтобы стать надежным союзником. Оптимальный вариант — растаскивание владений султана по кускам просвещенной Европой и науськивание Стамбула на Россию. Оставим несбывшееся минувшему и вернемся в мир бесчувственной политики и чувственных идей.

Борьба за реальную власть, посты, право представлять истину в последней инстанции, т.е. «право первой ночи» — непременный атрибут начального этапа строительства государственности, в том числе и в Болгарии. Можно возразить, что этот период мог бы быть значительно короче, а воссевший тогда на княжеском престоле Александр I Баттенберг-ский (1879–1886) мог бы сплотить противоборствующих политиков если не монархическим обаянием, то силой своей власти. Да, такая власть была продемонстрирована через приостановку действия Тырновской конституции. Что в итоге получил князь — общеизвестно. К этому следует добавить, что сама центральная власть в лице монарха была вынуждена делиться правами с другими, жаждавшими внести свой посильный вклад в строительство европейской Болгарии.

Процесс деления и разделения институтов власти продолжается и поныне и будет длиться до тех пор, пока болгарин не превратится в европейца. Конечно, это потребует больших инвестиций самого различного характера. Здесь и обычное вливание денежной евромассы собственно в Болгарию, «раздача» денег остальным балканским славянским странам, отношения между которыми далеко не безоблачны. Здесь ведется напряженная и трудоемкая работа по «промывке мозгов» и стирание из памяти всего того отрицательного, что должно быть уничтожено. Важно не забыть и привлечение специалистов к активной деятельности по подмене истории этнографией. На выходе должен получиться средний европеец. Будет ли он хорошим, судить трудно. Плохо одно — он средний. Иными словами, он будет опять-таки той самой массой, почвой, на которой не вырастет ничего, или история пойдет по кругу.

Рассмотрим еще одну альтернативу: движение Болгарии вместе с Россией. В сущности, оно предполагалось обеими сторонами при соблюдении определенных условий. И в случае его осуществления можно было бы рассчитывать на создание в будущем славянского союза. Однако, как говорят, «силу славянства дробило само славянство». Конкретно: с кем было объединяться российским политикам от дипломатии? С Драганом Цанковым, ради своей власти готовым использовать русские штыки? С Григором Начовичем, делавшим ставку на Германию? С князем — заложником в болгарской политической игре?

Возможно, наилучшим вариантом стал бы всё же князь Александр Баттенберг. Однако русский царь не показал себя способным к союзу с ним, и здесь трудно судить, был ли он прав или совершил ошибку. Сама история кратковременного правления этого князя содержит в себе немало сюжетов, связанных с унижением князя и прямого предательства по отношению к нему болгарских политиков. И тем не менее представляется, что, если бы в 1885 г. князя Александра поддержал русский царь, история Болгарии была бы не столь драматичной. Более того, сама Россия получила бы дополнительные козыри в своей политической игре на Балканах.

Это самое простое объяснение, лежащее на поверхности. Возможен и другой вариант: именно поддержка русским царем болгарского князя привела бы к усложнению международной ситуации на Балканах, драматизации самой истории Болгарии, развязыванию очередной войны за «русское наследство», т.е. за Болгарию. Да и нетерпимость Александра III к болгарскому князю можно объяснить не через «политику чувств», а через политику интересов».

Именно интересы имперской славянской России требовали подчинения ей тех же болгарских интересов. Судьба балканского единоверного славянства была неразрывно связана с Россией, а не наоборот. Когда об этом забывали, то получали известный результат. Но это не аксиома. Начало Германской войны свидетельствует о противоположном. Можно даже сказать в запальчивости, что именно славяне «сожрали» импе-

раторскую Россию, чтобы потом, заплатив долг соцлагерем, уйти на Запад.

Далее. После освобождения Болгарии для России приоритетным становится политическое начало, для Болгарии — национальное. Это всё, конечно, весьма искусственно и схематично, тем не менее заслуживает внимания один вопрос: можно ли было избежать этого своеобразного раздвоения? В принципе это не исключено при соблюдении нескольких условий, главное из которых — создание Великой Болгарии, автоматически снимающей македонский вопрос.

И здесь не стоит забывать ту тривиальную мысль, что прошлое должно изучаться не только на фактах, но и на знании и понимании идей — этого perpetuum mobile истории. В отношении славянства и политики России эта банальность както забывается и не берется в расчет при анализе тех же русско-болгарских отношений. Для нас привычной стала мысль об объективно-прогрессивной роли России на православных Балканах и царистской политике в этом регионе и т.д. Забывается, как это нередко бывает, одно — идеи.

К сожалению, случается, что даже в очень хороших исследованиях отсутствует анализ той или иной идеи, а есть лишь политика. Можно возразить, что она представляет собой конкретное проявление той или иной идеи, и это будет абсолютно верным. И всё же еще не удалось прийти к установлению именно иерархии идей. В итоге мы все остаемся в определенном смысле прорицателями и толкователями минувшего, выросшими на почве конкретики, и никак не можем оторваться от земли.

Так, когда речь заходит о русской дипломатии, историк зачастую прибегает к выверенной методе деления ее на «царскую» — если ее нужно покритиковать и обличить, и русскую / российскую — в том случае, когда ее действия, конечно, могут быть подвергнуты мягкой критике за ошибки того или иного дипломата, но в целом трактуются в положительном смысле. Особый интерес при чтении различных исторических трудов вызывает портретная характеристика русских дипломатов. Мы рисуем их деятельность в строго очерченных рамках.

В результате у нас часто получается некое устройство, такой щедринский органчик с инструкцией вместо мозгов в голове.

Далее. Среди некоторых исследователей всё еще можно наблюдать тот парадокс в скрытой форме, когда прошлое критикуется с современных позиций. В итоге у нас получается, что любой русский царь у нас — реакционер уже потому, что он самодержец, а не демократ. Я нарочно утрирую, чтобы показать, насколько схема опасна для истории, в том числе и для русско-болгарской. Кто у нас Александр III? Для многих это человек, который личные чувства, грубо говоря, поставил выше государственных интересов. Для других — император, заботившийся прежде всего об интересах имперской России, славянской России, православной России. В обоих случаях речь идет о конкретном человеке, поступки которого можно постараться понять только через идеи, их иерархию. При этом здесь будет и должен быть важен анализ их сущностных характеристик при одновременном учете политизированного бытия. Для того чтобы облегчить понимание того, о чем я говорю, могу привести ряд таких идей, как панславизм, национализм, конституционализм, самодержавие и пр. А в итоге получается «Болгария для себя», а «Россия для всех». Это тоже — идея. Здесь достаточно вспомнить того же Достоевского.

При этом не всегда вспоминается, что, в сущности, всё происходящее в русско-болгарских отношениях можно назвать дежа вю в политике Петербурга на Балканах. Пример — Сербия. По сути дела, у России хорошо получалось с освобождением, но плохо с опекунством. И конечно, ключ здесь следует искать не столько в деятельности «плохих» или «хороших» дипломатов, сколько в иерархии идей, их соподчиненности, даже антагонизме.

Можно, конечно, сказать, что тактика русской дипломатии обусловила разрыв отношений между Болгарией и Россией. Оставим здесь за кадром политику Софии, для которой освобождение от плотной опеки России было на очереди после освобождения от турецкого владычества. После почти десятилетнего разъединения России и Болгарии их отношения были нормализованы. Однако достичь гармонии в мире идей

не удалось, о чем свидетельствует последующая история славянства.

Но это удалось Ивану Вазову. Написанный им 30 декабря 1899 г. рассказ «Последний день XX века» (текст взят нами из Интернета) позволяет сопоставить видение классиком мировой литературы судьбы Болгарии с реалиями современности. Здесь и институт монархии с мифическим царем Иваном из династии Кобургов. Тут и македонский вопрос, решенный Вазовым, но до сих пор не ушедший из исторических исследований и не исчезнувший из политико-международной повестки дня. Тема освобожденного, по Вазову, Царьграда, славянской столицы, позволяет еще раз напомнить о мифах как своеобразных движителях в истории. Описанные Вазовым совместные действия двух флотов по взятию средиземноморского порта Каваллы, давней мечты болгар, дают возможность поговорить об исторической памяти. Судя по тексту, можно предположить, что и в России также сохранилась монархическая власть. И династический брак принца Бориса с дочерью Николая II Татьяной, о котором когда-то говорили в 1910 г., стал квазиреальностью у Вазова. Иными словами, то, что имело определенную основу в прошлом Болгарии, обернулось «действительностью» у великого писателя.

И глубоко символично, что сын царя Ивана у писателя получил знаменитое имя Константин, вероятно в честь Константина Великого (288?–337), императора Запада и Востока, принявшего христианство при известных обстоятельствах. Возможно, что для Вазова Болгария в конце XX столетия превратилась в мощное государство, объединившее в своих пределах многие земли, в том числе и Македонию. На это прямо указывает фраза о том, что «губернатор Охриды просит соизволения принять его». Причем интересно заметить, что македонские земли входили в Болгарию в качестве губернии, т.е. крупной территориально-административной единицы, не обладающей особыми правами или привилегиями. Итак, судя по воззрениям Вазова на Болгарию, в конце XX века македонский вопрос, эта незаживающая язва на Балканах, была исцелена, скорее всего, в результате «хирургического вмешательства»,

т.е. военным путем. К такому выводу можно прийти, читая у Вазова строчку о «славных и многотрудных событиях» войны 1972 года. Почему был избран Вазовым именно этот год? Возможно, ключ к разгадке следует искать в сложной и многоцветной истории самой Болгарии. Здесь можно вспомнить и столетие схизмы (1872), и основание Василом Левским тайного революционного комитета в Троянском монастыре, ставшем спустя четыре года оплотом знаменитого Апрельского восстания, и многие другие памятные даты из славного прошлого болгарского народа.

Исполнилась не только эта традиционная македонская мечта Болгарии. Вазов пишет еще об одной славной победе, а именно «о взятии порта Кавалла в ходе совместных маневров с русским флотом», т.е. Болгария получила желанный выход в Эгейское море. Соответственно, исправлялось решение Берлинского конгресса, подвергшего ревизии Сан-Стефанский прелиминарный договор, по которому Болгария получала порт на упомянутом море. Сама совместная операция с Россией на исходе XX в. должна была бы восприниматься читателями как знак вечной дружбы с Россией. Таким образом, Болгария получала доступ в стратегический район Средиземноморья.

Сам XX век назван Вазовым «самым счастливым столетием для всего славянского народа». Хотя в социальном плане в Болгарии общество по-прежнему, по мысли писателя, делилось на богатых и бедных, на что указывает фраза о том, что царица раздавала в преддверии праздника «щедрые подарки» беднякам Софии.

Относительно бедноты повторю известную истину, что, по сути дела, общество всеобщего благоденствия отсутствует в Болгарии и сейчас. Эта проблема существует и для населения высокотехнологичных стран и имеет всемирный характер.

«Счастливое столетие» славянства не могли смутить и сложные отношения с Константинопольской патриархией. Вазов мельком упоминает, что в конце уходящего столетия болгарским экзархом был назначен сливенский митрополит. Здесь трудно делать какие-либо развернутые умозаключения.

Возможны несколько простых вариантов, которые каждый может легко просчитать. Но в данном случае Вазову изменила проницательность: Болгарская церковь с 1945 г. перестала быть схизматической, с 1953 г. ее возглавил свой патриарх, достоинство которого через восемь лет было признано в результате настойчивого ходатайства Русской Православной Церкви.

Возвращаясь к проводам XX в., Вазов пишет, что они должны были пройти в «атмосфере радости»: великий князь Александр устраивал торжества в Царьграде в «Мире Софии», после которых «в Босфоре в Александровском дворце» начинался бал. Туда был приглашен и сын царя Ивана.

Итак, в XX столетии была решена величайшая задача по превращению турецкого Стамбула в славянский Царьград.

Теперь о загадке с великим князем Александром. Само имя глубоко символично и безусловно для Вазова исторично. Здесь возможны несколько вариантов. Назову три.

Первый связан с именем великого полководца всех времен и народов — Александра Македонского, покорителя и правителя безграничных территорий. Второй — с именем русского императора Александра II, вошедшего в историю как освободитель русского народа от крепостного права и освободитель болгарского народа, получившего право на возрождение своей национальной государственности. Третий, наименее вероятный, — первый болгарский князь Александр I Баттенберг, русский ставленник, много сделавший для болгарского народа, но вынужденный оставить трон под нажимом Александра III, при котором он попал в жесткую и грубую опалу.

Есть и еще и четвертый вариант — самый простой: Александр с греческого переводится как «защитник людей».

Теперь о «Мире Софии». Что это?

Резонно предположить, что это дворцовое сооружение, сопоставимое со знаменитым константинопольским храмом Св. Софии. Можно выдвинуть гипотезу, что залы этого здания служили для встреч славянских лидеров, проведения православных собраний, торжественных совместных заседаний, приемов, праздников, переговоров и пр. Мир Софии — это мир мудрости, мир мира.

Напрашивается предположение, что Балканы перестали быть в конце XX в. минным полем, но Вазов пишет о «беспорядках на южных границах (Охридской губернии. – *В.К*), в который раз учиненных неугомонными албанцами». И здесь писатель выступает реалистом, взор которого проникает через столетие. Достаточно вспомнить Косово, кровавые конфликты Приштины с Белградом последних лет XX столетия. Можно и нужно назвать Македонию, где албанское население побеждает рождаемостью, а сам мир весьма хрупок. Предвидение Вазовым албанских возмущений и гипотетической возможности вспышки мусульманского сепаратизма в Болгарии просто поражает.

Вместо тривиального заключения позволю себе предоставить слово великому болгарскому писателю: «Сильные чувства переполняли сердце царя в этот последний день XX века. Перед его мысленным взором проносились фрагменты великих событий — светлых, печальных и радостных, ознаменовавших его царствование в уходящем столетии и приведших страну к счастью. Память перелистывала страницы прошлого, а взгляд Ивана впивался в будущее, скрытое завесой тайны, погруженное во мрак манящей неизвестности. Что готовит нам надвигающееся Завтра? Какие чудеса и потрясения ждут нас в этом туманном далеко?..»

РЕЗЮМЕ

РАЗМИСЪЛ ЗА АЛТЕРНАТИВНИТЕ ВАРИАНТИ НА РАЗВИТИЕ НА БЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЯ

Авторът предупреждава читателя си, че прекрасно знае, че историята не допуска условно наклонение, но неоднократните промени в оценки на резултатите от руско-турската война 1877–1878 г. са го подтикнали към постфактно моделиране на историята. Като оттовря на появилите се обвинения, че освобождението на българите от Русия е нарушило естествения ход на историята им, авторът ни предлага да си представим, какво щеше да се случи с България в обратния случай. Тук е обсъден и хипотетичният съюз на Русия с Османската империя, вместо война за освобождението на българите, или пък –

един вариант, при който Русия одобрява Съединението на България, което българският княз Александър I Батенберг подготвя тайно и осъществява без да осведоми руснаците за предстоящия акт. Това, както е известно, довежда до скъсване на дипломатическите връзки между двете страни в продължение на цяло десетилетие: 1886–1894. Руско одобрение, според автора, щеше да предизвика българска национална катастрофа може би и по-рано, отколкото тя сполетява страната като резултат на втората Балканска война 1913 г. Като анализира и други варианти на «алтернативното» развитие на историята, авторът показва, че всъщност, не остава място за него, защото Русия отстоява общите политически интереси, докато България се движи изключително от национални интереси.

РАДОСТИН РУСЕВ (София) DOI: 10.31168/0427-5.13

МИФОЛОГЕМЫ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В ПОЭЗИИ ТЕОДОРА ТРАЯНОВА

О болгарском символизме Т. Траянов говорил, что он выражает «мистику земли и святость крови»[1]. Эти его слова дали основание литературоведу Стояну Илиеву предположить существование связи творчества поэта с русским вариантом символизма. Не ставя перед собой задачу прослеживания «русской связи» в поэзии Траянова, исследователь намекал на проблему, изучение которой в дальнейшем, несомненно, стоит усилий, потому что результаты такого эксперимента превзойдут самые смелые ожидания.

Для проверки состоятельности тезиса о родстве лирики Траянова с русской символистской поэзией начала XX в. не требуется долгого бесцельного блуждания по творчеству болгарского поэта. Его поэма «Песнь песней» (1924) буквально «пересказывает» часть основополагающих мифологем русского символизма и, с некоторыми оговорками естественно – спокойно могла бы быть опознана и прочтена и как текст кого-либо из русских символистов.

Я хотел бы, однако, отметить, что речь здесь не идет о неких поверхностных, элементарных, формальных, интертекстуальных связях и случайных точках пересечения. Не подразумеваются здесь и выявленное спорадическое переплетение схожих тем, наличие периферийных и эпизодичных образов, которые имеют соответствия в поэзии Траянова. Или даже далекие отзвуки чужих мотивов в его творчестве. Пренебрежем

[1] Цит. по: *Илиев С.* Теодор Траянов — грядущ и непознат. София, 1983. С. 83.

и присутствием десятков целиком русских или болгаризованных русских слов в лексике поэмы. Они являются фактом и не могут остаться не замеченными при её чтении. В данном случае мы являемся свидетелями совсем другого типа генетической связи. Налицо действительно серьезная глубокая обусловленность, если не нечто большее — какая-то, как ее назвал один русский литературовед, «форма кровосмесительных связей, слишком тесных связей близких родственников»[2].

В проявлениях сходства между Траяновым и русскими символистами нет ничего нелогичного — и русский символизм, и творчество болгарского поэта имеют — в лице немецкоязычной лирики — один и тот же первоисточник, откуда первоначально произошли и впоследствии в зависимости от национальных особенностей получили соответствующую трансформацию большинство общих тем, образов и идей.

На практике «Песнь песней» едва ли смогла бы приобрести тот вид, в котором она нам известна, не случись долгая разлука ее автора с родиной и влияния на него чуждых (немецких и австрийских) литературных традиций. Эти обстоятельства очень сильно отразились на облике поэмы, может быть заставляя ее выглядеть как-то не «по-болгарски». Хотя очень хорошо распознаваемые координаты в ее тексте — болгарские: они открываются в отсылках поэта к болгарской мифологии в его размышлениях о судьбе своего народа. Да и сам Траянов в одном из интервью в газете «Пробуда» («Пробуждение») сказал, что «Песнь песней» (то же самое относится и к «Болгарским балладам», 1921) является «воплощением исключительно болгарской исторической судьбы, начиная с XIII в.»[3]. Поэма достаточно показательна. В ней поэт возвращается к ряду ключевых моментов своего предыдущего творчества. Снова возникают знакомые ведущие мотивы и образы из «Regina mortua» (1909): ожидаемый приход «нового дня», «первичная чистая красота», «страшное одиночество». Есть и что-

[2] *Андреев Л.* Художественный синтез и постмодернизм // Вопросы литературы. М., 2001. № 1. С. 17.

[3] Цит. по: *Балабанова В.* Теодор Траянов. Литературни анкети. София, 1980. С. 155.

то от «заклинания слова» и «заклинания духа», от «болгарской песни» или «полуночных видений» из траяновских «Болгарских баллад». Но, может быть, наиболее существенная особенность «Песни песней» — это непомерно высокий коэффициент «литературности». В ней в различной форме отражаются авторы и произведения предшествующей литературы — обстоятельство, без учета которого не было бы возможным ее полное понимание. Текст поэмы органично включает более или менее явные, но ретроспективные — и по количеству, и по ориентированности — реминисценции, аллюзии и цитаты: из Библии, «Фауста» Гёте, «Так говорил Заратустра» Ницше и т.д.

Мы сосредоточимся только на очень тесных ассоциативных связях «Песни песней» (и вообще лирики Т. Траянова) с русской символистской поэзией.

Наши поиски в данном направлении требуют также определенной конкретизации, поскольку и в своем русском варианте символизм, как известно, являет собой нечто большее, чем обыкновенное литературное течение, — в России он выходит за пределы художественной литературы и литературной теории, перерастая в философское течение. Сами поэты-символисты воспринимали его не как художественный феномен, а как «тип нравственно-религиозного мышления» (Дмитрий Мережковский) или «миропонимание» (Андрей Белый). В той мере, в какой русский символизм проявляет себя очень масштабным и необозримым понятием, нам необходимо сузить диапазон наблюдений, сосредоточившись преимущественно на поэтах-символистах «второй волны», называемых еще «младосимволистами» или «соловьёвцами». А среди них также можно выделить только нескольких поэтов, которые по тем или иным показателям стоят к Траянову максимально близко: Андрей Белый, Александр Блок, Вячеслав Иванов.

Т. Траянов явно имел ясное видение исторического развития и состояния русской символистской поэзии — это проистекает как из его поэтических текстов, так и его высказываний по данному вопросу. Нет сомнения, например, что он хорошо знал специфичные философские концепции и схемы Д. Мережковского — поэта, принадлежавшего к «старшему»

поколению русских символистов, и с именем которого связано рождение русского символизма. Его образные представления о путях развития человечества и мировой истории были представлены в трилогии «Христос и Антихрист» и сводились к некоему смутному предчувствию будущего «царства», которое объединяет два начала — языческое и христианское. Эти представления преломились и в траяновской «Песни песней». Согласно Мережковскому, всегда была и существует полярность и спор двух истин, между христианской (о небе) и языческой (о земле), между духом и плотью, между Христом и Антихристом, между стремлением к самоотречению, слиянию с Богом и к самоутверждению, обожествлению собственного «я»; всё основано на антитезах, противопоставлениях, а синтез, взвешенное соединение двух потоков должен стать венцом исторической завершённости, постижением «полноты религиозной истины». «От раздвоения к соединению — таков мой путь», — пишет Траянов[4]. Такое же устремление прослеживается и в одном из двустиший поэта. Картина мира у него также состоит из нескончаемых антитез и полюсов: небо и земля, духовное и материальное, мужское и женское, белое и черное, светлое и темное, живое и мертвое, солнце и луна, золото и серебро, огонь и холод.

Не търсиш ли възврата към цялостно,
Що в някой блян първичен Ти сам си раздвоил?

Не ищешь ли возврата к целому началу,
Которое в первичной грезе Ты сам же раздвоил?
(Здесь и далее подстрочник мой. — *Примеч. переводчика*)

Несмотря на присутствие скрытого диалога с Мережковским и отсылок к его философской системе, в дальнейшем поэт допускал в адрес русского писателя и не очень лестные высказывания. В одном из своих писем, например, он выражал недоумение по поводу популярности, которую получила книга Д. Мережковского «Вечные спутники» (1897). Он полагал,

[4] Подобное см.: *Мережковский Д.* Полное собрание сочинений. М., 1914. Т. 1. С. VI.

что «квази-эссе почтенного писателя» «скверны», «пахнут плесенью и русским своенравием», переполнены «бесформенными русскими спекуляциями»[5] ...

Негативность отношения Траянова к Д. Мережковскому имела свое объяснение и оправдание. По точно такому же пути — отдаления, отрицания и преодоления Мережковского — шли и русские символисты «второй волны», поэты-младосимволисты. Для них (Блок, Белый и остальные) его концепция синтеза язычества и христианства являлась неудовлетворительной, они искали и открывали другой ориентир — мистически-религиозные идеи Владимира Соловьёва. Они давали им возможность заменить пессимизм и предчувствие хаоса и конца у своих предшественников, старших символистов, неопределенно-мистическими настроениями, ожиданием предстоящего преображения мира, надеждой на духовное возрождение человека.

Особенное значение для уяснения направлений их духовных и художественных исканий и их эстетических и философских взглядов имели и вдохновляющие их поэтические открытия Владимира Соловьёва и его философия, центром которой было стремление к идеалу мировой гармонии, особенно к таким ее аспектам, как гностическая софиология, идея теургии и другие.

Фрагменты текста «Песни песней», типа

О, красота и ритм, бъдете ми утеха,
Свържете ме с душата на скръбната земя

О красота и ритм, будьте мне утешением,
Свяжите меня с душой скорбной земли

невольно наводят на мысль найти точки соприкосновения Траянова с Соловьёвым: с его идеалом мировой гармонии (точнее, гностицизма) и его религиозно-философским учением, которому русский поэт и мыслитель был очень предан. Ядром этого учения являлось представление о человеке как результате пленения души в материи вследствие космического грехопадения, а его идеал предполагал слияние человека с Богом в процессе самопознания. На основе этого учения Соловьёв развивал те-

[5] См.: *Илиев С.* Указ. соч. С. 286.

орию о космическом процессе, в котором основополагающей мифологемой является мировая душа. Согласно Соловьёву, возникновение природного, материального мира, а следовательно, зла и страдания связано с отпадением мировой души от Божества, от единства, восстановление которого уже в новом качестве являет собой высшую цель развития человечества.

И другая важная мифологема русского символизма, также введенная в обращение Соловьёвым, проходит через «Песнь песней», оставляя там заметный след, — *Вечная женственность*. Известно, что в мистическом воображении «младосимволистов» она занимала центральное место, олицетворяя собой гармонию, красоту и духовное совершенство. Соловьёв заимствовал образ из финала песни мистического хора во второй части «Фауста» Гёте, привнеся в него русское звучание и передав его своим последователям посредством стихотворений «Das Ewig-Weibliche» (1898) и «Три свидания» (1898). Этот образ более всего притягивал к себе А. Блока: в его дебютной поэтической книге «Стихи о Прекрасной даме» (1904) «Она» (Прекрасная дама, Заря, Дева, Светлая, Святая) является как послание высшего мира, его воплощение, идущее, чтобы преобразить мир. О том, что Траянов находился на одной волне с русскими поэтами-символистами, говорит факт отделения Блоком подобающего места «рыцарю Прекрасной дамы», а затем посвящение ему в своем «Пантеоне» стихотворения «Новый иконостас». А у Траянова еще в начале «Песни песней» «из призрачного блеска девственной росы» (полностью в стиле Соловьёва!) возникает «загадочно-тревожный» образ «вечной красоты», «возлюбленной навеки», чтобы превратиться в стержень всей первой части поэмы, в своеобразную ось, вокруг которой происходят движения творческой мысли поэта.

Насыщение поэмы мотивами и образами русских символистов на этом не заканчивается. В «Песни песней» присутствует и то нечто специфическое, что есть в культуре и искусстве Владимира Соловьёва, а затем ещё более заметно проявляется в творчестве Андрея Белого[6]. Это осмысление индивидуальной человеческой жизни и всей истории челове-

[6] *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 62.

чества как мистерии и мистериального становления. А жизнь трактуется как продукт и произведение искусства (известно, что именно «приписывание свойств художественного текста реальности»[7] и определяет сущность символистского мировосприятия). В соответствии с концепциями «младосимволистов», художник (поэт) играет роль творца вселенной, жизни, ведет «борьбу с хаосом» за преображение мира и личности.

Впрочем, этот пункт является подходящим ключом и для дешифровки заглавия поэмы Траянова, которая максимально отражает и отношение младосимволистов. Естественно, что само название связывается с одноименной книгой и с любовной лирикой, включенной в Библию. Словосочетание порождает и неизбежные ассоциации с Ницше — «перстень перстней», «перстень возвращения». Но есть и нечто другое. Под влиянием и в духе Ницше и Шопенгауэра Андрей Белый считал музыку наиболее выразительной формой искусства, которая может охватить все сферы человеческого духа и бытия, которая определяет путь развития искусства нового времени, в частности — поэзии. И вот что он пишет в своей статье «Песнь жизни», которая не только в данном конкретном случае, но и в целом может быть прочитана как подробный комментарий к поэме Траянова: Песнь — это «призыв к человеку стать художником жизни»; «песнь песней — это любовь, ибо в любви — творчество, а в творчестве — жизнь»[8]

Сознание человека-творца у младосимволистов, как правило, подчиняется «жертвенному началу»[9]. Этот момент не просто заявлен у Траянова — на нем проставлен сильный акцент.

Защо съм на света?
Мощ дайте ми да бъда аз жертва велика,
Творец през смърт и огън, към чист изкупен миг.

Зачем я на свете?
Силу дайте мне стать жертвой великой,
Творцом через смерть и пламень, к чистому мигу искупления.

---

[7] *Лавров А.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 140.

[8] *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 167.

[9] *Пискунов В.* Лики поэзии Андрея Белого // *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 7.

Ритуал жертвоприношения требует от творца принесения в жертву «старого человека» и «старого мира», а ценностным центром и целью для него становятся «новый человек» и «новый мир»[10]. Это определенно магистральные ориентиры и для творческих поисков Теодора Траянова в «Песни песней». Вся поэма пропитана ожиданием конца, предчувствием «блеска последнего уже рухнувшего мира», содержат откровенно апокалиптические и эсхатологические мотивы. «Пришла ночь последняя», «пришла ночь незваная», «пришла ночь безумная», пишет строчку за строчкой Траянов, но у него конец (конец ночи) воспринимается как исход из мрака и неистовое желание перемен, ассоциируется с возрождением и с предчувствием восходящего солнца из «Так говорил Заратустра». Такой смысл поэт вкладывал и в композиционное построение поэмы как череды вигилий. В вигилиях, стражах, древние римляне отсчитывали ночное время, когда третья стража (так и в поэме) совпадала с самым глухим временем ночи и ее конец возвещал приближение нового дня, связывался с рассветом, символизировал надежду. Эта специфичная символика не есть идея Траянова — она использовалась и русскими символистами. Один из поэтических сборников Валерия Брюсова даже носит название «Tertia vigilia» (1898–1901), а в одном из стихотворений, помещенных в нем, прямо показаны картины, целиком аналогичные таким же в «Песни песней»:

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

Блок также использовал символику стражи, но вкладывал в нее иной смысл. В письме А. Белому он пишет: «...если кощунствую, то мои кощунства покрываются стоянием на страже». «Кощунственное», «демоническое» и «богоборческое» у него заявляют о себе более сильно, чем у других русских символистов. Богоборчество совсем не чуждо и Траянову — в «Песни песней» оно извергается изо всех сил, ибо поэт соби-

[10] Там же.

рался, по собственным его словам, — «расправиться» в поэме с Богом. Через некоторое время в своем письме Траянов признался, что переборщил в своей самонадеянности и дерзости: «...я сам не знаю, что написал. Я испугался»[11].

В «Песни песней» Траянов интерпретировал и другую «горячую» тему, которая не давала покоя большинству русских символистов, оформившись у них под влиянием идей Ницше: тему «нового человека». А. Белый сам определял «стремление к новому человеку»[12] как ведущее в тематике своих произведений, которое вначале имеет скорее романтическую направленность, точно так же, как и у Траянова. Блок же представлял себе художника (артиста) как особенный новый человеческий (или сверхчеловеческий) тип. До них обоих темой «богочеловека» был одержим и Владимир Соловьёв. В своих записях Траянов определял богоравенство как «стандарт будущего»[13]. Тема «нового человека», которого, по его мнению, следует «кристаллизовать», выводя его из глубин его «богоизбранного народа»[14], и «устремление к более совершенному виду» всё время находится в фокусе внимания и в поэме «Песнь песней». Временами оно приобретает явно ницшеанскую окраску, о чём говорят и более мелкие детали: например, звуковое сходство имени героя из «Так говорил Заратустра» с сочетанием двух постоянных образов-символов у Траянова: заря (зарница) и стрела. Между прочим, этот пример в какой-то мере дает представление и о том, насколько сложна символическая структура поэмы Траянова — лабиринт, по коридорам которого придется много побродить, прежде чем найти выход. С другой стороны, часть символов, используемых болгарским поэтом, до боли знакома и поэтам русским. Скажем, роза — один из самых распространунных и многозначных мифопоэтических образов. В русском символизме он почти

[11] *Илиев С.* Указ. соч. С. 334.

[12] *Белый А.* Кубок метелей: Роман и повести-симфонии. М., 1997. С. 766.

[13] *Балабанова В.* Указ. соч. С. 62.

[14] *Илиев С.* Указ. соч. С. 331.

сросся с именем Вячеслава Иванова. Роза в его поэтическом цикле «Rosarium» «связывает воедино бесконечное число символов, сопровождая человека от колыбели через брак к смертному ложу» и является как бы универсальным символом мира и человеческой жизни»[15]. У Иванова встречаем и использованную Траяновым комбинацию розы и креста («И роза — колыбель креста»). Сочетание двух символов присутствует и в заглавии драмы А. Блока «Роза и крест» (1913).

У Траянова всё как бы еще больше усложняется именно благодаря скоплению чрезмерного множества символов, их многозначности и противоречивости, равно как и их сложному сочетанию, которое или еще сильнее затрудняет их расшифровку или придает ей многовариантность. Так, например, в «Песни песней» преднамеренно, в том числе и посредством повторов, внимание заостряется на характерной для розенкрейцерства комбинации символов: «крест, роза и стрела». Каждый из этих символов и сам по себе достаточно полон, двойственен и противоречив.

Роза означает одновременно и божественное совершенство, и земные страсти. Крест — это «символ мира в его целостности»[16] и универсальный символ. Вертикальная линия символизирует небесное, духовное, мужское, интеллектуальное начало. А горизонтальная линия — земное, рациональное, пассивное, женское начало. В целом он образует первичный андроген, означающий дуализм в природе и союз противоположностей. Стрела представляет собой пронизывающий, мужской принцип, она обязательный элемент воина, который связан также с преодолением земной жизни и вознесением к небесным сферам. Она символизирует разделение двойственности. Роза на кресте может означать смерть Христа, его раны, мистическое воскресение, возрождение, а стрела — гвозди для креста, мученичество, страдание.

---

[15] *Топоров В.* Роза // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 386.

[16] *Шевалие Ж. Геербрант А.* Речник на символите. София, 1995. Т. 1. С. 659.

Не меньше сложностей возникает и при разгадывании символики чисел. В целом индивидуальное внутреннее отношение и пути творческих исканий Т. Траянова, похоже, чаще всего склоняют его к тройке, которая символизирует множественность, преодоление двойки (двойственности), вырастание, движение вперед, творческую силу, тройственную природу мира – небо, земля и вода — и человека — тело, душа и дух; рождение, жизнь и смерть; прошлое, настоящее и будущее. То же самое можно сказать и о пятерке (она идет за четверкой — числом завершения, следовательно, отмечает начало нового цикла), представленной через пентаграмму — символ совершенства.

«Песнь песней» поражает необычайно плотной для одной поэмы концентрацией символов. А также и постоянной математической претензией на их упорядочивание с помощью своеобразного и динамичного сочетания или выстраивания символики образов, цветов и чисел. Можно сказать, напоминает совершенно разыгранную шахматную композицию (сравнение не случайно — Траянов и в самом деле был отличным шахматистом, победителем первого неофициального первенства Болгарии по шахматам в 1907 г.), где шахматные фигуры (т.е. символы) взаимно связаны, поддерживаются одна другой и действуют максимально живо.

Эта специфичная черта в стиле Траянова сближает его с А. Белым. Ведь оба они обладали нестандартным, единственным в своум роде, не подлежащим категоричным определениям поэтическим мышлением и эклектичным мировоззрением. В эксперименте со словом русский поэт уходит довольно далеко, переносит музыкальные структуры на построение литературных текстов (как прозаических, так и поэтических), строит тексты по законам музыкальной симфонии, адаптирует даже строго музыкальные приемы, такие как контрапунктная техника[17]. Своеобразием отличаются и философские воззрения Белого. У него бесконфликтно сосуществуют такие противоположности, как мистическое учение В. Соловьёва о «мировой душе» и философия Ф. Ницше, обнаруживаются следы неокантианских теорий и эстетических взглядов

[17] *Гервер Л.* Контрапунктическая техника Андрея Белого // Литературное обозрение. М., 1995. № 4–5. С. 192–196.

Шопенгауэра. Поэтому Траянов и сам затруднялся дать определение своему мировоззрению. Он называл его «туманной штукой», описывал его как «ни монизм, ни дуализм, ни плюрализм, а плюро-дуо-монизм, то есть, пространственную фигуру, имеющую одну вершину, многие основания и явно совмещающую в проблеме имманентности антиномию дуализма, но — преодоленного в конкретный монизм»[18]. Соединение в одном месте столь различных и неожиданных определений говорит о том, что в творческом сознании Траянова присутствовали элементы рационализма и мистики, отзвуки средневековых дуалистических учений и ницшеанство и многое другое.

За основу одного из более конкретных сравнений с «Песнью песней» Траянова можно взять, например, поэму Белого «Первое свидание» (1921) — из-за их близости в жанровом и композиционном отношении, из-за сходства в образно-понятийной системе, из-за недвусмысленных и прямых текстовых аналогов.

Вот вступительные строки «Посвящения»:

...с бездънна и сурова реч,
Послушай варварската лира
<...>
Послушай възгласите диви
на първородния човек ...
...възлюбил всичко, той се радва
на яростната жива плът
и кърти с каменната брадва
светкавици по своя път.

Послушай слово вдъхновено,
ключа към светлия отвор,
де всичко земно, отразено,
живее в тайнствен простор...

...с бескрайней и суровой речью Послушай варварскую лиру
<...>
Послушай возгласы дикие первородного человека...
...возлюбив всё, он радуется
яростной живой плоти,
высекая каменьем топора, молнии на своем пути.

Послушай вдохновенное слово,
Ключ к светлому выходу,
Где всё земное, отраженное,
Живет в таинственном просторе...

Траянов попадает в одну из наиболее характерных для А. Белого тем, начатую и развитую русским поэтом в его «поэме о звуке» «Глоссолалия» (1917), нашедшую затем отзвук и в предисловии к «Первому свиданию». Речь идет об отождествлении словотворчества с жизнетворчеством, микрокосма с макро-

[18] *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 196–197.

космом, процессов в ротовой полости, порождающих язык, слово, дыхательных и других процессов, протекающих в организме человека, с процессами в космосе, с жизнью вселенной:

Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы...
Я стилистический прием,
Языковые идиомы!

.....

Язык, запрядай тайным сном!
Как жизнь, восстань и радуй...

Среди постоянных тем, упорно и с особым пристрастием разрабатывавшихся А. Белым, есть и тема хаоса и схватки с ним за право преображения человека и мира. Образ «древнего хаоса» проходит красной нитью в его поэтическом сборнике «Золото в лазури» (1904). А в его статье «Пророк безличия» (1909) проводятся параллели между миссией современного художника и миссией «заклинателя хаоса»: «Доисторическое человечество, — пишет он, — видело хаос: оно плавало в хаосе... хаос опускался над головой человека, как густая ночь... И дикий побеждал судьбу... В борьбе с судьбой блестел свет... свет расширялся... Материк жизни вышел из хаоса; началась история...» Опираясь на Ницше, Белый призывал современных художников «отправиться через ночь в "дорической фаланге", чтобы вернуть искусству Аполлонов свет»[19].

В том же направлении движется и мысль Траянова в «Песни песней»:

Настъпи нощ, която зората не чака,
Исчехнаха нещата и смисълът им скрит...
...аз поисках Орбитата да скъсам на тъжната земя,
Та целий строй да рухне в първичния си хаос
И земний дух, свободен, нов мир да сътвори.

Наступила ночь, которую не ждет заря,
Исчезли вещи, и их смысл скрыт...
...
...я захотел
Сойти с орбиты печальной земли,
Чтобы весь строй вернулся в свой первичный хаос
И дух, земной, свободный, мир новый сотворил.

[19] *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 498.

Подобно Белому, и Траянов обладал космологическим мышлением, мыслил категориями веков и вечности. В «Песни песней» он скомпоновал расширенную до бесконечности и динамичную пространственно-временную систему координат с масштабными пространственными образами. В словаре поэмы преобладают отвлеченные понятия. Поэт мыслил масштабными категориями, которые постоянно присутствуют в поэзии Белого: вселенная, космос, свет, вечность, время, пространство, хаос, жизнь, смерть, судьба, участь, душа. Но если Белый всё же пытается говорить помимо них и о самом земном и тривиально-бытовом (способом, присущим лишь одному ему), то Траянову такой компромисс словно бы и не знаком вовсе. Он остается во власти своего стремления к абстрагированию, беспрестанному бегству от конкретики и описательного начала.

Траянов считает «основным недостатком гения славянской расы» именно неумение мыслить целостно абстрактно. Из этого он вывел свою формулу смысла и миссии болгарского символизма как творческого канона — «принудить» болгарина не только к «проникновенному вживанию в поэзию», но и к абстрактной мысли[20]. Его «Песнь песней» и является таким триумфом абстрактного мышления. Она полностью освобождена от бремени бытовой литературы. В ней нет почти никакого интереса к физическим состояниям человеческого тела, к физической стороне человеческого существования. Здесь отсутствуют все те вещи, которые находятся в поле зрения художников-реалистов. Всё в ней — о состоянии духа, о движениях человеческого духа.

Вот почему в болгарской литературе «Песнь песней» стоит особняком — как, впрочем, и сам автор, и остальная его поэзия.

Вот почему современников поэта и его критиков (например, Б. Пенева) в его поэзии раздражала «отягчающая фразеология», «излишние, мертвые слова и излияния», «образы, сваленные в кучу без разбора», «строки и даже целые стихот-

[20] *Балабанова В.* Указ. соч. С. 156.

ворения, чей смысл даже сам автор не мог бы объяснить», «уподобление или имитация», «словесный балласт», «банальности и бессмыслица».

В то же время, хотя поэма и свидетельствует о довольно большом потенциале интеграции в символистские искания и эксперименты европейских (в частности — и русских) поэтов, она «говорит» на их языке свободно и без акцента. Оказавшись в контексте и в атмосфере, например, русской младосимволистской поэзии, она становится чуть ли не такой же странной, загадочной и труднодоступной для понимания или же попросту непонятной для большинства соотечественников Траянова.

Перевод с болгарского *И.Н. Смирновой*

РЕЗЮМЕ

МИТОЛОГЕМИТЕ НА РУСКИЯ СИМВОЛИЗЪМ В ПОЕЗИЯТА НА ТЕОДОР ТРАЯНОВ

В статията се разглежда една хипотеза на българския литературовед Стоян Илиев за близостта на творчеството на българския поет Теодор Траянов до руския вариант на символизма. Анализирайки поемата на поета «Песен на песните» (1924), авторът стига до извода, че в нея присъствуват редица митологеми, които биха могли да се припознаят като част от текста на някой руски символист. Сходството между Траянов и руските символисти е логично, защото творците тръгват от един и същ първоизточник — немскоезичната лирика. Изследователят прави редица паралели между поезията на Траянов и тази на Александър Блок, Андрей Бели, Вячеслав Иванов, обръща се към философските концепции и схеми на Дмитрий Мережковски и концентрира главното си внимание върху творчеството на руските «младосимволисти», или, както ги наричат «соловьовци» (по името на руския философ и поет Владимир Соловьов). Тези и други материали убедително подкрепят хипотезата на Стоян Илиев и разкриват нови страници на все още недостатъчно проученото творческо наследство на Теодор Траянов.

ХРИСТО МАНОЛАКЕВ (София) DOI: 10.31168/0427-5.14

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БОЛГАРИИ

Литературная рецепция является основным состоянием, посредством которого осмысляется история русской литературы в Болгарии. Еще в статье «Истоки русского влияния в болгарской книжности (О юбилее Пушкина, 26 мая 1899 г.)» — по существу, первом научном исследовании о восприятии русской литературы в Болгарии — встреча с русской литературой считается проблемой литературной рецепции. С того момента, с той пионерской работы проф. И. Шишманова[1] с различной степенью исследовательского интереса вопросы вхождения и распространения, воздействия и влияния, восприятия и усвоения русской художественной литературы в Болгарии находятся среди самых животрепещущих как среди болгаристов, так и русистов. Именно это объединение взаимных усилий на практике делает рецепцию русской литературы одной из самых разработанных у нас. Почти 120-летняя история этих исследований позволяет проследить, как развивается это направление с течением времени — от начальных эмпирических набросков до исследования, как усваиваются произведения и художественные переводы от сопоставления взаимосвязей между двумя литературами до современных опытов теоретического моделирования диалогов между «своим» и «чужим».

Критический взгляд на установленную традицию интерпретации позволяют отметить по крайней мере два слабых звена.

[1] Български преглед. Софиля, 1899. № 9–10.

К первому из них относится том 2 серии Академического издательства «Рецепция переводов европейских литератур в Болгарии. Русская литература» (2001). Согласно разработанной составителями концепции, применяющейся в анализе фактов, становится ясно, что рецепция мыслится только и единственно как *рецепция переводов*. Перевод действительно является основным звеном рецепции, явлением встречи двух литератур (по известному наблюдению проф. Б. Ничева)[2]. Но верно и то, что невозможно четко разграничить поле исследования истории перевода и истории рецепции. Избранная и защищаемая в этом сборнике интерпретационная позиция — языковая перспектива — вообще не связана с динамикой переводной коммуникации, ее началом и концом, мотивацией выбора текста для перевода и/или критических референций, завершающей движение «чужого» в новой среде. Хочу быть правильно понятым. Вне всякого сомнения, этот коллективный труд имеет значительную эмпирическую ценность. Его авторы проделали огромную просветительскую и исследовательскую работу, непосильную для одного исследователя. Однако то, чего действительно не хватает этому труду для превращения его в историю рецепции, а не в обычный сборник критических очерков об отдельных русских писателях, так это обобщений. В нем не очерчены различные волны вхождения русской литературы в болгарскую литературную традицию, их рецепция в Болгарии и периодизация этой рецепции. Несмотря на то, что упомянутый труд создавался после начала болгарской «перестройки» в 1989 г., в нем словно по инерции продолжали доминировать «советские» методологические установки. Излишне напоминать, что они был введены у нас после 1944 г., так же как невозможно отрицать и то, что после этой пограничной даты создались несравнимо лучшие по сравнению с прежними условия для распространения и популяризации русской

[2] *Ничев Б.* Славянската литературна рецепция в историята на новата българска литература // Славянските литератури в България. Проблеми на рецепцията. София: Унив. изд. «Кл. Охридски», 1988. С. 12.

и советской литературы в Болгарии. Здесь проблема в другом. После 9 сентября 1944 г. разговоры не только о русской литературе XX в., но и о «классической русской литературе» XIX в. были резко идеологизированы, и это является вторым слабым звеном в изучении рецепции перевода.

Изучение рецепции русской литературы, особенно периода 20-х — 40-х гг. XX в., превратилось чуть ли не в общественно-политическую, а не только в литературно-историческую задачу. Оно стало скучным монологом, который велся с целью доказать превосходство социалистической политической и идеологической системы. При интерпретации болгаро-русских литературных взаимоотношений после с 1944 г. обычными у нас стали отсутствие критичности, членение темы на более мелкие, псевдонаучность и публицистичность, прикрытые идеологическими рассуждениями и искусственной эмоциональностью. Родился своеобразный «протокол прочтения», неизбежно искажавший понятие межлитературного влияния.

Одним из важных следствий этого упрощения истории рецепции являлось то, что в изучении тогдашнего актуального литературного процесса (особенно 1920-х гг.) не были учтено творчество пребывающих тогда в Болгарии русских литераторов-эмигрантов. По политическим причинам замалчивалась и их роль в межлитературном обмене. Именно необходимость переосмысления их значения для расширения и обогащения болгарских диалогов с русской литературой и послужила конкретным поводом для написания данной работы.

История русской литературной эмиграции в Болгарии (1919–1944) — уже не новая для болгарского литературоведения тема. Ею занимались такие болгарские ученые, как Р. Русев, Р. Илчева и я в том числе. Мы одни из первых в Болгарии начали разрабатывать эту большую и важную тему еще около четверти века назад. После выхода множества публикаций, индивидуальных и коллективных, можно утверждать, что значение русских интеллектуалов в расширении наших

горизонтов при общении с этой литературой нельзя назвать небольшим[3].

Сейчас мы изучаем творчество русской литературной эмиграции в Болгарии в трёх различных и непересекающихся социокультурных контекстах.

Основным является их имманентный контекст здесь, в новой среде, в которой они по воле обстоятельств оказались после 1919 г. Этот контекст ограничивался кругом личностных проблем, а над ним формировался наднациональный общеэмигрантский контекст. Он помогал сохранять и охранять память об общем родном, не противопоставляя себя контексту первому в плане ценности и функциональности. Третий контекст относится к болгаро-русской встрече, свое родное переосмысляется в нем через общеплеменное бытие.

В настоящей статье меня интересует последний контекст, контекст ВСТРЕЧИ, в котором эмиграция берет на себя роль и функцию посредника в болгарском общении с русской литературой. Из-за ограниченности объёма статьи приведу лишь два примера.

Первый из них относится к актуальной рецепции творчества Анны Ахматовой в Болгарии. Впервые как явление модернизма в современной русской поэзии его представил болгарской аудитории русский эмигрант К.В. Мочульский[4]. Второй пример касается мероприятий, проводившихся в Болгарии по случаю 125-летия смерти А.С. Пушкина.

---

[3] Укажу на два последних обобщающих коллективных издания Группы изучения русской эмиграции в Болгарии: *«Погасло дневное светило...»*. Руската литературна емиграция в България 1919–1944 / Състав. и научни ред. Р. Русев, Й. Люцканов, Хр. Манолакев. София: Академично изд. «Проф. Марин Дринов», 2010; Периодика на руската емиграция в България. 1920–1943. Енциклопедичен справочник. Отг. ред. Р. Русев, съст., автори на статиите и редактори: Р. Русев, Хр. Манолакев, Й. Люцканов, Р. Илчева, Г. Петкова София: Изд. център «Боян Пенев», 2012. 764 с.

[4] Подробно о нем см.: *Манолакев Х.* Константин Мочулски в българския печат през 20-те години и споменът за отказания спомен // Човек и време. Сборник с научни изследвания в памет на Сабина Беляева. София: Изд. на НБКМ, 1997. С. 363–380.

К.В. Мочульский приехал в Болгарию в начале 1920 г., и с 1 апреля 1920 г. был назначен рядовым доцентом истории литературы в Софийский университет.

Первая его опубликованная в Болгарии статья называлась «Современная русская лирика» и была напечатана в журнале «Златорог» (1920, № 9). Наиболее вероятно, что он написал ее по заказу редакции. Ибо такова была общепринятая практика того времени: редакторы различных столичных изданий обращались за содействием к русским эмигрантам — публицистам и интеллектуалам, чтобы они обрисовали актуальную картину политической и культурной жизни России последних лет или прокомментировали постоянно меняющуюся ситуацию в русской внутренней и внешней политике. Около 1918–1919 г. в Болгарии образовался информационный вакуум в отношении России из-за нехватки газет и противоречивости сведений, получаемых из письменных источников. Присутствие русских беженцев в Софии, независимо от их эмоционального состояния и наличия у них политической предубеждённости, давало возможность познакомиться со свежей точкой зрения, которая умело использовалась для расширения информационных горизонтов болгарской аудитории.

К.В. Мочульский в своей статье поставил перед собой задачу очертить картину русской поэзии первого десятилетия XX в. и представить ведущие тенденции в ее развитии. Она представляла собой четыре фрагмента, каждый из которых посвящен определенной «частной» проблеме, вынесенной в заглавие темы. Автор стремился выстроить хронологию развития русской лирики и обосновать переход от старых поэтических форм к новым, к поиску новых средств выражения, адекватным новому мировоззрению. Он был категоричен — начало XX в. провело границу в истории русской литературы. Переход был повсеместным — от трансформации классической эпичности в прозе посредством стилистической интервенции символизма, натурализма, живописной техники кубизма (I фрагмент) до осмысления символизма как искусственного направления, отдалившегося от проблем реальной жизни (II фрагмент). В третьем фрагменте К.В. Мочульский

интерпретирует поэзию Александра Блока как первый опыт преодоления поэтики символизма через стремление к исконно русскому. А в последнем фрагменте автор представляет новейшее поэтическое течение: «акмеизм», дает краткую информацию о «Цехе поэтов» и его представителях — Н. Гумилёве, М. Кузмине, С. Городецком, А. Ахматовой и О. Мандельштаме; в конце статьи подробно останавливается на последних поэтических сборниках А. Ахматовой.

Мы не станем обсуждать, какое место имел этот текст для индивидуального развития его автора. Для нас важнее оценить его роль в болгарском контексте рецепции русской литературы. Эта статья не была замечена болгарской русистикой ни до, ни после 1989 г., и если во время политических перемен можно было найти некоторое «логичное» объяснение этому упущению, то более позднее ее замалчивание вызывает недоумение. Упоминание о ней отсутствует, например, в коллективном очерке о восприятии Ахматовой в указанном труде. Автор очерка убеждает, что один из переводчиков Ахматовой, К. Константинов, чуть ли не самостоятельно открыл творчество русской поэтессы[5]. Картина рецепции по сути сложнее по большей части благодаря активной литературно- критической деятельности именно Мочульского.

Почти одновременно с отмеченной статьей он напечатал в выходящем в Софии на русском языке журнале «Русская мысль» и большую аналитическую статью «Поэтическое творчество Анны Ахматовой»[6]. Она предназначалась для русских читателей, но ее, конечно же, заметили и болгарские читатели[7]. Эти настоящие импульсы «открытия» ахматовской лирики болгарской аудиторией, ее первые переводы на болгарский язык определенно были связаны с критической деятельностью русского автора. Отблески вдохновенного портрета неизвес-

[5] *Метева Е.* А. Ахматова // Преводна рецепция на европейските литератури в България в 8 тома. Т. 2: Руска литература. София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2001.

[6] Русская мысль. София, 1921. № 3–4. С. 185–201.

[7] Она была обстоятельно пересказана в газете «Развигор» (№ 20 от 21 мая 1921 г.).

тной болгарским читателям поэтессы, который Мочульский рисует в двух своих работах, могут быть уловлены и в первых оригинальных болгарских критических статьях о ней. В представлении А. Ахматовой, например, К. Константиновым в газете «Вестник на жената» («Газета женщины», 1922, № 51) и позднее в краткой анонимной статье в № 90 этого же издания. Так что статья Мочульского из журнала «Златорог» выходит за рамки популярного описания, необходимого для первого знакомства с неизвестными фактами, и представляет обстоятельный художественно-эстетический анализ и приобщает читателя к открытиям современной русской лирики. В течение 1921 г. Мочульский активно сотрудничал и с болгарской литературной печатью. Очевидно, его первая статья произвела большое впечатление на болгарскую аудиторию своей аргументированностью и компетентностью, потому что различные издания стремились привлечь его в качестве своего сотрудника.

Русская эмиграция так называемой «первой волны» способствовала созданию особой *рецепционной ситуации* в европейском культурном пространстве, в которой любое явное проявление русской духовности происходило как идеологическое противостояние точек зрения новой политической власти России и старого, исторгнутого из национального пространства, духовного сознания русских беженцев. Каждая из них отстаивала себя как единственно верную и правильную.

В таком плане мы рассмотрим второй пример, относящийся к событиям, приуроченным к столетию со дня смерти Пушкина в 1937 г.

Я выбрал эти события, а не торжественное празднование 100-летия Достоевского в 1921 г., потому что в 1937 г. эмиграция уже обустроилась в Болгарии, приспособилась к ней и вписалась в болгарские социальные институты. Ее представители регулярно появлялись в качестве авторов на страницах болгарской общественной и литературной прессы.

Болгарские мероприятия, отмечавшегося 100-летия смерти Пушкина в 1937 г. отличались своей *организованностью*. По всей стране устраивались утренники и вечера памяти поэта, проводимые известными культурными организациями:

Славянским обществом, Народным театром им. Ивана Вазова (во время Пушкинской недели в нем были поставлены оперы «Пиковая дама» и «Евгений Онегин»), Болгаро-советским обществом, Министерством Народного просвещения. По случаю юбилея появилось много новых переводов стихов Пушкина; было опубликовано огромное число статей и разнообразных материалов о судьбе и творчестве русского поэта. Посвященные Пушкину тематические номера выпустили журналы «Литературен глас», «Литературен час», «Новый женский журнал», в честь поэта выходили юбилейные листовки. Из необозримого рецепционного массива хорошо видно, что складывалась национальная рецепционная норма пушкинского творчества. Условно можем назвать ее *славянофильской*, поскольку она базируется на идентификации славянских тем и мотивов в творчестве поэта. Эту точку зрения отстаивали такие авторы, как С.С. Бобчев, Н.С. Бобчев, В. Велчев и др. В каком-то смысле она была принята и в качестве *официальной*.

До 1989 г. наиболее значимым проявлением этих празднеств ситалось одноразовое издание листовки «А.С. Пушкин. 100 лет со дня его смерти. Номер единственный. София, 20.II.1937. Редактор Генчо Белев». По решению Болгарской Коммунистической партии в преддверии юбилея поэта политические лидеры Г. Бакалов и Т. Павлов собрали писателей-антифашистов с целью заявить о своей точке зрения на творчество Пушкина, отличной от официальной. Она не являлась их собственной, а привносила в болгарское рецепционное пространство советское прочтение Пушкина, декларировавшееся как единственно правильное. То есть ее интерпретационная стратегия — это выдвижение на передний план конретного политического жупела — нового советского государства. Начиная с риторики отдельной статьи до целостной «риторики монтажа» издания в нем внушалось, что истинное празднование юбилея поэта стало возможным *единственно* в Советской России. По сути, это было проявлением яркой *политизации* рецепции творчества Пушкина.

На самом деле картина событий была намного более пестрая и богатая благодаря именно участию представителей русской эмиграции. В течение всего юбилейного года они с бол-

гарскими просветительскими и культурными организациями организовывали совместные чествования, читали лекции перед болгарской и русской аудиторией. На них выступали такие видные фигуры, как проф. П. Бицилли и проф. М. Попруженко, т.е. рецепция происходила как *всеобщее явление*. В своих докладах оба ученых ставили акцент на общечеловеческом значении Пушкина. Проф. Бицилли, кроме того, опубликовал в газете «Просвета» («Просвещение») свою статью «Пушкин и проблемы культуры»,[8] в которой исследовались отношения между государством и культурой. Ученый считал, что мировоззрение Пушкина строилось на особом соотношении идей *закона, равенства и свободы* и творчески защищалось поэтом в таких произведениях, как «Борис Годунов», «Капитанская дочка» и др.

Помимо этой публикации, необходимо упомянуть и статью «Мировое значение Пушкина», помещённую в газете «Училищен преглед» («Школьное обозрение»). Её автор — русский эмигрант, известный исследователь Пушкина и Достоевского, проф. А.Л. Бем[9], находившийся в то время в Праге. В статье аналитически осмыслялось место русского гения в развитии европейской культуры.

Эти два текста, опубликованные во время чествования в Болгарии юбилея Пушкина в 1937 г., фактически предлагали *единственную интерпретационную* точку зрения на творчество Пушкина. По сравнению с ними болгарские публикации, если опустить здесь их политическое значение, имели главным образом публицистически-популяризаторский характер и страдали от аналитического бессилия.

Становится ясно, что литературная рецепция — это не только исключительная переводческая активность (по которой оценивалось значение юбилея в рассматриваемом томе «Русская рецепция»), но прежде всего острая дискуссия между текстами. Пушкинский юбилей 1937 г. был сильно идеологизирован. Каждая точка зрения на творчество поэта и его оценка отражала определенный идеологический срез. Наиболее яркую идеологическую окраску имела листовка Г. Белева — она подменяла собой духовный диалог, превращая юбилей в политический ан-

[8] Просвета. София, 1936–1937. № 5. С. 619–625.

[9] Училищен преглед. София, 1937. № 2. С. 191–204.

гажимент. Ее агрессивность и императивная тональность свидетельствовали об откровенной политизации юбилея. Идеологической направленности этой листовки противостояла точка зрения проф. Бицилли, также по-своему идеологизированная. О прямом диалоге, конечно, говорить нельзя — черты диалога возникали лишь благодаря общему коммуникативно-рецепционному контексту. Как писал один эмигрантский журнал того времени, «большевики упирают на революционность Пушкина, эмиграция налегает преимущественно на "вечные ценности"»

И в этом смысле текстовое многообразие в год столетия со дня смерти Пушкина представляло собой не серию размеренно критико-информационных текстов, а столкновение точек зрения, противопоставленных и противостоящих друг другу. В болгарском рецепционном пространстве 1937 г. Пушкин стал объектом не столько литературной, сколько идеологической дискуссии.

Перевод с болгарского *И.Н. Смирновой*

РЕЗЮМЕ

РУСКАТА ЕМИГРАЦИЯ И РЕЦЕПЦИЯ НА РУСКАТА ЛИТЕРАТУРА В БЪЛГАРИЯ

В статията се разглеждат особеностите на отпразнуването на Пушкиновия юбилей в България през 1939 г. Авторът отбелязва, че рецепцията на руската литература в страната традиционно се третира единствено като *преводна* рецепция. При това през по-голямата част от XX в. тълкуването ѝ е прекалено идеологизирано. Промените започват чак през 90-те години на XX — първите десетилетия на XXI в. Привличат се много нови, забранени дотогава литературни материали и, в частност, тези, които са свързани с дейността в България на «бялата» руска емиграция. Сред руските емигранти има много писатели, поети и учени. Към последните се отнася литературоведът Константин Мочулски, назначен за редовен доцент по литературна история в Софийския университет. Именно на него и на редица други руски емигранти (П. Бицили и М. Попруженко) принадлежи заслугата на обективното представяне и тълкуване на Пушкиновото литературно наследство. По същината си то е «класическо» и непряко опонира на натрапената официална гледна точка, че единствено в Съветска Русия творчеството на Пушкин е било правилно разбрано и тълкувано.

РАДОСЛАВА ИЛЧЕВА (София) DOI: 10.31168/0427-5.15

ПОСЛЕ «ТИХОГО ДОНА». ГЕРОИ М.А. ШОЛОХОВА В БОЛГАРИИ

«Тихий Дон» М.А. Шолохова — ярчайшее произведение русской прозы XX в., запечатлевшее с масштабностью документальной киноленты переломное для казачества десятилетие (1912–1922); произведение, представлявшую сложную эмоциональную панораму периода своего создания (1925–1940). Вековая дистанция между описанными в нем событиями и нашим временем заставляет по-новому взглянуть на этот великий, по справедливому замечанию Ф.Ф. Кузнецова, роман, выявить его подчас неожиданную для современного читателя актуальность.

Вместе с тем восприятие шолоховского эпоса во многом затруднено обилием сформировавшихся в течение нескольких десятилетий стереотипов и навязывавшихся в первую очередь официозным прочтением текста. Именно это прочтение, в котором герои были четко разделены на положительных и отрицательных, черных и белых, или, если использовать цвета политического спектра эпохи, — на белых и красных, в большой степени заслонило ту самую «святую правду» произведения, о которой свыше полувека назад упомянул один из его персонажей.

«Тихий Дон» на протяжении многих лет неизменно находился в центре внимания российских и зарубежных литературоведов, и простой перечень важнейших статей о нем которых занял бы не одну страницу. Роман и по сей день продолжает ставить перед литературоведением и читателями вопросы, на которые в большинстве случаев невозможно от-

ветить однозначно. Произведение уникально многими своими особенностями. Одной из них представляется *построманная судьба* его героев, иными словами, их жизнь за пределами художественного текста и, в частности, за рамками времени действия романа.

Место и функции исторического персонажа на страницах художественного текста — предмет особого разговора. Ввиду ограниченного объема статьи отметим только, что историческая личная судьба персонажа обычно становится героем произведения и предстает в романе уже оцененной потомками и Историей. Введение такого персонажа к тому же позволяет тексту претендовать на достоверность описываемых в нем событий. Классический пример тому — роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир».

Не так обстоит дело с эпическим полотном М.А. Шолохова: некоторые из действующих в нем около 250 реальных исторических лиц продолжали жить не только во время написания произведения, но и после его завершения в 1940 г. Для нас особый интерес представляют те из них, чья судьба оказалась связанной с Болгарией.

Многие из непосредственных участников, описанных в «Тихом Доне» общественно-политических катаклизмов в России рубежа 10-х и 20-х гг. XX в. прибыли в Болгарию в конце 1921 г. в составе Русской армии ген. П.Н. Врангеля. За прошедший после Крымской эвакуации (ноябрь 1920 г.) год они успели отведать горечь поражения, тяготы изгнания; пройти через испытания Галлиполи, Чаталджой, Лемносом. Как и следует ожидать, персонажи «Тихого Дона» были преимущественно уроженцами Донского края и, в своем большинстве, оказались в нашей стране в составе Донского корпуса Русской армии под командованием ген. Ф.Ф. Абрамова[1].

[1] Отметим, что казачье присутствие в наших землях датируется XVIII в. и связывается с первыми казаками-эмигрантами — так называемыми некрасовцами, переехавшими во главе с атаманом Игнатом Некрасовым с Дона через Кубань в Турцию после разгрома восстания Кондратия Булавина (1708). Некрасовцы поступили на службу к турецкому султану, который дал им привилегии и выделил для заселе-

Они были в числе тех примерно 100 тысяч казаков, которые в результате трагедии Гражданской войны покинули родную землю. Многие из них (по некоторым данным, от 30 до 50 тысяч) в течение года вернулись на Родину и, как можно предположить, в той или иной степени стали жертвами репрессий. Другие выбрали тяжелый путь изгнания.

Для многих казаков-эмигрантов Болгария стала второй родиной. Православие, близкий славянский язык, схожие климат и уклад жизни и, что очень важно, благодарная память болгар об Освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг. стали факторами, благоприятствовавшими культурному диалогу и адаптации казаков в инонациональной среде. В нашей стране в эмиграции проживало больше всего донцов[2], меньше кубанцев, терцев, астраханцев и калмыков. По месту жительства они объединялись в станицы[3], стараясь сохранить на чужбине вековые традиции, культуру и самобытность.

ния земли на территории нынешней северо-восточной Болгарии, где и по сей день проживают их потомки.

Казаки, составлявшие ударную армейскую силу Российской империи, были знакомы болгарам и по русско-турецким войнам XIX в. Недаром в одной из песен времен Апрельского восстания (1876) поется, что жители г. Клисура стали москвичами, а жители г. Панагюрище — донскими казаками (срв.: «Пустите клисурци станали московци, / а панагюрци — донски казаци»). Таким образом, донские казаки в народном восприятии были олицетворением всех казачьих войск, всего казачества.

Что касается казачьей эмиграции XX в. в Болгарию, то она началась в 1920 г., еще до массового исхода остатков Белой армии из России.

[2] В ноябре 1921 г. донские казаки составляли большинство русских беженцев в Болгарии. См.: Болгарскому народу // Казачье слово. № 1. 23 ноября 1921. С. 1.

[3] В эмиграции станицы были не административно-территориальными единицами, а своего рода землячествами и даже политическими группировками (например, т.наз. вольно-казачьи станицы в 30-е гг.). Атаманом Первой казачьей станицы в Болгарии (г. Габрово, 1920 г.) был генерал П.Х. Попов, а атаманом Первой Донской станицы (с. Долна-Оряховица, 1921 г.) — А.И. Бояринов. Позже возникли Бургасская, Софийская, Усть-Ломская (в г. Лом) и др. станицы.

Какие из этих эмигрантов выведены на страницах «Тихого Дона»? На этот вопрос мы постараемся ответить в настоящей статье.

Первым шолоховским персонажем, эмигрантский маршрут которого был связан с Болгарией, очевидно, следует считать пожизненного походного атамана Всевеликого Войска Донского (ВВД), генерала от кавалерии Генерального штаба **Петра Харитоновича Попова**. Этот «осанистый, пожилой» генерал в 1918 г. командовал отрядом, насчитывавшим около 1600 сабель, при 5 орудиях и 40 пулеметах (т. 2, с. 295)[4]. В сцене, которая по информативной насыщенности сравнима с кадрами кинохроники, Шолохов показывает спор Попова с Корниловым и его отказ присоединиться к Добровольческой армии для похода на Кубань. Словно воображаемой камерой писатель фиксирует «спокойную уверенность» Попова и крупным планом показывает его «мясистую белую руку с золотым кольцом, всосавшимся в мякоть указательного пальца» (т. 2, с. 297).

П.Х. Попов (1867–1960) приехал в нашу страну в 1920 г. в качестве представителя казачества в Болгарии. Тогда же он организовал в г. Габрово первую донскую станицу на чужбине. В 1924 г. уехал во Францию, а в 1928 г. — в США, где был разнорабочим (работал на ферме, поваром и т.п.). В середине 30-х гг. вместе с М.Н. Граббе был претендентом на пост донского войскового атамана и получил поддержку казаков-националистов. В 1938 г. переехал в Прагу, а в следующем году был арестован германскими властями за отказ участвовать в формировании казачьих частей в составе Вермахта. Вскоре после этого он был освобожден, но ему запрещалось заниматься какой-либо общественной деятельностью. В 1946 г. он снова уехал в Северную Америку, где дважды переизбирался донским атаманом. Попов предпринимал неудачные попытки создать зарубежное донское правительство, собирал материалы по истории казачьей эмиграции. Генерал-бессребреник, как его называют авторы «Казачьего словаря-справочника», умер в преклонном возрасте в Нью-Йорке. Причиной смерти стало

[4] Все ссылки даются по: *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1980. [В скобках указываем номер тома и страниц. — *РИ.*]

сожжение администрацией старческого дома, где он проживал, его рукописей[5].

Прием акцента на значимой детали или жесте использован и при описании донского войскового атамана генерал-лейтенанта **Африкана Петровича Богаевского**. В мае 1918 г. во время совещания представителей донского правительства и Добровольческой армии Богаевский не спускает с генерала Алексеева «влажных миндалевидных глаз» (т. 3, с. 44) и нервически крутит «выхоленный в стрелку ус» (т. 3, с. 45). Изображаемый Шолоховым Богаевский как будто срисован с широко распространенной в казачьих эмигрантских изданиях 20-х — 30-х гг. фотографии атамана, где в первую очередь на зрителя производят впечатление его глаза и усы. Шолохов намекнул в своем произведении и на длившееся годами противостояние Богаевского и другого очень популярного казачьего атамана — П.Н. Краснова: в пространстве романа Богаевский появляется впервые на заседании Войскового круга как соперник Краснова на выборах войскового атамана. Писатель предугадал также и многолетнее балансирование Богаевского в эмиграции между идеей казачьей обособленности и деникинской идеей единой и неделимой России: в романе приверженцы Краснова распускают слухи, что у Богаевского «с Деникиным одна чашка-ложка» (т. 3, с. 18).

Воспитанник наиболее престижной в дореволюционной России военной академии — Николаевской академии Генерального штаба, участник Первой мировой и Гражданской войн, Первого Кубанского (Ледяного) похода ген. Корнилова, А.П. Богаевский (1872/3–1934) был последним атаманом ВВД, избранным на родной земле. В январе 1921 г. в Константинополе он стал инициатором учреждения Объединенного совета Дона, Кубани и Терека (ОСДКТ) — общеказачьего правительства в изгнании. С ноября 1921 до октября 1922 г.

[5] См.: Казачий словарь-справочник. Т. 2 // Сост. *Г.В. Губарев*; Ред. *А.И. Скрылов*. Сан-Ансельмо (Калифорния), 1968. URL: http://www.cossackdom.com/enciclopedic/p.htm (Дата обращения: 01.08.2013); Попов Петр Харитонович. URL: http://ru.wikipedia.org (Дата обращения: 13.03.2014)

атаман проживал в Болгарии. Сторонник консолидации всего казачества на чужбине даже после реэмиграции в Югославию и Францию, Богаевский активно присутствует на страницах изданий ОСДКТ у нас — газет «Казачье слово» (1921–1922) и «Казачьи думы» (1922–1924). Там он выступает в роли батьки-атамана, который неустанно заботится о своих подопечных,[6] и регулярно публикует в специальной рубрике «От Донского атамана» письма к донцам, где даже сугубо организационные вопросы подаются эмоционально, с большой дозой патетики. Часто в казачьей прессе тех лет цитируется характеристика, данная атаманом Ленину: последний назван им величайшим злодеем в истории человечества[7].

Если при описании Богаевского Шолохов заостряет внимание читателей на детали, то портрет другого исторического персонажа — известного военачальника Добровольческой, а затем и Русской армии **Александра Павловича Кутепова** дан крупными мазками: «широколобое, бычье лицо с широко посаженными черными глазами и подстриженной лопатистой бородкой» (т. 2, с. 292). В этой предельно краткой зарисовке весь характер Кутепова — ум (широколобый), упорство и упрямство (бычье лицо), наблюдательность, умение вникать в обстановку (широко посаженные глаза), пунктуальность, доходящая до жестокости (подстриженная лопатистая бородка).

---

[6] Св.: «Поделитесь, Донцы, через меня с полной откровенностью своим, может быть, иногда и горьким опытом со своими братьями казаками: ведь учиться никогда не поздно и можно научиться не только на хороших примерах, но и на ошибках» (*Богаевский А.П.* Письмо донцам № 12. София. 12. II. 1922 // Казачьи думы. № 1. 26 февраля 1922. С. 2: орфография оригинала сохранена).

[7] Ср.: «Великие истребители человечества — Атилла, Чингиз-хан, Тамерлан, — все это дети в сравнении с этим сумасшедшим теоретиком, который сумел убить при помощи вызванной им гражданской войны, кровавой деятельности чека и страшного голода, как результата управления советской власти, — до 25 миллионов русского населения; уничтожить все богатства России, накопленные веками, и унизить русское имя до того, что с ним перестали считаться даже самые мелкие государства...» (*Богаевский, А.П.* Письмо донцам. № 34 // Казачьи думы. № 203. 22 февраля 1924. С. 1: орфография оригинала сохранена).

Ген. А.П. Кутепов (1882 — после 26 января 1930) — знаковое имя для Белого движения. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, он остался в памяти военной эмиграции как командир Первого армейского корпуса армии ген. Врангеля, сумевший ценой неимоверных усилий превратить в галлиполийском лагере на берегу Дарданелл толпу потерявших надежду беженцев в вымуштрованную и хорошо обученную воинскую единицу. Кутепов жил в Болгарии в 1921–1922 гг. в г. Велико-Тырново, где был расположен штаб корпуса, много ездил по стране с инспекциями отдельных воинских частей. Позже, в связи с обвинениями врангелевских офицеров в заговоре против земледельческого правительства А. Стамболийского его выслали из страны[8]. В 1924 г. он уехал в Париж, где после смерти Великого князя Николая Николаевича возглавил Русский общевоинский союз (РОВС)[9]. 26 января 1930 г. Кутепов был похищен в Париже среди бела дня советской разведкой. Его дальнейшая судьба оставалась загадкой до 1989 г., когда была озвучена версия, что он умер от сердечного приступа на советском пароходе по пути из Марселя в Новороссийск. По другим сведениям, смерть Кутепова наступила еще в Париже, непосредственно после его похищения, а его тело было уничтожено похитителями на территории советского посольства[10].

Трагической была судьба и другого персонажа «Тихого Дона» — генерала лейб-гвардейского Атаманского полка **Александра Степановича Секретева**, которого во время Верхнедонского (Вешенского) восстания вешенцы встречали

[8] В мае-июне 1922 г. земледельческое правительство выслало из страны 35 генералов во главе с Кутеповым, Вязьмитиновым и Шатиловым и около 60 офицеров. См. более подробно: *Спасов Л.* България и СССР. 1917–1944. (Политико-дипломатически отношения). Велико Търново: Фабер. 2008. С. 84–100.

[9] РОВС был создан по инициативе ген. Врангеля 1 сентября 1924 г. и, по сути дела, переводил выведенную из Крыма Русскую армию на полувоенное положение: армейские структуры были трансформированы в своеобразное воинское братство.

[10] *Кравчинский М.Э.* Русская песня в изгнании. Изд. 2-е, перераб. и доп. Нижний Новгород: ДЕКОМ. С. 42–43.

хлебом-солью и колокольным звоном. «Высокий, статный» командир, прорвавшейся к повстанцам на помощь конной группе Донской армии показан в своей агрессивной, сродни алкогольному делирию, неуверенности. Одурманенный жарой и самогоном, ослабевший генерал споткнулся и упал ничком на горячий песок. Присутствующие при этом «почтительнейше приподняли генерала, которого тут же всенародно стошнило. Но в перерывах между приступами рвоты он еще пытался что-то выкрикивать, воинственно потрясая кулаками». Его речь, произнесенная на банкете, «была исполнена пьяного бахвальства и в конце содержала недвусмысленные упреки и угрозы по адресу верхнедонцев». Внимательный к знаковым и значащим деталям, Шолохов за ограниченное время присутствия в романе этого персонажа успел упомянуть и его любовь к лошадям: «исконный казак, уроженец одного из хуторов Краснокутской станицы — был страстным любителем верховых лошадей, превосходным наездником, лихим кавалерийским генералом» (т. 4, с. 56–57).

В эмиграции А.С. Секретев (1882–1931) проживал в южной Болгарии. Тоска по тихому Дону привела его в пробольшевистскую организацию «Союз возвращения на Родину» (Совнарод). Он подписал обращение «К войскам Белой армии» с призывом к белоэмигрантам возвращаться в Советскую Россию. За это Секретев был исключен из списков всех казачьих частей, а Лейб-гвардейский Атаманский полк лишил его права носить полковую форму. Генерал не строил иллюзий по поводу своей дальнейшей судьбы: однажды, в Калединско-Назаревском полку, куда его привезли в агитационных целях деятели Совнарода, крепко выпив, он сказал казакам: «Все вы меня знаете, вместе воевали, вместе и домой поедем, вместе нас там и повесят. А мы все-таки поедем»[11].

В январе 1923 г., через несколько месяцев после того, как заканчивается действие шолоховского романа, Секретев вернулся в СССР. Согласно версии «Казачьего словаря-справоч-

[11] См.: Казачий словарь-справочник. Т. 3. Сост. Г.В. Губарев; ред. – издатель А.И. Скрылов. Сан-Ансельмо, Калифорния. URL: http://www.cossackdom.com/enciclopedic/k.htm (Дата обращения: 01.08.2013).

ника», он получил должность инструктора верховой езды при Новочеркасской школе красных курсантов, но вскоре умер. По другим сведениям, генерал окончил свои дни в станице Нижне-Чирской, где был сторожем на бахчах[12]. Его имя промелькнуло на страницах выходившего в г. Стара-Загора информационного листка Донского корпуса как предостережение казакам, поддавшимся агитации Совнарода: «В станицу приехал А.С. Секретев и живет в доме Л. (тюрьма). Страшно бедствует, но помочь ему никто не может»[13]. По данным Википедии, по возвращении в СССР Секретев первоначально проживал в Москве и работал инструктором кавалерийских курсов в Высшей пограничной школе ОГПУ. После расформирования школы был демобилизован и служил инструктором верховой езды при Новочеркасской школе красных курсантов. В 1930 г. был арестован по обвинению в принадлежности к так называемой казачьей контрреволюционной организации «Казачий блок», в 1931 г. его расстреляли, а в 1989 г. реабилитировали.[14]

Наиболее интересное историческое лицо в «Тихом Доне» — как с точки зрения романного поведения, так и ввиду его дальнейшей судьбы, это **Павел Назарович Кудинов** (1891–1967). Как руководитель Верхнедонского (Вешенского) восстания против советской власти в 1919 г. он одна из центральных фигур третьей книги романа.

В отличие от вышеперечисленных исторических личностей Кудинов выведен в романе только с помощью портретной характеристики (лицо Кутепова), посредством выхваченной как бы кинокамерой детали внешности (ус Богачевского, кольцо на указательном пальце Попова) или изображения поведения (пьянство Секретева). Шолохов наделил Кудинова полнокровным бытием художественного персонажа. С одной стороны, он выразитель реакции казачьих масс на красный террор, иначе говоря, эмблематичный для реализма «типичный герой в типичных обстоятельствах». Это обстоятельство

[12] Там же.

[13] Донской осведомительный листок. 1923. № 177. С. 2.

[14] Секретев Александр Степанович. URL: http://ru.wikipedia.org (дата обращения: 01.08.2013).

объясняет, почему долгие годы литературоведы считали Кудинова собирательным образом. С другой стороны, он индивидуализирован, будучи наделен целым комплексом характеристик, которые придают его образу пластичность. Более того, эти характеристики раздвигают рамки, заданные конкретными реальными событиями, обеспечивая этому историческому персонажу свободу действия в пространстве романа, в результате превращают его в литературного героя.

Фамилия «Кудинов» впервые появляется в конце 9-й главы пятой части второй книги (т. 2, с. 231) среди фамилий представителей Военно-революционного комитета во главе с Подтелковым, делегированных в Новочеркасск на встречу с донским правительством. Нигде в романе мы не нашли подтверждения идентичности Кудинова — представителя Военно-революционного комитета и Кудинова — руководителя Верхнедонского восстания. Факт из биографии П.Н. Кудинова, что в 1918 г. он был начальником пулеметной команды 1-го Вешенского конного полка Донской армии[15], свидетельствует о том, что в указанном тексте был упомянут однофамилец.

Шолохов вводит этого героя посредством предельно сжатой и вместе с тем предельно точной характеристикой: «Суярова на должности командующего объединенными повстанческими силами сменил молодой — двадцативосьмилетний — хорунжий Кудинов Павел, георгиевский кавалер всех четырех степеней, краснобай и умница. Отличался он слабохарактерностью, и не ему бы править мятежным округом в такое буревое время, но тянулись к нему казаки за простоту и обходительность. А главное, глубоко уходил корнями Кудинов в толщу казачества, откуда шел родом, и был лишен высокомерия и офицерской заносчивости, обычно свойственной выскочкам. Он всегда скромно одевался, носил длинные, в кружок подрезанные волосы, был сутуловат и скороговорист. Сухощавое длинноносое лицо его казалось мужиковатым, не отличимым ничем» (т. 3, с. 209–210).

Кудинов — литературный герой в произведении показан в разных ситуациях (разговоры с Григорием Мелеховым,

[15] Кудинов Павел Назарьевич. URL: http://ru.wikipedia.org (дата обращения: 20.05.2013).

с полковником-кавказцем Георгидзе, с казаками; реакция на освобождение Мелеховым из тюрьмы родственников красноармейцев, совещания в штабе повстанцев), раскрывающих отдельные присущие только ему черты характера. Он индивидуализирован не только при помощи поступков, но и речи — устной[16] и письменной[17]. Любопытно, однако, то, что Шолохов, не зная лично изображенного им исторического лица, настолько умело выявил индивидуализирующие его качества, что казаки-эмигранты спрашивали Кудинова: «Скажите, Павел Назарович, не припомните, кем он у вас служил в штабе, энтот Шолохов, что так досконально всё мыслию превзошел и изобразил»[18]. Кудинов объяснял это талантом: «Такое ему от Бога дано видение человеческих сердец и талант!»[19] Ф. Кузнецов в своей монографии «

"Тихий Дон": судьба и правда великого романа» дал по существу ответ на этот вопрос: писатель хорошо знал важнейших участников Верхнедонского восстания и черпал сведения о нем и о его руководителе из первых рук.

И эмигрантская судьба Павла Кудинова достойна, как говорится, романа. В Болгарии он проживал в Софии, Сливене, селе Князь-Александрово (ныне г. Димово), в городах Ивайловград, Добрич, Фердинанд (позже Михайловград, ныне Монтана). Сторонник идеи самодостаточности Донского края, относящийся с подозрением и к красным комиссарам, и к белым «зо-

[16] Ср.: «Ум хорошо, а два еще хуже.» (Т. 3. С. 245).

[17] Ср.: «Ежели наших местных коммунистов сердобцы выдадут — гони их под усиленным конвоем в Вешки, тоже по хуторам. Но сначала пропусти сердобцев. В конвой поручи отобрать самых надежных казаков (полютей да стариковатых), пускай они их гонют и народу широко заранее оповещают. Нам об них и руки поганить нечего, их бабы кольями побьют, ежели дело умело и с умом поставить. Понял? Нам эта политика выгодней: расстреляй их — слух дойдет и до красных, — мол, пленных расстреливают: а эдак проще, народ на них натравить, гнев людской спустить, как цепного кобеля. Самосуд — и все. Ни спроса, ни ответа!» (Т. 3. С. 313–314).

[18] Цит. по: *Кузнецов Ф.Ф.* «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005. С. 256. URL: http://feb-web.ru/feb/sholokh/critics/ksp/ksp-001b.htm?cmd=0 (дата обращения 26.04.2013).

[19] Там же.

лотопогонникам», в 1930-е гг. он был активным сотрудником казачьих националистических изданий, председателем Союза казаков-националистов в Болгарии. Будучи смещенным с поста председателя в конце 1936 г., стал причиной приостановления издания органа Союза журнала «Казакия»[20] и уже в следующем году начал издавать свой собственный журнал «Вольный Дон» (1937–1938).

В политической деятельности шолоховского героя на территории нашей страны много неясного, а то и двусмысленного. С одной стороны, Кудинов нападает на журнал «Казакия» за получение им денег на издание от давнишнего врага казачества Польши[21]. А с другой стороны, и сам выпускает

[20] Ср.: «Настоящий номер выходит с опозданием. Причиной такого запоздания послужило следующее печальное обстоятельство: Формальным издателем журнала в Болгарии до сих пор являлось Правление Союза Казаков Националистов в Софии. После перевыборов, произошедших в составе ЦП в результате решения с'езда от 25–26 декабря 1936 года, Председатель Союза Казаков — Националистов П.Н. Кудинов, в порядке мести за отстранение его с поста Председателя ЦП. предпринял шаги к закрытию журнала "Казакия". С этой целью он, без ведома и согласия других членов Правления Союза, возбудил перед Болгарским Министерством ходатайство о разрешении ему издавать новый журнал "Вольный Дон", взамен "Казакии". Министерство, введенное в заблуждение, удовлетворило это ходатайство. Издателю журнала "Казакия", как представителю ЦП., пришлось потратить и время и энергию на аннулирование этого акта Кудинова и на процедуру восстановления "Казакии". Приходится от души скорбеть по поводу того, что люди, казавшиеся патриотами и идейными деятелями, так слепо подчиняются личным чувствам и мотивам, что за ними перестают видеть интерес общего дела и различать полезное от вредного». — От издательства журнала "Казакия" // Казакия. № 1–2 (19–20). 1937; орфография оригинала сохранена.

[21] Ср.: «...соседи, убаюкивая Казачество дружбой, родством, созданием единого фронта для борьбы против общего поработителя — Москвы, в то же время в стенах Варшавского и Парижского прометеев выкраивают свои государственно-политические карты, из под угла „по хунхузски", размахивают кривыми азиатскими ятаганами, и волнообразными мечами, чтобы рассеч казачьи земли и при удобном случае как добычу завоевателей, разделить их между собою» (Вольный Дон. Ноябрь 1937. № 1. С. 15; орфография оригинала сохранена).

журнал «Вольный Дон», в котором всё русское и тем более советское поносят самым примитивным образом. И делалось это на деньги из СССР, выступавшего ярым врагом исконной казачьей вольности[22]. Критикуя издания казаков-националистов, Кудинов сознательно, по собственному признанию, в дальнейшем способствовал реализации советского плана по разъединению русской эмиграции через разжигание в ней националистических тенденций[23]. Эти действия Кудинова вызвали в Болгарии возмущение казачьих организаций. Он и его последователи были объявлены большевистскими агентами. В конце 1938 г. с трибуны состоявшегося 4 декабря в Софии съезда представителей донских казаков, проживающих в Болгарии, Кудинова публично назвали предателем и выдвинули

[22] Сам Кудинов указывает, что получил от секретаря советского посольства в Болгарии Яковлева 15 тысяч левов на издание журнала «Вольный Дон»; см. *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 229.

[23] См. более подробно: *Кьосева Ц.* България и руската емиграция. (20-те — 50-те години на XX в.). София, 2002. С. 183, 190.

В направленной в 1954 г. в Президиум Верховного Совета СССР «Просьбе о помиловании» Кудинов писал: «В Посольстве я был принят атташе по печати Яковлевым. Кроме разговоров, относящихся к письму Епихиной, секретарь Яковлев затронул вопросы политического характера, которые относились к возможности, с моей стороны, сотрудничества во благо Советского Союза. Предложение мною было принято, но с условием: о Болгарии ни слова! Яковлев высказывал мысль об издательстве газеты, направленной против поляк[ов] и эмигрантских антисоветских организаций. С таким предложением я не согласился, так как издательство подобной газеты приведет к разгрому — это первое, а второе — нужны сотрудники, а их не найти и эта затея будет просто смята. Самый верный способ, — предложил я, — издавать журнал, не меняя сотрудников, тех же казаков. Содержание журнала должно быть направ[лено] против поляк[ов], РОВса и казачьих организаций, с конечной целью расколоть их единство, и, в то же время, прикрыться статьями антисоветского характера. Название журнала, — сказал я, — "Вольный Дон", это для того, чтобы избежать всяких подозрений соответствующего органа. Со всеми моими доводами Яковлев согласился. Кроме того, было уговорено, чтобы письма писать всем руководителям различных организаций, для нужных целей. После разговоров и окончательной договоренности, сотрудничество приняло живой характер» — Цит. по: *Кузнецов, Ф.Ф.* Указ. соч. С. 229.

предложение лишить его звания донского казака, «дабы другим укрывающимся предателям было неповадно»[24]

После разоблачения Кудинова болгарской полицией как сотрудника советской разведки, его судили и с рядом других русских эмигрантов выслали из страны. Некоторое время он проживал в Румынии и в Турции. В Болгарию он вернулся накануне Второй мировой войны. Осенью 1944 г. его арестовали органы военной контрразведки (СМЕРШ) III Украинского фронта. Позже Кудинова отправили в СССР, где как руководителя Верхнедонского восстания приговорили по статьям 58–4 и 58–11 УК РСФСР к 10 годам лагерей[25]. По его собственным рассказам, Военный трибунал не нашел в его действиях никакой вины, но по личному приказу Сталина и Берии он был отправлен в ГУЛАГ. А там за балагурство получил кличку... «Хрущев». После освобождения Кудинов поехал на Дон, побывал в Вешенской, где безуспешно пытался встретиться с Шолоховым. Не получив советского паспорта, он вернулся в Болгарию, где вместе с женой бедствовал в Михайловграде, работал в ТКЗС[26]. В октябре 1967 г. его сбил поезд в районе г. Видин, и через несколько дней он умер в видинской больнице в возрасте 76 лет. Похоронили его в г. Димово[27].

---

[24] См.: Казаки за границей. Донской атаман ген.-лейт., граф Граббе в Болгарии 17 октября — 15 ноября 1938 г. С. 42.

[25] См. *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 829.

[26] Трудово кооперативно земеделско стопанство (трудовое кооперативное земледельческое хозяйство) — болгарский аналог советских колхозов.

[27] *Ставрева В.* Влак убива край Видин герой на Шолохов. URL: http://www.24chasa.bg/Article.asp? ArticleId=1514200 (дата обращения 24.08.2012).

В заметке «Памяти полковника П.Н. Кудинова», опубликованной в издании Казачьего союза во Франции, читаем: «Последние годы П.Н. Кудинов сильно бедствовал, здоровье его было подорвано, пенсию он не получал, право работать было сильно ограничено. После него осталась вдова, тоже преклонного возраста, также бедствующая, обратившаяся с просьбой помочь ей поставить крест на могиле покойного донского казака полковника П.Н. Кудинова, верно служившего своей Родине. Сама она сильно нуждается и не может этого сделать. Просила помочь и ей. Будем надеяться, что русские люди и в первую очередь донские казаки это сделают» (Родимый край. Январь-февраль 1968. № 74. С. 40).

Несмотря на негативное отношение ко многим поступкам Кудинова, исследователи не считают его политическим авантюристом — он видится ими как постоянно ищущий и не находящий своего берега человек, попавший в водоворот политических событий первой половины XX в. Сам по себе он даже довольно привлекателен. Именно исследовательская симпатия, скорее всего, заставляла некоторых авторов времен издания «Вольного Дона» изображать Кудинова русофилом[28]. Трудно поверить поздним объяснениям Кудинова, что статьи антисоветского характера служили прикрытием его сотрудничества с советским посольством. На самом деле многие материалы журнала внедряли в сознание не очень грамотных и не особо критически настроенных читателей (едва ли догадывавшихся о просоветских целях издателя) пещерную русофобию и антисоветские настроения. Не было видно в ней конца и края нападкам на «богоносную, сиволапую Русь» с ее «русским духом» и с «модной» обувью — лапоточками. Не прекращалось иронизирование по поводу исконной «русской идеи» о том, как Ванюшка-дурачок по-щучьему веленью, по-русскому хотенью превращается в красавца, умника и богача Ивана-царевича[29]. И хотя временами русофобия «Вольного

[28] Ср.: «Кудинов на следствии не скрывал, что его журнал «Вольный Дон» ведет ударную политическую линию против тех держав, которые готовят вооруженную экспансию против России» (*Разогреева Л.П.* Коротко из биографии Кудинова. URL: http://molodidov-cossacks.com/?p=8457, дата обращения 20.10.2011).

[29] Цитата из: *САМ.* Забытый шлях // Вольный Дон. 1938. № 3. С. 4. Как яростный русофоб проявил себя активный сотрудник журнала П.Ф. Крюков, приемный сын известного донского писателя Ф.Д. Крюкова, которого антишолоховеды стараются представить настоящим автором «Тихого Дона». В интерпретации П. Крюкова русские — «богоносные лапотники», они — трусливые зайцы, рабы варягов и грузин, им нужны юбки, кофты, пяльцы, да с "плетью" дядя — господин» (Донской Баян. Настанет час // Вольный Дон. Май 1938. № 3. С. 8). Попутно отметим, что нигде среди опубликованных в «Вольном Доне» материалов П.Ф. Крюкова мы не нашли ни выпадов против М.А. Шолохова и его романа, ни оспаривания авторства.

К крюковской патетике присоединяется, хотя и не столь рьяно, и Кудинов: «в войска Золотой Орды казаки давали легкую кавале-

Дона» выглядит позерством ради привлечения к себе общественного внимания посредством скандала и провокации, журнал никак нельзя причислить к русофильским или просоветским.

Можно поспорить и о прогрессивности издаваемого Кудиновым журнала[30]. Русофобия обесцвечивала пеструю политическую палитру, подводя под общий знаменатель всех русских. По поводу гибели кубанского казака Тихона Черняевского от рук русских монархистов на Дальнем Востоке Н. Ковган отмечал, что казаки гибнут под ударами «коммунистического кнута и палки» в СССР и «под такими же ударами русских православных людей» на Дальнем Востоке. Он спрашивает: какая разница? И сам себе отвечает: «Русские белые и красные — одно и то же, только в разных красках и под разными названиями»[31]. Проводится и идея, что раньше казаки были брошены на произвол судьбы русским генералом Деникиным на Черноморском побережье, а теперь Донская казачья земля

рию, болгары — купцов и мореходов, мордвины и черемисы — пехотинцев-стрелков. Московский люд и его ополчение, как никудышное войско, в состав монгольских армий не принимали и они выкупались, уплачивая, "ясак" — налог» (*Кудинов П.* Казашката народност и нейната държава // Вольный Дон. Ноябрь 1937. № 1. С. 17; перевод с болгарского языка мой. — *Р.И.*). В другой статье «Казаци и българи», очевидно тоже предназначенной сочувствующим казачьей национальной идее болгарским читателям, Кудинов приравнивает жизнь порабощенных казаков под московским рабством к жизни болгар под турецким игом (Вольный Дон. Январь и февраль 1938. № 2. С. 17).

[30] Ср.: «За деятельность по разложению русской и казацкой эмиграции в Софии, за коммунистическую агитацию и издание прогрессивного журнала высылался из страны Павел Назарович Кудинов» (*Аблова Р.Т.* Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). М.: Высшая школа, 1973. С. 321).

На наш взгляд, к рассказу самого Кудинова о сотрудничестве с советским посольством во второй половине 30-х гг. следует относиться критически.

[31] *Ковган Н.* Не могу молчать // Вольный Дон. 1937. № 1. С. 24.

задыхается под неслыханно варварским управлением и насилием русских оккупантов[32].

Особого внимания заслуживает журналистский стиль самого Кудинова с его вычурной патетикой, желанием казаться оригинальным, даже с его орфографическими ошибками. Это и декларация нежелания казаков-националистов в Болгарии быть «акционерами интриг», и отсылка к «резервуару седой истории», и обвинения оппонентов в том, что они увязли «в азарте вульгарного партизанского криминализма», и предостережение «не засорять страницы журналов, которые будут вечными свидетелями и судьями наших дел», и призыв: «Станичники! Ваш долг своею жертвенностью поддержать издание жур. "В.-Дон". Не забывайте родину, зарывшись в обывательщину!»[33] Отметим также, что при необходимости публицист становился и поэтом[34].

Сегодня мы знаем многое о Кудинове благодаря не только произведению Шолохова и эмигрантской периодике, но и целому ряду исследователей, среди которых в первую очередь следует выделить Ф.Ф. Кузнецова, и в частности четвертую главу его упомянутой монографии «Тихий Дон: судьба и правда великого романа» (М., 2005). Она названа чрезвычайно точно: «Голгофа Павла Кудинова». Кузнецов строит свои наблюдения и выводы на обширном и разностороннем документальном материале. Особое место в нем занимают воспоминания литератора и краеведа, в прошлом офицера внутренних войск Г.Ю. Набойщикова, который лично знал Кудинова по ГУЛАГу и в первой половине 1960-х гг. переписывался с ним. Магнитофонная запись этих воспоминаний — «Мои встречи и переписка с П.Н. Кудиновым», сделанная в свое время А. Зименковым, опубликована как приложение в книге Ф.Ф. Кузнецова.

---

[32] *Крюков П.* К донским казакам националистам // Вольный Дон. 1938. № 2. С. 5

[33] Цитаты в кавычках взяты произвольно из первого номера журнала «Вольный Дон».

[34] См.: *Кудинов П.* На сопках Чаталджи // Вольный Дон. 1938. № 2. С. 19.

Для того чтобы полнее обрисовать портрет Кудинова, представляется необходимым привлечь воспоминания еще двоих людей, которые в разное время общались с ним в Болгарии, – Ореста Мальцева и Анастаса Стоянова[35].

Орест Мальцев был работником дивизионной газеты. Его первая и единственная встреча с шолоховским героем произошла осенью 1944 г. при вступлении войск III Украинского фронта в Болгарию. О ней он рассказал в статье «Не улетай, восточный ветер», напечатанной в журнале «Смена» в номере 954 (февраль 1967 г.).

Известный болгарский поэт, публицист и журналист Анастас Стоянов (1931–2004) впервые написал о Кудинове в статье «Ходене по мъките» / («Хождение по мукам»), вышедшей в 1963 г. в журнале «Наша родина»[36]. Тогда из-за политической конъюнктуры о многом пришлось умолчать, многое пришлось приукрасить и даже исказить. Журналист, однако, сохранил свои записки и через 30 лет, в 1993 г., опубликовал на их основе в газете «Монт-прес» серию очерков под названием «Донски казак се къпе в Огоста» («Донской казак купается в реке Огоста»)[37]. Лишь тогда, по его собственным словам, Стоянову удалось поведать «страшную правду об этом необыкновенном человеке»[38].

---

[35] На данный момент мы не располагаем другими рассказами очевидцев о П.Н. Кудинове. Даже разговор с известным краеведом Николой Намеранским не дал результатов. Старшее поколение г. Монтана (Фердинанд — Михайловград) помнит Пелагею Ивановну и знает, что она — жена шолоховского героя. Но не более.

[36] См.: *Стоянов А.* Ходене по мъките // Наша родина. Февруари 1963. № 2 (110). С. 24–25.

[37] См.: *Стоянов А.* Донски казак се къпе в Огоста // Монт-прес. 1993. №№ 35–37; 39–41.

Сердечно благодарю своего коллегу доцента Пламена Антова, в прошлом журналиста газеты «Монт-прес», любезно предоставившего мне ксерокопии очерков А. Стоянова.

Газета «Монт-прес» выходит в г. Монтана, где по возвращении из Сибири проживал П.Н. Кудинов.

[38] Ср.: «Я сомневался, что это время вообще когда-то придет. И сейчас сомневаюсь» (35). Далее в тексте в скобках будем отмечать номер газеты, на который ссылаемся. Перевод с болгарского наш. — *Р.И.*

Эти очерки представляют большую ценность для шолоховедения, и не только потому, что кое-что уточняют, а кое-что – опровергают. Из всех писавших о Кудинове один Стоянов имел возможность многократно встречаться и разговаривать с шолоховским героем. Наделенный наблюдательностью и острым пером, он нарисовал колоритный, запоминающийся образ старого донского казака-эмигранта. Доброжелательное внимание к герою помогло журналисту донести сквозь годы до читательской аудитории его сочный, живой язык; своеобразную манеру изъясняться, вставляя болгарские слова в русскую речь и наоборот.

Впервые Стоянов увидел Кудинова будучи еще ребенком, в начале 1943 г., в своем родном селе Живовцы во время ритуального крещенского купания мужчин на Иванов день (7/20 января) в реке Огосте. Тогда выпивший Кудинов кричал: «Донской казак купается в Огосте», чем привлек пристальное внимание двух офицеров профашистской Болгарии, которые тут же схватили его. От расправы его спасло вмешательство местных жителей, которые подтвердили, что казак этот — не из красных, а из белых русских. Вторая встреча произошла 12 августа 1962 г. в г. Михайловград, где по заданию редакции Стоянов отыскал Кудинова, чтобы написать о нем очерк — тот самый, который выйдет в журнале «Наша родина». Задание было не из легких: старый казак не хотел встречаться с журналистами, не разрешал фотографировать себя, ничего о себе не рассказывал и вообще слыл нелюдимым (№ 35).

Журналисту повезло: в школе ему преподавала русский язык супруга Кудинова — Пелагея Ивановна, которая, узнав своего бывшего ученика, способствовала их знакомству и дальнейшему общению. Стоянов несколько раз гостил у Кудинова, потом были случайные встречи — на вокзале, в поле, у реки, в магазине, возле киоска. В последний раз Стоянов видел издали Кудинова, вывозившего на кляче помои из местных ресторанов.

Небольшого роста, крепкий, с успокоенной временем сединой, с повисшей левой рукой, с голубыми недоверчивыми и немножко злыми глазами (35) — вот таким увидел бывшего руководителя Верхнедонского восстания молодой журналист.

Очерки Стоянова проливают свет на некоторые эпизоды из насыщенной событиями биографии Кудинова. Так, например, они уточняют эмигрантский маршрут героя: после Крымской эвакуации на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» он прибыл в Константинополь, а оттуда — в Галлиполи. Именно в Галлиполи, где размещался Первый армейский корпус ген. Кутепова, а не на Лемнос, где были расквартированы Донской и Кубанский казачьи корпуса. Кудинов рассказал о том, как солдаты переиначили чужой город топоним в «Голое поле» и «красиво и зловеще» прозвали местность Долиной роз и смерти: потому что там цвели розы, а под ними ползали полчища ядовитых змей и скорпионов и кружили облака москитов. В галлиполийском лагере Кудинов якобы встретил знаменитого Александра Вертинского и даже выступал вместе с ним (36). Позже он прибыл в Болгарию, но в 1922 г. был арестован вместе с ген. Абрамовым и выслан из страны. Некоторое время он проживал в Югославии, Германии, Чехии и, наконец, снова приехал в Болгарию, руководствуясь принципом «когда нет большого Добра, человек выбирает меньшее из зол». В Болгарии он жил в Видине, в Ломе и каком-то еще городишке на Дунае, чье название подзабыл, в Димове (тогда Князь-Александрово), где попытался заняться торговлей, но из-за конкуренции со стороны торговцев-евреев был вынужден переехать в Фердинанд (39).

Кудинов предвидел нападение Германии на Советский Союз, хотя все его болгарские знакомые говорили, что у Сталина с Гитлером — одна чашка-ложка. В Великую Отечественную войну, в отличие от многих эмигрантов, поверивших в гитлеровскую пропаганду об освободительной миссии Вермахта в отношении *подсоветского* населения, он всегда был на стороне матушки России. «А кто ее батюшка — Николай Второй и Последний, или Сталин Первый и Вечный — для меня это не имеет значение. Это — Божьи дела, а не Кудинова» — говорил он (40). По его собственным словам, никогда не участвовал ни в каких акциях военного характера, не поощрял и других. Не поддерживал ни Врангеля, ни Власова. Своим казакам говорил: «Ждите, ждите. Наступит день». На вопрос

Стоянова, что будет, когда наступит этот день, «Кудинов медленно достал саблю, взобрался на сундук, вынул ее и, не смущаясь удара в потолок и опавшей штукатурки, громко вскрикнул: "По коням! В атаку! С нами Бог!.."» (37).

В годы антифашистского Сопротивления шолоховский герой помогал болгарским партизанам, делая вид, что не понимает, что находится в торбе, которую переносил, обходя посты военных, взамен чего получал продукты питания: «строил я из себя Иванушку-дурачка». Интересен и его рассказ о знакомстве с казаком-красноармейцем Иваном Мироновичем Фонаревым, бежавшим из немецкого плена и воевавшим в местном партизанском отряде. Сначала оба они видели в другом врага и пытались перерезать друг другу горло. А когда они встретились снова через 20 лет, то обнялись — не было больше желания и силы рубиться. И то, и другое осталось в сибирской тайге: потому что от советских властей белогвардеец получил 10 лет лагерей, а красноармеец — все 20 (39).

Встретив советские войска в Князь-Александрове в конце лета 1944 г., о чем рассказывает в вышеуказанной статье О. Мальцев, в середине октября 1944 г. по собственной инициативе Кудинов пошел в советскую военную комендатуру. Комендант ген. Воронов, порывшись в бумагах и даже не взглянув на казака, сказал: «Убрать его!» В середине декабря 1944 г. Московский военный трибунал оправдал Кудинова, но на следующее утро ему показали документ за подписью Лаврентия Берии с кратким и ясным приказом: осуждается на вечную каторгу (40). Выцветшие фотографии времен сибирских лагерей запечатлели не «один день Ивана Денисовича», а «один сибирский день Павла Назаровича, день длиною в 10 лет». За эти десять лет он много раз писал жене, но не получил ответа. А потом в Москве некое высокопоставленное лицо показало ему две пачки писем — его к жене и жены к нему. В Москве же отсоветовали ему ехать в Вешенскую: «Казаки там зарубят вас прямо на вокзале». Но он все-таки поехал. Нашел церквушку и старого батюшку в живых. «И молились мы с батюшкой ночь напролет, и жаловались друг другу, и плакали, и справили панихиду по переселившимся по ту сторону». А потом батюшка

ему сказал: «Утро не должно тебя застать здесь. Беги, пока еще не рассвело. Помнишь Ермакова? На моих глазах его зарубили здесь, прямо во дворике, по кускам его собирал... А и к кому ты пойдешь? Сам понял из моих молитв — никто из твоих в живых не остался» (40).

Так после Сибири вернулся Кудинов в Болгарию в старый городишко с новым именем[39], стал работать в местном колхозе. Мечты вернуться на родную землю, в том числе и при помощи Шолохова, таяли с каждым годом, а тоска по родине заполняла всё его существо. Стоянову он говорил: «Днем купаюсь в Огосте, ночью в нашем тихом Доне захлебываюсь. Утопаю, до самого его дна пропадаю. И нету там для меня глотка воздуха, не проблескивает крупинки света» (40).

В рассказах Кудинова можно найти сведения о врангелевском заговоре (36), репатриации (39), участии белогвардейцев в подавлении коммунистического Сентябрьского восстания 1923 г. и в связи с этим об отрицательном отношении к ним местных жителей, для которых слово «белогвардеец» превратилось в «черногвардеец» (39). Писал он и о терском казаке Иване Томаревском — «кобзаре казачества» (37) и т.д.

Сильное впечатление на Стоянова произвело содержимое сундуков старого казака — георгиевский крест за храбрость, завернутый в красную салфетку с вышивкой, казачья военная форма — постиранная и выглаженная, фуражка, шашка, плеть, кожаные ремни — всё прибранное, чистое, как будто не тронутое. Видел он и архив Ивана Томаревского, который позже был изъят, по словам Кудинова, советскими спецслужбами вместе с георгиевским крестом, саблей и остальными вещами, напоминающими о казачьем прошлом (41).

При сопоставлении текстов Г.Ю. Набойщикова, О. Мальцева и А. Стоянова нельзя не заметить расхождений, выходящих за рамки субъективного взгляда. Так, например, у Мальцева Пелагея Ивановна в 1944 г. — типажная хлебосольная казачка. Это «очень радушная, полная женщина в цветном

[39] В 1945 г. названный в честь болгарского царя Фердинанда город был переименован в Михайлов град для увековечивания имени антифашиста Христо Михайлова.

сарафане» с большими грустными глазами, которая угощает военного журналиста «русским борщом и оладьями с медом» и мечтательно говорит «певучим, притушенным голосом»[40]. Учительница русского языка Пелагея Ивановна Сенькова, преподававшая Стоянову в старших классах, стройная женщина невысокого роста, обутая в туфли на каблучках. Строгой учительницы побаивается не только ее бывший ученик, но и сам Кудинов: «Злая женщина. Опасная женщина» (35). По этой причине он не смеет продать что-либо из реликвий: «Будет мне от нее хорошая взбучка» (37). У Мальцева Кудинов сам ищет контактов, у Стоянова он слывет нелюдимым. У Мальцева Кудинов встретил советских солдат в селе Князь-Александрово на Дунае в маленьком домике, где всё было по старинке, у Набойщикова в это же время его арестовали сотрудники НКВД в г. Фердинанд, у Стоянова он не стал ждать вызова в советскую военную комендатуру, а сам пошел туда.

Особенно заметны нестыковки между рассказами Набойщикова и Стоянова, активное общение которых с Кудиновым выпадает примерно на один и тот же период (первая половина 1960-х гг.). Набойщиков, лично встретившийся с шолоховским героем в середине 1950-х гг., нигде не отмечает такую его отличительную особенность (о которой несколько раз упоминает Стоянов), как повисшую левую руку[41], изувеченную в 1914 г. в том самом сражении, за которое он получил георгиевский крест. У Набойщикова кудиновская заметка в советской газете, из-за которой герой считает, что пострадал больше всего в жизни, была опубликована в «Известиях» Верхне-Донского окрисполкома и окружкома РКП(б) от 2 августа 1922 г.[42], у Стоянова Кудинов по совету Шолохова написал покаянное письмо, но в «большой донской областной газете» среди океа-

[40] *Мальцев О.* Не улетай, восточный ветер. URL: http://smena-online.ru/node/49290/print (дата обращения 19.05.2013).

[41] Ср.: «И вот я столкнулся с мужчиной, которому было уже за 60 лет. Хотя ему можно было дать гораздо меньше. Крепкий мужик: быстро ходит, быстрая реакция, среднего роста, широкоплечий, такая у него улыбочка с лукавинкой, умный взгляд такой, подозрительный.». Цит. по: *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 839.

[42] Там же. С. 825, 842.

на написанных кем-то чужих слов мелькало лишь его имя. Зарубежное казачество отреагировало резко, назвав его предателем, и вынесло ему три смертных приговора (41).

Подобные несоответствия вызывают ряд вопросов, в том числе о фигуре Кудинова и о степени доверия, к тому, что рассказывал советскому офицеру внутренних войск и болгарскому журналисту[43]. Амплитуда возможных ответов допускает существование в корне противоположных версий относительно того, кем он был на самом деле. Разведчиком-нелегалом, ставшим жертвой внутриведомственной борьбы советских спецслужб из-за политического авантюризма или хитрецом-казаком, прикидывающимся простецом для того, чтобы выжить? К тому же следует учитывать, что в 1960-х гг. этот уже немолодой человек кое-что подзабыл, кое-что перемешалось в его сознании, а в отношении чего-то другого он мог умышленно вводить собеседников в заблуждение. Возможно, появятся новые документы, которые покажут, кем на самом деле был Павел Назарович Кудинов.

Что касается Кудинова — героя романа-эпопеи М.А. Шолохова, то источники, на которые мы ссылаемся, на редкость единодушны. Они позволяют выявить уникальные отношения прототипа художественного персонажа с текстом художественного произведения, автором романа и его исследователями.

Герой — художественный текст. Здесь можно наметить следующие моменты:

— Герой дает оценку литературному тексту, действующим лицом которого он является. Впервые Кудинов прочитал роман Шолохова в Чехии: «Там наши белогвардейцы нашли "Тихий

[43] Скорее всего, А. Стоянов имел в виду Кудинов, когда писал Набойщикову о некоем журналисте,— «болгарине молодом — лет 25», который побывал у него и, «желая написать обо мне статью, попросил у меня снимку». Кудинов доверился ему и предоставил фотографию в форме военных времен. Потом он написал ряд писем с просьбой вернуть ему фотографию, но вот прошло уже пять месяцев — «тот жулик молчит и молчит». — Цит. *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч., С. 253.

Уточним, что Стоянов не оказался жуликом. Фотография молодого хорунжего Кудинова была опубликована в 1963 г. в журнале «Наша родина» и через 30 лет перепечатана в газете «Монт-пресс».

Дон". И показали мне. И вместе читали. Читали и плакали... Представь себе: ночь, сарай, сеновал какой-то, далеко от родины, сидят старые бойцы казаки. И видят Дон, и хату свою, и молодость свою, и жизнь свою... Бедные, голодные, несчастные. И слушают. И как умеет читать Пелагея Ивановна. Как умеет!...» (36)[44].

Герой видит в произведении «великое сотворение истинно русского духа и сердца», в котором все описано «красиво и влюбленно»[45], в нем «много святой правды... Почти в каждой главе "Тихого Дона" повествуется о событиях и фактах, которые были в жизни...»[46]. Позже он напишет Г.Ю. Набойщикову: «Содержание книги верное и изумительно похвальное, которое оправдывает писательский талант, которым следует восхищаться»[47].

– Художественный текст помогает в лихолетье Кудинову и другим безымянным героям романа, оказавшимся, как он, в эмиграции, сделать свой выбор: «Скажу вам, как на духу,— "Тихий Дон" потряс наши души и заставил всё передумать заново, и тоска наша по России стала ещё острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова "Тихий Дон", как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!), – эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера — "дранг нах остен" — был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за это прозрение на чужбине тысяч темных казаков благодаря "Тихому Дону" и передайте Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон...»[48]

– Герой легитимируется при помощи художественного текста. В воспоминаниях Ореста Мальцева Кудинов встречает советских солдат словами: «Я донской казак. ...Моя фамилия —

---

[44] О том, как Пелагея Ивановна читала на уроках русского языка отрывки из «Тихого Дона», вспоминает и А. Стоянов: *Стоянов А.* Ходене по мъките // Наша родина. Февруари 1963. № 2. С. 24

[45] *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 256.

[46] Там же. С. 197.

[47] Там же. С. 828.

[48] Там же. С. 254.

Кудинов. Павел Кудинов. Обо мне писал Михаил Шолохов в "Тихом Доне". Дома не без торжественности он раскрывает сильно потрепанную третью книгу "Тихого Дона" и на одной из страниц показывает подчеркнутые строчки — те самые, с которых мы начали рассказ о Кудинове»[49]

— Герой комментирует и при необходимости корректирует текст произведения. Мальцеву он говорит: «Шолохов ... писал обо мне сущую правду. Теперь мне больно читать его книгу. Каждая страница точно по лицу хлещет, хочется волосы на себе рвать: каким я был идиотом! Только в одном не прав писатель: будто я глубоко уходил корнями в толщу казачества. Какие там корни! Я думал только о себе, о своей карьере, о чинах, хотел прослыть великим атаманом. Плохо держали меня мои корни, если вот куда занесло... Увидите Шолохова, кланяйтесь ему. Мол, Пашка Кудинов кланяется, вот так, в пояс»[50]. Подмечая некоторые фактические неточности (например, присутствие кавказца Георгидзе в своем штабе), он все же оставляет за автором право на художественный вымысел. В то же время ему обидно, что Шолохов вывел его сутуловатым, а не упомянул об искалеченной на войне руке (36).

Герой — Автор. Как видно из вышеприведенных цитат, Кудинов восхищался талантом Шолохова. Более того, как подчеркивает Ф. Кузнецов, «на всем протяжении следствия — и в Болгарии, и в Москве, и в местах заключения — до его освобождения Кудинов ни разу не упомянул Шолохова, ни разу не сослался на то, что он — один из героев "Тихого Дона", проявляя величайшую деликатность и заботу о том, чтобы не нанести вреда писателю»[51]. В то же время, как отмечает Г.Ю. Набойщиков, «у него на Шолохова была обида и свои претензии к нему». Герой, чувствуя себя обделенным судьбой, задает риторический вопрос: «Скажите по правде, кому обязан Шолохов за его славу, богатство и многое и прочее, как не Кудинову?» И сам себе отвечает: «Если бы не бедняк Павел Кудинов, то и Михаил Шолохов не был бы богачом, да еще каким».

[49] *Мальцев О.* Указ. соч.

[50] Там же.

[51] *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 241.

Бедствующий в Болгарии Кудинов комментирует следующим образом совет Набойщикова обратиться к Шолохову с просьбой о материальной помощи: «Напрасный совет. Новые паны крошки хлеба не дадут»[52]. Подобное отношение Кудинова к Шолохову зафиксировано и в очерках Стоянова. Старый казак с горечью подытоживает: «Писатель Шолохов роман пишет, герой Кудинов капусту окапывает». И еще любопытная подробность. Оказывается, по-соседски, с детства знала Шолохова и Пелагея Ивановна. «Проворный, шаловливый мальчик, первый драчун на селе» по-рыцарски опекал ее (37).

Напомним, что Герой после отбытия срока наказания приехал в Вёшенскую, чтобы встретиться и познакомиться с Автором, но их встреча так и не состоялась. Автор в то время был в заграничной поездке (по другим сведениям — в Москве, по третьим — прятался от Героя). Позже Герой написал Автору несколько писем, но, по сведениям Набойщикова, так и не получил ответа.

Другое развитие получил этот сюжет у Стоянова. По приезде в Болгарию Кудинов написал Шолохову и попросил помочь вернуться в родные края: «Я, благодаря Царю небесному, всё еще жив, несу свой тяжкий крест на Голгофу и не ропщу на господа Бога. А твой "Тихий Дон" потряс наши грешные души, тоска наша по России и родному краю стала еще острее, а в головах солнышко заблестело». Шолохов ответил на два его письма, не обмолвившись ни словом о просьбе. Тогда Герой позвонил Автору по телефону. На совет забыть о возвращении, Кудинов воскликнул: «Но как можно забыть родную землю, и солнце наше, и степь нашу зеленую?» Был еще один, последний звонок Автору. Голос Шолохова был охрипшим, тяжелым, глухим. Единственное, что он сказал: «Здравствуй? В атаку! За родину, за Сталину (sic!) — в атаку...» Кудинов понял, что телефон Автора прослушивается, и пожалел его: «Ведь он, может быть, несчастнее меня, бедолага» (41).

Что касается М.А. Шолохова, то известен его постскриптум по поводу Кудинова: «А ведь как тяжело сложилась судьба человека. И тоскует он в письме по Донщине, мечтает походить

[52] Там же. С. 831, 838.

по родной земле, поклониться Тихому Дону. Это еще более грустная песнь, чем у Григория Мелехова...»[53]

Герой — Литературный исследователь. Особой сложностью отличалось отношение Павла Кудинова к исследователю «Тихого Дона» литературоведу Константину Прийме. Тот узнал от Шолохова о Кудинове и рассказал о нем в центральной печати. По недосмотру, однако, он назвал его супругу княгиней Севской, написав к тому же, что она учит болгарских детишек русскому языку. Супруга Кудинова была не княгиней, а вешенской казачкой. Материал в газете, однако, стал причиной ее увольнения с работы, что еще более усугубило бедственное положение семьи[54]. Иными словами Критик стал причиной крупных неприятностей для Героя, который до конца жизни резко отзывался о нем.

За пределами нашего исследования остались исторические лица, упомянутые в «Тихом Доне», но не выведенные в качестве действующих персонажей. Такими являются командующий Кавказской армией в составе ВСЮР генерал-лейтенант **Виктор Леонидович Покровский** (1889–1922) и последний наказной атаман ВВД граф **Михаил Николаевич Граббе** (1868–1942). В Болгарии известный своей жестокостью В. Покровский организовал террористическую организацию, совершившую ряд терактов против Советской миссии и Совнарода. При аресте он оказал сопротивление и был убит болгарской полицией (а возможно, и советскими агентами)[55]. Что касается М.Н. Граббе, в адрес которого можно найти немало выпадов на страницах «Вольного Дона», то он дважды — в 1935 и 1938 гг. — в качестве войскового атамана (после смерти А.П. Богаевского) посетил Болгарию.

Мы также воздержались идентифицировать командира Второго конного корпуса генерала Коновалова из 20-й главы четвертой части четвертой книги как предводителя рус-

[53] Там же. С. 246.

[54] Там же. С. 831.

[55] Более подробно см.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. С. 180–181.

ской колонии в г. Русе генерала Г.И. Коновалова (1882–1936) из-за нехватки данных. По этой же причине мы не рискнули увидеть в сотнике Сулине из 15-й главы четвертой части четвертой книги донского полковника С.Ф. Сулина (1873–1943), общепризнанного поэта Донского корпуса, проживающего в эмиграции в Болгарии.

В заключение скажем и о коллективном герое «Тихого Дона». Именно таким героем были казаки Атаманского, Платовского, Гундоревского, Каледино-Назаровского и других казачьих полков, которые оказались в эмиграции в нашей стране и которые обрели в ней вторую родину. В этом коллективном герое проступают черты и Григория Мелехова, и Степана Астахова, и Прохора Зыкова, и братьев Шамилей, и многих безымянных героев произведения. Судьба этого героя вобрала в себя судьбы целого поколения эмигрантов — тех самых, для кого роман стал откровением, прозрением, просветлением.

Статья публикуется в авторском переводе.

РЕЗЮМЕ

СЛЕД «ТИХИЯ ДОН».
ГЕРОИТЕ НА М. А. ШОЛОХОВ В БЪЛГАРИЯ

Случи се така, че немалко от прототипи на героите на прочутия роман на Шолохов с вълните на бялата емиграция през 1921 г. се озовават в България, която става за тях втора родина. Авторката проследява съдбата на много от тях, започвайки от генералите П.Х. Попов, А.П. Богаевский, А.П. Кутепов и А.С. Секретев и стигайки до хора с по-ниски звания и авторитет в сравнение с тях. Съдбата на почти всички емигранти се развива трагично, те загубват високите си социални позиции, гладуват, бедстват, за да оцелеят са принудени да се наемат за най-черна работа. Някои емигранти, поддавайки се на болшевишката пропаганда, се връщат в Русия, и там повечето от тях са подложени на репресии: хвърлят ги в затвора или ги разстрелват. Не са пропуснати и такива «герои», които в емиграция стават агенти на болшевиките и се стараят да внесат разкол в задграничното казашко движение. Разказва се и за включването на казаците в българската антифашистка съпротива през Втората световна война. Най-голямото място в статията се отделя на съдбата на Павел Кудинов — Шолоховият литературен герой и реално лице, видял през живота си многобройни въздигания и падения.

НИНА ПОНОМАРЕВА (Москва) DOI: 10.31168/0427-5.16

СИБИРЬ ГЛАЗАМИ ЙОРДАНА РАДИЧКОВА

Осенью 1963 г. известный болгарский писатель Йордан Радичков (1929–2004) предпринял двухмесячное путешествие по советской Сибири. О своих впечатлениях об этой необычной для того времени поездке он рассказал в своей книге «Неосвещенные дворы». Это первое произведение писателя в таком жанре. На первых порах после его опубликования в 1966 г. оно, пожалуй, не вызвало таких жарких споров и обсуждений, как многие его рассказы тех лет. Однако и в этой книге Йордан Радичков во многом отходит от традиционных норм жанра путевых заметок, разрабатывает его по-своему настолько, что впоследствии книгу стали называть даже романом-путешествием.

Сибирь поражает воображение писателя своими «неправдоподобностями» самого разного рода и, разумеется, огромными расстояниями, несоразмерными с маленькой Болгарией. Но оказывается, что вопреки разным масштабам, независимо от географических, исторических, социальных и других различий, между громадным миром Сибири и родиной автора существует прочная связь. На необъятных просторах Сибири: в тундре и тайге, на берегах Северного Ледовитого океана и Байкала, в алтайских степях и на алмазных и золотых приисках — везде, где посчастливилось побывать писателю, он увидел людей, близких ему и его соотечественникам по духу, по жизненным идеалам да и по повседневным заботам дома и на работе.

В этой книге Йордан Радичков рассказывает и многое о свой личной жизни, своем «я»[1], тем самым придавая повес-

[1] *Жечев Т.* Критически погледи. София, 1971. С. 195.

твованию ярко выраженный исповедальный характер. В общем, жанр путевых заметок всегда несет на себе отпечаток личности путешественника, но, как правило, без проникновения в ее внутренний мир. Эта черта гораздо более присуща другому художественно-документальному жанру — мемуарам, воспоминаниям, автобиографиям.

Сибирь Йордан Радичков как бы пропускает через себя, свой личный жизненный опыт, через свою жизнь. В многочисленных и многообразных по своему характеру эссе-отступлениях в книге он обращается к эпизодам своего деревенского детства, рассказывает о своей семье, сыне, проводит параллели с современным бытом сибиряков, их жизненными устоями, внутренним миром, находя во всем этом отличия и в то же время глубинную общность.

Часто какой-либо конкретный случай приводит писателя к заключениям более широкого плана, которые раскрывают читателю жизненное кредо автора. Так, например, после рассуждений о вредности излишнего покровительства взрослых по отношению к детям Йордан Радичков пишет: «Я думаю, что человеку лучше всего вообще жить без покровительства, поскольку тем самым он оскорбляет себя. Чью могучую крышу ищешь ты, слабый человечишко? Под чьей крышей стоишь и слушаешь, как падают чужие капли? Разве тебе не тоскливо под чужой капелью и разве ты не чувствуешь, что твои мокрые ноги стынут под покровительством сильных? Мы добровольно принимаем унижение, стоя под чужой крышей, и оскорбляемся, если ее унесет хаосом времени, а наши чувства отправляются на поиски других крыш, пока нам не кивнут из какого-нибудь окошка...

Выходи прямо под дождь, друг! — призывает Йордан Радичков. — Нет ничего лучше, когда по твоим ушам стекает небесная вода, а душе сухо и тепло! Все заслоны и крыши воображаемы» (с. 192).

Путевых заметок болгарских авторов о Советском Союзе много. Однако большинство их — о Москве, Ленинграде, Киеве и других больших городах, крупных промышленных и культурных центрах. Нередки были поездки и в Среднюю

Азию, Армению, Грузию. Акцент в таких книгах приходится чаще всего на культурные достопримечательности, «экзотику» посещаемых мест. Человек, жизненная среда и атмосфера остаются за кадром, в лучшем случае на втором плане, поскольку на это у путешественников, как правило, попросту не хватает времени.

Поездку Йордана Радичкова в Сибирь никак нельзя назвать туристической. По таким дальним и необычным маршрутам до него не проходил ни один болгарский литератор. Йордану Радичкову довелось узнать совсем другую Россию и советскую действительность. Во время его длительного путешествия от бухты Тикси до юга Алтая и от Якутии до Байкала его более всего привлекала «глубинка». А точнее — его влекли к себе «неосвещенные» или слабо «освещенные» в болгарской литературе дворы, а не крупные города, гидроцентрали и другие грандиозные «стройки социализма», посетить и описать которые (даже при всей их огромной географической отдаленности друг от друга) все-таки было бы много легче. Писателя прежде всего интересуют люди, в том числе живущие далеко от уютных обжитых мест, от европейской цивилизации, многие из которых все еще сохранили в себе «нечто древнее, даже языческое»[2].

В то же время Йордан Радичков категорически возражает против трактовки заглавия книги как его желания «осветить» темные стороны советской действительности (задние дворы, задворки). Писатель открывает для болгарских читателей необъятный и незнакомый для многих из них мир, чужой и вместе с тем близкий, расширяющий и обогащающий их представление не только о России, но и о себе, своей стране. «Путешествие — это очень хорошее дело, — считает Йордан Радичков, — человек с других вершин, издали видит и себя, и свои творения, и страну, и свой народ несколько иначе».[3]

Россия дала писателю «золотой ключ» от «всех своих дверей», который он использовал в полной мере. И удивительно, как в годы тотальной подозрительности и слежки ему удалось колесить по неизмеримым пространствам Сибири, свободно

[2] *Свиленов А.* Събеседници. София, 1975. С. 246.
[3] Там же. С. 262.

встречаться и разговаривать с самыми разными людьми в сопровождении единственного спутника и друга ученого-литературоведа Георгия Гачева (Гени — так его звал писатель), о котором Йордан Радичков отзывается в книге с теплотой и признательностью.

Разумеется, внимание путешественника привлекают и богатейшие недра Сибири. Он побывал на золотых и алмазных приисках, на разработках слюды, которые произвели на него должное впечатление. Однако описание их в книге занимает не так много места. И здесь главное для писателя — люди, их умение выжить в непростых климатических и бытовых условиях, их терпение и стойкость в противостоянии житейским невзгодам, в сохранении при этом высоких нравственных норм.

Существенно, что в то время, когда в Болгарии царили утвержденные стереотипы в представлениях о Советском Союзе, автор воспользовался представившейся ему возможностью и описал сибирские просторы так ярко, живо и, главное, правдиво, без излишнего пафоса и без прикрас, как едва ли удавалось кому-либо из болгар до него. В повествовании нет недосказанностей, читателю нет нужды искать что-то между строк, в подтексте. Оно по-радичковски метафорично, ассоциативно, порой иронично, но свободно и откровенно. «Я не буду ни хвалить Россию, ни клеветать на нее», — пишет автор (с. 244). Открывая для себя Русский Север, рассказывая об экзотических для него местах, о населяющих их народах со своим жизненным укладом, нравами, культурой, а также о простых людях-тружениках на полях, фермах, охотничьих угодьях, на разработках золота, алмазов, слюды, в суровом Заполярье, Йордан Радичков прежде всего доброжелателен, но и предельно достоверен. При всей своей склонности к «игре пером» в этой книге он старается не отступать от реалий. «Жизнь всегда строже выдумки, — говорит он, — мы перед ней стоим голые, как новобранцы» (с. 5).

С известной самоиронией, с насмешкой над своим бессилием «овладеть словами», чтобы отразить впечатления от необозримой и таинственной страны Сибирь, писатель признается, как трудно ему дались эти путевые заметки. И тем не

менее автор сумел не утонуть в массе житейских эпизодов, встреч с людьми, многообразия их проблем, не ограничиться только добросовестным отражением всего того, что он увидел и узнал. Впечатления служат почвой для размышлений и выводов о внутренней связи между людьми, общности их глобальных целей, интересов, духовной жизни, в каких бы странах и краях земли они ни жили.

Творчество Йордана Радичкова черпает свои соки из истории, быта, фольклора, мифов и легенд его родного края — северо-западной Болгарии. Однако эта региональность во многом внешняя. По справедливому заключению видного болгарского ученого Тончо Жечева, на этом «узком» материале «зиждется целая вселенная, многозначная символика общечеловеческих проблем, рожденных в условиях миграции и модернизации жизни вообще...»[4].

Путешествие по Сибири расширило не только тематический и познавательный диапазон писателя, но и круг его экзистенциальной проблематики. Он столкнулся с громадным и разнообразным миром, на первый взгляд столь непохожим на мир маленькой Болгарии и тем более — его родных мест. Однако путешественник не растерялся и не потерялся в нем. Он вписался в этот мир и смог почувствовать себя в нем своим. Оказалось, что огромные расстояния, особенности северного сурового климата, непривычный быт не препятствуют общности людей в чем-то главном.

Мысленно возвращаясь в годы, проведенные в деревне, вспоминая мать, соседей-крестьян, писатель обнаруживает крепкие нити, связывающие его родину и Сибирь. Разумеется, очень непохож уклад жизни в болгарской деревне и быт якутов в юрте или эвенков в тордохе. Им нелегко поверить, что в Болгарии тепло и летом можно снимать с себя одежду и купаться в море, что там утро предвещают своим криком странные птицы петухи, что у детей розовые щеки (Йордан Радич-

[4] *Жечев Т.* От регионального к национальному и общечеловеческому в развитии литературы (на материале болгарской литературы) // Современная болгарская проза и литературы европейских социалистических стран. М., 1985. С. 34.

ков показал друзьям-эвенкам фотографию своих детей на море) и т.д. В рассказы писателя эвенки едва ли поверили. «Я думаю, что наш мир они не поняли, — пишет автор, — или по меньшей мере он им не показался хорошим, потому что всё в нем им незнакомо и потому что в нем нет самого главного — оленей и тундры» (с. 169).

И всё же люди даже таких разных миров находят взаимопонимание, испытывают друг к другу теплые чувства, доверие и интерес. «Я просто не могу себе объяснить, — с удивлением говорит Йордан Радичков, — как с самой первой встречи с эвенками внезапно вырастает странный цветок доверия... Во время своего путешествия я не раз был свидетелем, как высеивался и прорастал этот необыкновенный цветок и ни разу не увидел цветка вражды» (с. 181–182).

Жители Сибири вызывают у автора глубокое уважение. Ведь он не понаслышке, а сам своими глазами видел, сколько мужества и выносливости нужно этим людям, чтобы выжить и жить достойно. Трудности самого разного рода (мир Сибири чрезвычайно разнообразен, места, которые посетил Йордан Радичков, коренным образом отличаются друг от друга по климату, удаленности от промышленных центров, социально-экономическим условиям, национальному составу и менталитету населения) формируют и закаляют характер сибиряка, как правило, сильного и сурового человека, но неизменно дружелюбного к окружающим. Однако автор не создает «суммарного» (характерного для ряда других произведений писателя) образа обитателя Русского Севера. Напротив, в каждом из своих сибирских друзей он увидел запоминающийся и самобытный характер. Русский из Якутии Шамшурин, эвенк Чиряев и его пятилетняя приемная дочка Шура, алтаец Шадрин, бурят шаман с острова Ольхон на Байкале и другие герои книги каждый по-своему представляет свой край, «оживляет» его.

Встречи и беседы с этими интересными людьми помогают писателю приобщиться к новому для него миру непроходимой тайги, снежной пустыни тундры, бескрайних алтайских степей, заполярного Тикси, ощутить близость с ним и его обитателями.

Интересно, что и здесь ему встречаются «чудаки», по сути родные братья болгарским «черкасцам» из его же рассказов. С добрым юмором и в присущей ему «разговорной» сказовой манере повествования пересказывает Йордан Радичков несколько комичных и подчас трудно объяснимых эпизодов из будней жителей города Алдана.

«События», скандальные с их точки зрения, становятся предметом оживленных обсуждений и вносят разнообразие в их повседневную жизнь. Например, алданцы возмущены тем, что в городе золотодобытчиков китаец Ли выращивает свиней на продажу. Они даже готовы перерезать их, если власти «не будут достаточно категоричны».

В этом случае всё как бы ясно, хотя и смешно. А вот публичный «расстрел» собственного транзистора одним из жителей, поругавшегося с женой, никто понять не может. При чем тут транзистор? Просто чудак!

Простые люди Сибири, как и радичковские крестьяне-«черкасцы», приспосабливаются к жизненным обстоятельствам и при этом нередко пускаются на хитрости. Так, на Тикси, где будто бы царит «сухой закон», бутылки с запрещенным спиртом прячут и переносят в пустых сапогах. Местные жители выдают эту «тайну» автору, которая в общем-то ни для кого и не секрет. В сибиряках писателя привлекают их общительность, готовность поделиться с гостем своими успехами и заботами, рассказать о своей работе, семье, друзьях. Пригласить к себе домой или за стол в ресторане — это для них не официальный ритуал, а укоренившаяся в веках традиция гостеприимства.

Йордан Радичков восхищается русскими переселенцами в Якутии, которые тяжким трудом отвоевывают землю у тайги под посадки капусты и других овощей. Да, картошка в этой холодной земле не растет (пока, говорят они), но капуста удалась на славу. И как горды эти люди своей победой над суровой природой, с какой радостью делятся они этой удачей с гостем из далекой и теплой Болгарии. И надо признать, что капуста произвела на путешественника гораздо большее впечатление, чем слитки золота на алданских приисках.

Многие страницы в книге посвящены разнообразной и богатой природе Сибири. Она поражает автора, привыкшего к масштабам своей страны, к жаркому солнцу в ней, изобилию фруктов, уюту и теплу деревенского быта. Но и в этой бесспорной непохожести он находит место, напоминающее ему родину, а Геня и случайный их попутчик-молдованин утверждают, что это место совсем как у них — в Подмосковье и в Молдавии. Все трое правы. Путешественникам в чужих краях всегда хочется найти что-то близкое, вызывающее в их памяти Родину. И такие места чаще всего они находят.

Природа Сибири заставляет писателя с удвоенной силой почувствовать и осознать зависимость от нее людей. Используя ее богатства, человек должен знать и уважать ее законы. В то же время ему приходится и бороться с ней, чтобы обеспечить себя пропитанием, чтобы выжить. Охота — одно из первостепенных занятий жителей Сибири. В тайге и тундре она кормит и во многом одевает людей. Здесь она не удовольствие для любителей, а суровая необходимость.

Йордану Радичкову удалось провести некоторое время в тайге. Сам заядлый охотник-любитель, он участвовал там в настоящей охоте на зайцев, уток, правда без особого успеха, о чем повествует с юмором и самоиронией. Тайга, лесные озера, дикие животные — всё это для писателя ново и интересно. Описывая во многом таинственный для него мир, он сочетает бытовые эпизоды из жизни охотников, сцены охоты, зарисовки окружающей сказочной природы, рассказы охотников-якутов и собственные размышления, часто возвращающие его в деревенское прошлое.

Однако такая в общем довольно разнородная картина не производит впечатления хаотичности, поскольку в повествовании не чувствуется зазоров между разными тематическими и содержательными пластами. Так, яркое и рельефное описание диких лошадей — белых и вороных — и жестокой битвы их вожаков непринужденно переходит в рассказ писателя об одном памятном для него случае из детских лет, когда его испугала собака и он потерял на некоторое время дар речи и обрел его, только увидев лошадь.

Вкрапление в основной поток сибирских впечатлений событий и переживаний в годы молодости и детства или ассоциативных рассуждений, навеянных путешествием, встречами с интересными людьми накладывает на повествование ощутимый личностный отпечаток. Нередко всё это приводит автора к мыслям, которые ясно обозначают его позиции по некоторым актуальным проблемам современности. Такие отступления-эссе в книге разнообразны как по содержанию, так и по форме. Это могут быть пространные воспоминания, легенды, притчи или просто краткие реплики по поводу какого-либо случая в ходе путешествия. Удивляет при этом свобода перемещения авторской мысли в пространстве и времени, легкость перетекания всего этого пестрого материала от рассуждений философского характера к непосредственным наблюдениям над повседневными проблемами местного населения, к пластическим картинам сибирской природы, к параллелям между жизнью людей в Сибири и Болгарии.

Открывая для себя мир эвенков, заброшенных с снежную пустыню тундры, познавая их быт, обычаи, нравственные нормы, писатель в то же время задается вечными, экзистенциальными вопросами.

«В сущности, кто я? — спрашивает он себя». «Иногда я думал, — пишет он, — что каждый человек как полярная звезда, вокруг которой неизменно вращается его жизнь, его время, его воспоминания, всё его житье-бытье, которое он населяет новыми звездами, а некоторые из старых падают — одни с блеском, другие в темноту и бесшумно; сколько падающих звезд приходится на каждого из нас, таких, которых мы не жалеем, и тогда чувствуем, что наш небосвод становится легче и поднимается ввысь, мы видим, сколько ложных друзей мерцают на нашем небе и постепенно бледнеют... сколько фальшивых хвостатых звезд пролетело мимо нас — этих блуждающих тел человечества, сколько фальшивых чувств, мутных Андромед и пыльных Млечных путей прошли через нас и сколько звезд, покинувших наш мир, продолжают всё еще излучать свой яркий свет и напоминать нам, что мы не одни, и сколько живых звезд обдают нас холодом...» (с. 186–187).

Размышления подобного рода рассеяны по всей книге, но, может быть, именно бескрайняя тундра — примитивный быт ее обитателей, ограниченность их жизни необходимостью повседневной борьбы с жестокой природой за свое существование и в то же время их высокие нравственные качества – честность, трудолюбие, чувство долга и жизненная стойкость – более других мест предрасполагала писателя к ним.

Путешествие оправдало надежды и желания Йордана Радичкова. Ему удалось побывать в тех метах, в которых современная европейская цивилизация еще не смогла полностью одержать верх над завещанными предками национальными традициями, родовой памятью, языческими поверьями, почти мистической близостью к природе. Причем он увидел, что всё это не только сохранилось в религии, поверьях, легендах, но и проявлялось в повседневной жизни.

Например, его очень заинтересовали песни эвенков. Оказалось, что поют все и что сочинять песни для них — это что-то обычное, поскольку эвенк поет о себе и о своей жизни сейчас, обо всем, что он делает, видит, слышит, ощущает... Хором эвенки не поют, каждый сочиняет песню сам и сам ее поет. «Многие, – пишет автор, — пели о Полярной звезде, о рогах оленя, а один эвенк спел о своих мокасинах, которые согревают его ноги... Простые песни, с простыми словами, почти как разговор» (с. 162). Песни и рассказы этих детей холодной земли о каких-то чрезвычайных событиях (хотя, по их мнению, они не такие уж чрезвычайные, ведь чего только не случается постоянно в ледяной тундре) звучат как легенды и притчи.

В Эвенкии, Якутии, Бурятии Йордана Радичкова особенно привлекали именно такие рассказы, на которые он нередко отвечал и своими. Так, бурят шаман на байкальском острове Ольхон рассказал путешественникам притчу о человеке и его доме. И хотя жилище самого шамана, на взгляд писателя, трудно было назвать настоящим домом — это был скорее какой-то старый и разбитый сундук — хозяин заботился о нем, крепил и подмазывал стены, белил их. «Серые дома неприятны солнечному оку», — говорит он (с. 215). Пока жив человек, он держит свой дом. Но есть и «такие странные дома, — продол-

жает свой рассказ шаман, — которые норовят умереть прежде своих хозяев» (с. 215). Да, соглашается болгарский гость, есть и у нас такие, и вспоминает о давнем пожаре в его родном селе, когда по неосторожности одной крестьянки сгорел ее дом и чуть было не сгорели другие дома в селе. И еще один случай, когда ночью вдруг упала стена старого жилища деда и бабушки писателя. И они, как и шаман теперь, сказали: «Плохо, когда дом уходит раньше своих хозяев» (с. 218).

Восприятие автора книги «неосвещенных дворов» Сибири, несмотря на его преклонение перед твердостью духа и несгибаемостью сибиряков в непростых условиях севера, в общем трезвое и реалистическое. Например, он, конечно, не мог пройти мимо такой острой и актуальной проблемы, как драматичное столкновение старых и устоявшихся в веках жизненных стереотипов с современной цивилизацией. Эта проблема очень близка Йордану Радичкову как художнику и человеку, выросшему в крестьянской среде, в те годы во многом еще патриархальной. Неудивительно поэтому, что многие страницы книги переносят читателя из далекой Сибири в Болгарию, в родное село писателя, в то время, когда разрушение старых норм жизни происходило на его глазах, приводя нередко к трагическим последствиям.

Не обходит молчанием писатель и серьезные трудности в жизни сибиряков тех лет, связанные с еще не изжитыми последствиями войны, хозяйственной разрухой, миграцией населения и пр. Йордан Радичков не ставил перед собой задачу какого-либо глубокого анализа социального среза Сибири, но и просто не замечать там существенных проблем разного рода он, по-видимому, считал себя не в праве.

Раны войны по прошествии почти двух десятков лет после ее окончания всё еще не были залечены. Йордана Радичкова потрясла судьба алтайских казаков и их семей. С искренним сочувствием передает писатель историю одного старого алтайца, проводившего на войну трех сыновей, двое из которых погибли. Когда в селе стали собирать помощь фронту, он отдал весь мед со своей пасеки и так поступал каждый новый сезон. Третий его сын, к счастью, вернулся живым.

Женщины в алтайских селах, выжившие в страшное военное лихолетье, на своих плечах вынесшие тяготы тыла, на долгие годы или на всю жизнь остались одни — без мужей, братьев, отцов. «Двадцать лет, — пишет автор, — здесь не рождалось детей. А сейчас в казацких селах нет молодежи — только дети и старики» (с. 234).

С особым вниманием и сердечным участием относился Йордан Радичков во время своего путешествия к детям, которые принуждены были делить со взрослыми их нелегкую долю. Искренней теплотой проникнуты страницы, где автор пишет о маленькой ненецкой девочке Шуре, о мальчике с алмазных приисков, у которого нет игрушек, и он даже не знает, что это такое, считая игрушкой живого щенка.

История Сибири связана не только с переселенцами, с освоением ими ее просторов, ее недр, но и с созданием на ее территории лагерей. Эта болезненная тема так или иначе часто возникала в разговорах путешественников с самыми разными людьми. Уничтожение в 1960-е гг. большей части этих лагерей, разумеется, приветствовалось всеми, однако всё еще живы были в памяти сибиряков воспоминания о них, многие трагические истории, связанные с ними.

Одну из них рассказал сотрудник ледовой разведки Тикси Стручков, который во время войны служил на корабле, ходившем по Северному морскому пути. Однажды ему пришлось использовать нескольких колымских зеков для заготовки икры. После трех дней работы и жизни на корабле, которая была для них «райской», они не хотели возвращаться в лагерь и просили оставить их еще хоть ненадолго. Слезы, проклятия... Стручков не предполагал, что может причинить зекам такие страдания. Больше он никогда, хотя и предоставлялась такая возможность, не прибегал к помощи заключенных. И горькая память об этом случае сохранилась в его сердце навсегда.

Сибирь приняла Йордана Радичкова, и куда бы ни приводили его маршруты путешествия, он нигде не чувствовал себя чужаком. И «чужое», на первый взгляд необычное, непонятное, постепенно становилось «своим». Более того, «свое» через «чужое» виделось яснее.

Йордан Радичков взял с собой в поездку фотографию детей и подаренный ими талисман (игрушечную собачку). Эти бесхитростные символы на протяжении всего пути связывали его с далекой родиной. Фотографию писатель оставил в ненецком жилище тордохе в подарок девочке Шуре, которая теперь в снежной пустыне тундры улыбается его детям, а они ей на берегу теплого моря. Эта фотография стала для эвенкских друзей автора «маленьким окошком в незнакомый им мир и маленькой памятью о случайной встрече между настоящими кочевниками и человеком, в крови которого иногда отзывается кочевник». «Потому что, — напоминает читателю писатель, — мы тоже когда-то были кочевниками, хотя теперь мы только плохие туристы» (с. 198).

В самом начале путешествия Йордан Радичков вдохнул в себя воздух далеких времен земли, сохранившийся в «поющем» льду из шахты в вечной мерзлоте в Якутии, а затем дышал воздухом безбрежной современной Сибири. Он принес его с собой и в родную Болгарию вместе со всем, что он там увидел, услышал, пережил, понял. «Если во время путешествия по Сибири, — признается писатель в конце книги, — я тащил с собой груз моей недолгой жизни и если иногда среди лесов и снегов находил место личным воспоминаниям о моей маленькой стране... то по возвращении я стал тащить груз сибирских впечатлений...» (с. 278). Эти впечатления не только живут в его памяти, они просто «оживают» перед глазами. Стоит ему задуматься, и в его софийской квартире появляются то охотник-якут на таежном озере со своей надувной лодкой, то замерзший во времена Петра I солдат, найденный до приезда автора в Сибирь. «Оживающие» сибирские видения сопровождают его не только дома — в Париже, Каннах, Риме... Воспоминания для него — это как встречи с далекими друзьями. «Когда я слышал где-нибудь в лесу звук топора, рассказывает писатель, и шум падающих деревьев, я вспоминал, как Шамшурин рубил дрова для костра; если я встречал охотников, то вспоминал тайгу; когда ночью смотрел в сторону севера на небо, то видел возле Полярной звезды кожаные юрты охотников и оленеводов и моего эвенка, который разжигает в небе кос-

тер и печет на нем дикую утку, сочиняя при этом простую песню о птице или кружащем вокруг него песце» (с. 280).

Книга Йордана Радичкова «неосвещенные дворы» вышла в свет давно (1966), но за прошедшие с тех пор почти четыре десятилетия она не утратила своей ценности. Более того, именно сейчас как никогда ее актуальность, ее подчеркнуто гуманистический настрой, стремление сопоставить такие далекие и такие, как оказалось, духовно близкие миры заполняют серьезную лакуну в литературах наших стран и во взаимоотношениях наших народов.

РЕЗЮМЕ

СИБИР ПРЕЗ ОЧИТЕ НА ЙОРДАН РАДИЧКОВ

Статията е посветена на нашумялата книга на Йордан Радичков «Неосветени дворове» (1966), която и досега остава непреведена на руски език. Тази творба носи откровено исповеден характер: почти във всяка нейната страница личи присъствие на авторското «аз» на писателя. Сибир с необятните му́ простори, тундрата, тайгата, крайбрежието на Северния Ледовит океан, езерото Байкал и други екзотични неща не интересуват Радиков сами по себе си — той пречупва всичко видяно от него през личния си опит и жизнената си съдба. По тази причина творбата му не може да бъде поставена на едно и също ниво с обикновени туристически очерци. Радичков не го интересуват големите сибирски градове и хидроцентрали, добива на елмазите или някои зашеметяващи «строежи на социализма» — вниманието му е насочено към забравените от Бога места, «мечешки кътове», лишени от всекидневните за нас блага на цивилизацията. При всичко това писателят най-малко се стреми да покаже «тъмните» страни на съветската действителност. Като се обръща към живота и характерите на живеещи в такива «мечешки кътове» хора, Радичков ни навежда на извода, че и те с човешките си изяви по нищо не се различават от своите сънародници, обитаващи големите цивилизационни центрове, а също така и от самите българи.

МАРИЯ КИТАНОВА (София) DOI: 10.31168/0427-5.17

ОСОБЕНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В БОЛГАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ О ЖЕНЕ[1]

Слово *паремия* (παροιμία) заимствовано из древнегреческого языка и имеет значение 'поговорка, пословица, притча, сравнение'. Это краткий текст, содержащий народную мудрость. По этой причине паремии могут свидетельствовать о ментальности того или иного народа. В статье не проводится различие между пословицами и поговорками, как это принято в ряде паремиологических традиций, и по этой причине мы специально не рассматриваем попытки их разграничить[2]. Пословицы и поговорки описываются с учетом их троякой сущности как логическая единица, выражающая суждение, как языковой факт и как фрагмент картины мира. С точки зрения лингвистики они являются одновременно и текстом, и знаком. Г.Л. Пермяков высказывает мнение о том, что как языковой знак пословицы относятся к лингвистике, а как текст —

---

[1] В связи с затянувшейся подготовкой данного сборника к печати статья была направлена автором в альманах «Славянский мир в третьем тысячелетии» и опубликована под заглавием: *Китанова М.* Болгарские пословицы о семье (особенности национального менталитета) // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2014. С. 285–294. По сравнению с указанной публикацией данная статья выходит в обновленном, переработанном виде. Были переведены на русский язык все оставшиеся в ней без перевода болгарские паремии, сужено было и приведено в соответствие с содержанием название статьи, в ней была удалена рубрикация. Перевод паремий с болгарского и редактирование статьи выполнены О.В. Трефиловой. — *Примеч. ред.*

[2] *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки. М., 1970. С. 255; *Жуков В.П.* Предисловие к Словарью русских пословицах и поговорок. М., 1990. С. 11–12; *Левин Ю.И.* Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: сб. статей. М., 1984. С. 119.

к фольклору[3]. Согласно В.В. Гвоздеву[4], они являются наиболее сложным образованием, которое представляет собой языковой знак. В качестве такового пословицы и поговорки являются «средством моделирования некоего фрагмента опыта, знаний»[5] и имеют значение и внутреннюю форму. Ряд авторов[6] подчеркивают, что пословицы можно анализировать только в контексте, так как бóльшая их часть представляет собой открытые метафоры. Пословицы являются объектом исследования как когнитивной семантики, так и лингвокультурологии.

Предмет анализа в статье — выявление **значения** пословиц в соответствии с теорией значения Лангакера[7], который характеризует **семантическую структуру** как **концептуальную структуру**. Под **концептом** мы понимаем «основную ячейку культуры в ментальном мире человека», «многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики»[8]. Таким образом, значение паремий рассматривается «как концептуальное отображение определенного "участка" мира». В статье мы проанализируем паремии с компонентом *жена*, а также такие, в которых данный компонент присутствует только на когнитемном уровне, и попытаемся представить **картину мира**, отражающую «когнитивные, культурные и социальные характеристики народа — носителя языка»[9] и определяемую как «интегральную характеристику людей, живущих в конкретной культурной среде, которая позволяет описать их видение окружающе-

[3] *Пермяков Г.Л.* Там же. С. 250–251.

[4] *Гвоздев В.В.* Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: автореферат дис. ... канд.филол. наук. М., 1983. С. 13.

[5] *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб., 2006. С. 24.

[6] *Yankah K.* Do proverbs contradict? // Wise words. / ed. by W. Mieder. [New York?], 1994. P. 130; *Серль Дж.Р.* Метафора // Теория метафоры. 1990. С. 322.

[7] *Langacker R.W.* A view of linguistics semantics // Topics in cognitive linguistics. 1988. P. 44–90.

[8] *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М., 2006. С. 42, 59.

[9] *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. С. 27, 44.

го мира и объяснить их специфическую реакцию на него»[10]. Разумеется, ментальность, проявляющаяся в **языковой картине мира**, есть языковая ментальность. Ментальность, отражающуюся в пословицах, мы будем называть **паремиологической ментальностью**, так как пословицы представляют собой своеобразное хранилище стереотипов мышления и поведения, действующих во множестве различных ситуаций.

Ожидаемый результат такого анализа — выявление этнокультурных стереотипов в паремии. Анализируемые паремии были извлечены из соответствующих болгарских источников[11].

Паремийный знак имеет два семантических плана (два когнитивных уровня) — **значение** и **внутреннюю форму**. Они образуют **паремиологическую когнитивную модель**, в основе которой лежат понятия традиционной семантики — значение, внутренняя форма, оценка, эмотивность, метафоричность. При анализе этих уровней мы используем термин *когнитема*, понимаемый как «пропозициональная единица знания, реконструируемая при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимая для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента пословичной картины мира или всей пословичной картины мира»[12]. Концепт является совокупностью когнитем, которые образуют когнитивную стуктуру. Или, точнее, **концепт — это когнитивная структура** ментальной единицы более сложной, чем значение. При количественном анализе концептов и концептообразующих когнитем выделяется и так называемый **прототип**. Если определенные когнитемы отражают признак, повторяющийся с большой частотностью в пословицах и поговорках, то это служит показателем сущ-

[10] *Дубов И.Т.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.

[11] В работе использованы следующие источники: Български притчи или пословици и характерни думи, събрани от П.Р. Славейков. София, 1972; Предания, легенди, пословици и гатанки. София, 1983; *Григоров Б.М., Кацаров К.* Български пословици и поговорки. София, 1986; *Влахов С.* Съпоставителен речник на пословици, български, руски, английски, френски, немски, латински. София, 1998.

[12] *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. С. 97.

ностного характера этого признака, т.е. его прототипичности. Тем самым мы разделяем утверждение Лакоффа о том, что прототип есть центральный член категории, распознать который можно легче, чем члены периферийные[13].

Задача данной работы — выделить прототипичные и единичные когнитемы в пословицах и поговорках болгарского языка, которые формируют концепт **жена / женщина — супруга.**

В нашем случае концепт является частью пословичных фрагментов, отражающих отношение к семье, к различным ее членам и к дому. Семья и дом служат центром человеческого мира, это усвоенное «свое» внутреннее пространство, которое может являться частью бинарной семантичной оппозиции «свой — чужой», смежной с другими оппозициями, такими как «добро — зло», «красивое — некрасивое», «чистое — нечистое». Таким образом, этот фрагмент **картины мира** «отражает исключительно ярко антропоцентричный характер паремийного жанра, так как в нем ставится акцент на взаимозависимости между определенными человеческими проявлениями и их конкретными следствиями и демонстрируется хорошее и плохое в человеческих отношениях и полезное и вредное в человеческом поведении»[14].

Паремии с компонентом *жена* составляют 45 единиц всего эксцерпированного материала. Это сравнительно большая

[13] *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 33–34. (Имеется в виду категориальная классификация человеком естественного языка, по Лакоффу, т.е. то, как носитель того или иного языка классифицирует слова и какие слова, с точки зрения носителя языка, являются типичными представителями (прототипами, или архетипами, или стереотипами) той или иной категории, например: типичные инструменты — пилы и молотки (типичные члены категории «инструменты»), типичный японец трудолюбив, вежлив и умен (социальный стереотип), идеальный муж хорошо зарабатывает, верен жене, внушает уважение, привлекателен (стереотип идеала). — *Примеч. О.В. Трефиловой.*)

[14] *Петрова Р.С.* Лингвокултурологично съпоставително изследване на английски и български пословици: автореферат на науч. дис. София, 2006. С. 17

группа, которая охватывает все аспекты традиционных представлений болгарина о качествах женщины, в основном как супруги, несмотря на то что в болгарском языке разграничение между компонентами *жена / съпруга* отсутствует. Используется лишь компонент *жена*. Обращается внимание на то, что жена должна быть хорошего рода (*от сой*), и это свидетельствует о том, что болгарин выбирал себе жену очень тщательно. Здесь на переднем плане оказывается когнитема «жену выбирают по ее семье».

Избирай жена от сой, а куче от копаня [Выбирай жену по семье, а собаку по миске (т.е. выбирают сильного щенка, который хорошо ест и во время еды отстраняет от миски других щенков)].

От зла рода няма и порода [От плохого корня (рода) не рождается потомство].

И за кучето питат от кой е род [И для собаки требуют родословную].

Некоторые из пословиц и поговорок, касающиеся выбора, не содержат компонента *жена*. Он присутствует в них только на когнитивном уровне:

Жената не е цвете да я помиришеш и познаеш каква е [Женщина не цветок, чтобы ты по запаху узнал, какая она].

Не е пъпеш да го помиришеш, за да видиш зрял ли е [Не дыня, чтобы по запаху узнать, зрелая ли].

В четырех единицах обнаруживается когнитема «жену выбрать трудно»:

Със свещ да я видиш жената, пак излъган ще бъдеш [И умершая женщина может тебя обмануть, букв. «Даже если увидишь женщину со свечой (в руке), (т.е. в гробу), всё равно будешь обманут»][15].

Който иска жена без кусур, без жена остава [Кто мечтает о жене без недостатков, остается без жены].

Либи либе с кусура му [Люби любимую с недостатками].

Който обича мене, обича и кучето ми [Кто любит меня, любит и мою собаку].

[15] Данная паремия относится скорее к группе паремий, говорящих о хитрости и лживости женщины (см. далее в статье). — *Примеч. О.В. Трефиловой.*

В трех единицах подчеркивается, насколько для мужчины важно иметь хорошую жену:

Добрата жена и от имане е по-добра [Хорошая жена лучше клада].

Добрата булка и под вехтия сукман е добра [Хорошая жена (молодуха) и в старом сарафане (букв. «под старым сарафаном») хороша].

Добрата булка и под вето було се познава [Хорошую невесту можно узнать и под старым свадебным покрывалом (фатой)].

Эти пословицы имеют свои семантические параллели и в Библии:

Честит е мъжът с добра жена и броят на дните му е двоен[16] [Счастлив муж доброй жены, и число дней его — сугубое (т.е. удваивается)].

Добрата жена е честит дял [Добрая жена — счастливая доля] Сир. 26: 3.

Който е намерил добра жена, намерил е благо и е получил благодат от Господа [Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа] Притч. 18: 23.

Добронравна жена придобива слава за мъжа [Благонравная жена приобретает славу мужу[17]] Притч. 11: 16.

---

[16] Библия сиреч книгите на свещеното писание на вехтия и Новия завет. София, 2011. Сир. 26: 1. (Далее библейские цитаты даются по этому изданию с отсылками к библейским книгам. В качестве русского соответствия используется синодальный перевод с необходимыми уточнениями (например, с целью разъяснить церковнославянизмы и устаревшие слова). — *Примеч. О.В. Трефиловой*).

[17] В русском переводе (синодальный перевод сделан с еврейского, а не с греческого) этот стих звучит как «Благонравная жена приобретает славу, а трудолюбивые приобретают богатство». Ср. в Толковой Библии: «Благонравная жена приобретает славу (мужу, а жена, ненавидящая правду, есть верх бесчестия. Ленивцы бывают скудны), а трудолюбивые приобретают богатство». Слова, заключенные в скобки, отсутствуют в еврейском (масоретском) тексте и восстанавливаются по греческому переводу Семидесяти (Септуагинте), которому часто отдается предпочтение ввиду неясности антитезы в еврейском тексте, см. подробнее: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. С иллюстрациями. Издание преемников А.П. Лопухина. [Санкт-]Петербург, 1904–1907. Т. 1. С. 460 5-й пагинации. — *Примеч. О.В. Трефиловой.*

Здесь обнаруживается когнитема «хорошая жена очень ценна».

Паремии, в которых отмечается, как важно иметь умную жену, представлены десятью единицами. В пяти из них противопоставляются умная и красивая жена.

Хубавата жена е угодна на очите, а умната на сърцето [Красивая жена угодна глазам, а умная — сердцу].

Умната жена струва повече [Умная жена стоит больше].

Не хвали лична жена, а умна [Не хвали красивую жену, а хвали умную].

Мома гиздосия, булка поразия [Девица-красавица станет женой — всё из рук валится (букв. «Девка — прелестница, жена — бедствие»)].

Отвънка гиздава, в главата гнидава [Снаружи гладкая, внутри гадкая (букв. «Снаружи красивая, в голове — полная гнид»)].

Жена, която е умна и разумна, не оставя мъжа си да страда [Умная и разумная жена не позволит мужу страдать].

Жена с голямо чело, а кон с широки гърди [(Хорошая) жена с высоким лбом, а (хороший) конь — с широкой грудью].

Жена му чини два града [Его жена сто́ит как два города].

В Библии обнаруживаются семантические параллели к этим паремиям:

Мъдрата жена урежда къщата си, а глупавата я съсипва с ръцете си [Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками] Притч., 14: 1.

Одна из этих 10 паремий указывает на отрицательное отношение к уму жены.

Размислена жена непрана оди [Чересчур задумавшаяся женщина в грязной одежде ходит].

В одной единице из 10 паремий об умной и красивой жене подчеркивается, что в женщине крайне редко сочетаются красота и ум:

Хубаво е да имаш жена и умна, и лична, ама Господ две добрини на едно място не прави [Хорошо иметь жену и умную, и красивую, да Господь два благодеяния в одном месте не творит].

Здесь выделяются когнитемы «красота жены не является ценностью» и «ум жены есть ценность»[18]:

Гизда къща не гизди [Не красавица украшает дом (Не красота жены дом красит)].

Хубост къща не крепи [Не на красоте жены дом держится].

Грозна булка дом бере, а хубава сбор бере [Некрасивая жена дом собирает, а красивая — людей вокруг себя].

В болгарских паремиях можно найти и отрицательное отношение к красоте жены («хубавата жена не е само твоя» [красивая жена принадлежит не только тебе]):

Ако жена ти е много хубава, не я пускай сама на сватба [Красавицу жену одну на свадьбу не отпускай].

Имаш ли добро вино и хубава жена, за приятели не плачи [Если у тебя хорошее вино и красивая жена, не жалуйся на отсутствие друзей].

В пяти единицах находим когнитему «жена важна и для мужа, и для дома»:

Жената е най-скъпата покъщнина [Жена — самая ценная утварь в доме].

Де няма жена, няма и къща [Нет жены, нет и дома].

Къща без жена, геран без кофа [Дом без жены как колодец без ведра].

Човек без жена като пън опален [Человек без жены как обгоревший пень].

Дай си, мъжо, жената, та иди в трънето [Отдай, мужик, жену, и пропадешь (букв. «иди в заросли колючек»)].

Встречаются и паремии, в которых отражено противоречивое отношение к жене (шесть единиц):

Жената рай, жената вечна мъка [Жена — и рай, жена — и вечная мука (т.е. ад)].

Жена трябва и за зло, и за добро [Жена нужна и для зла, и для добра].

---

[18] Если учитывать следующие пять паремий, то паремий о красоте и уме жены 15, а не 10. Эти пять паремий автор далее объединяет и приводит еще раз как манифестирующие смысл «красота не важна», см. примеч. 21. — *Примеч. О.В. Трефиловой.*

И с жена мъка, и без жена мъка [И с женой мука, и без жены мука].

С тебе жено зле, а без тебе по-зле [С тобой, жена, плохо, а без тебя еще хуже].

Жената е колкото сладка, толкова и горчива [Жена насколько сладка, настолько и горька].

Жената къща отваря, ама и затваря [Жена дом создает, жена дом и разрушает].

В них обнаруживаем когнитему «жена противоречива, но необходима».

В семи единицах подчеркивается, что в семье должна царить гармония и жена в ней играет отведенную ей природой роль.

На жената господ е мъжо [Для жены Господь — ее муж].

Мъжът е вкъщи глава, а жената — душа [Муж в доме голова, а жена — душа].

Мъжът къщата държи, а жената я краси [Муж дом держит, а жена дом красит].

На жената уреда е до прага, извън прага — на мъжа е [Внутри дома всё принадлежит жене, а снаружи — мужу (букв. «До порога устроение порядка лежит на женщине, от порога — на мужчине»].

Два петля на едно огнище не пеят [Два петуха на одном очаге не поют (т.е. главой семьи должен быть муж)].

Два камика като се търкат, единият трябва да е по мек [Два камня когда трутся, один должен быть мягче].

В една къща двама господари не биват [В одном доме двух господ не бывает].

Последние три примера являются метафоричными, в них отсутствует компонент *жена*, он обнаруживается только на когнитемном уровне.

Паремий, в которых говорится о доминирующей роли жены, девять. В них эта несвойственная жене роль не получает одобрения[19].

Жена му му носи калпака [У него жена в его шапке ходит].

Жената не бие мъжа си, но лесно го надвива [Жена мужа не бьет, но легко одерживает верх].

[19] *Узенева Е.С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2005. С. 340.

Жената иска сякога все по нейната да става [Жена хочет, чтобы всегда было по ее воле].

Женина воля мъжа оголя [Женина воля мужа оголит].

Дай на жена юзда, да ти опустее къщата [Хочешь, чтобы дом опустел, — дай жене узду (т.е. власть)].

Жена много да не знае [Жена не должна много говорить (т.е. не должна делать вид, что много знает)].

Дорде е мома при майка от ягне е по-кротка, га се с мъжку смирише език, аршин показва [Пока девица при матери, кротка, как ягненок, как замуж выйдет, за словом в карман не лезет, скалкой мужу грозит (букв. «аршин[20] показывает»)].

Един петел на десет кокошки седи, та ти ли на една жена не можеш [Один петух десять куриц обхаживает, а ты одну жену не можешь?].

Тя е люта, аз съм кротък, ще поминем [Она люта, я кроток — сойдемся].

Когнитема «жена не должна доминировать над мужем» в болгарских паремиях имеет семантические соответствия в Библии:

Голям срам е, когато жената преобладава над мъжа [(Досада, стыд и) большой срам, когда жена будет преобладать над своим мужем] Сир. 25: 24.

Одна паремия указывает на то, что иногда необходимо спросить совета у жены:

Добре е понякога умна жена да се послуша [Иногда полезно послушать умную жену (женщину)].

В паремиях отражено представление о том, что за любым мужем стоит жена, которая его лепит:

Жена мъжа носи на образа си, а мъжа жената на ризата си [Жена носит мужа на лице, а муж жену на рубашке (т.е. на лице жены отражается то, какой у нее муж, а по одежде мужа можно судить о том, какая у него жена)].

Не питай кой съм, а коя водя [Не спрашивай, кто я, а (спроси,) какая у меня жена].

---

[20] *Аршин* (устар.) — *зд.* металлический предмет длиной в аршин (68,58 см — «турецкий аршин» или 71,12 см — «русский аршин»). — *Примеч. О.В. Трефиловой.*

Мъж ми е, ако искам и владика ще го направя [Муж он мне, если захочу, и владыкой его сделаю].

В шести единицах анализируемого материала обнаруживается когнитемы «жена обыкновенно зла». Злоба является признаком, традиционно приписываемым жене:

По-лош душманин няма от зла жена [Нет врага злее, чем злая жена].

Зла жена яде повече от зла змия [Злая жена жалит сильнее, чем ядовитая змея].

Зла зима си отива, зла жена — не [Лютая зима уходит, лютая жена — нет].

Жената си крие злината като котка нокти [Жена прячет зло, как кошка когти].

Добра жена мъжо рай, зла жена мъжо ад [Для мужа добрая жена — рай, злая — ад].

Жена без злина не бива [Жены без зла не бывает].

В Библии также встречаются параллели эти паремиям, однако семантическая модель болгарских паремий не повторяет библейскую:

По-добре да живееш в пуста земя, отколкото със сърдита и свадлива жена [Лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливою и сердитою] Притч. 21: 19.

Непрестанното капане в дъждлив ден и свадлива жена едно са [Непрестанная капель (т.е. морось, осадки) в дождливый день и сварливая жена — равны] Притч. 27: 15.

По-добре да живееш в ъгъл на покрива, отколкото със свадлива жена вкъщи [Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в пространном доме] Притч. 25: 24.

Всяка злоба е малка в сравнение със злобата на жена [Всякая злость мала в сравнении со злостью жены] Сир. 25: 21.

К единицам, связанным с выбором жены (см. выше), можем добавить и те, в которых подчеркивается, что богатство жены не может быть целью при женитьбе. В них компонент *жена* выражен опосредствованно, через прилагательные, производные от *жена*:

Женино имане пресяда [Деньги жены как кость в горле].

Женските пари не са хаирлии [Деньги жены не приносят счастья].

Женски пари, змейски кости [Женские деньги — драконьи кости (т.е. женские деньги приносят несчастье)].

От женски пари братя се делиле и изтрепале [Братья женские деньги делили и друг друга убили].

В этих паремиях обнаруживаются когнитемы «приданое жены не важно» и «приданое жены не приносит добра».

К группе паремий, указывающих на критерии, которыми следует руководствоваться при выборе супруги, можем добавить и те, в которых мы обнаруживаем когнитему «красота не важна», характерную для болгарского языка[21]:

Гизда къща не гизди [Не красота жены дом красит].

Не хвали лична, а умна [Не хвали красивую, а хвали умную].

Имаш ли добро вино и хубава жена, за приятели не плачи [Если у тебя хорошее вино и красивая жена, не жалуйся на отсутствие друзей].

Имаш ли добро вино и хубава жена, за достове не плачи [Если у тебя хорошее вино и красивая жена, не жалуйся на отсутствие друзей].

Ако жена ти е много хубава, не я пускай сама на сватба [Если у тебя жена очень красивая, не отпускай ее одну на свадьбу].

Грозна булка дом бере, а хубава — сбор бере [Некрасивая жена дом собирает, а красивая — людей вокруг себя].

Этим паремиям имеются параллели в Библии:

Миловидността е примамлива и хубостта — суетна; но жена, която се бои от Господа, е достойна за хвала [Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы] Притч. 31: 30.

Не се вглеждай в хубост женска и не пожелавай жена за похот [Не засматривайся на красоту женскую и не похотствуй на жену (т.е. не желай жену для удовлетворения похоти)] Сир. 25: 23.

Три единицы эксцерпированного материала содержат когнитему «при выборе супруги ценится ее непорочность» («честность»):

[21] Выше эти паремии приводились как манифестирующие смысл «красота жены не является ценностью» («ум жены есть ценность») и «красивая жена принадлежит не только тебе»), см. примеч. 18. — *Примеч. О.В. Трефиловой.*

Честната жена и сред войска да влезе, пак честна ще излиза [Непорочная женщина и через войско пройдет — такой же непорочной выйдет].

Жена и любеница на честта биват [Выбирая жену и арбуз, верят на слово (т.е. жену и арбуз выбирают вслепую, веря, что девушка девственна, а арбуз зрелый)].

Нечестната жена и в кафез да я сложиш, пак ще му намери колая [Распутную жену и в клетку посади — всё равно найдет способ (грешить)].

В болгарском паремийном фонде единиц с когнитемой «жену нужно бить» очень мало (две единицы эксцерпированного материала).

Жена ако не се бие в неделята веднъж зад врато, гнездо лови [Если жене не давать по шее хотя бы раз в неделю, она совсем разленится].

За орей и за жена сака ръка ячка [Для грецкого ореха и жены требуется твердая рука].

Встречаются, однако, и пословицы с когнитемой «жену нельзя бить» (одна единица эксцерпированного материала):

Ако биеш жена си, биеш главата си [Бить жену — всё равно что бить себя по голове].

В двух единицах скрыта когнитема «жену легко найти».

Жена и съдран калпак лесно се добиват [Жену и рваный колпак[22] найти легко].

Жена и съдрана капа лесно се спечелват [Жену и рваную шапку найти легко].

В болгарском языке встречается большая группа паремий, в которых обнаруживается когнитема «жена хитра» (10 единиц эксцерпированного материала).

На жената дяволите в тила ѝ се мътят [У женщины черти в затылке выводятся].

Дяволът е дявол, ама жената е по-дявол [Дьявол есть дьявол, а женщина — еще больший дьявол].

---

[22] *Калпак* — традиционная мужская шапка типа вытянутой папахи. — *Примеч. О.В Трефиловой.*

Жената е голям дявол [Женщина — большой дьявол].

Жената е дявол (съблазнителница) [Женщина — дьявол (соблазнительница)].

Жената се надява на плача си, а лъжеца на лъжата си [Женщина надеется на слезы, а лжец — на ложь (т.е. женщина надеется на то, что ее слезы решат проблему, а лжец — что его ложь)].

Жена и лисица како ги е една майка родила [Женщина и лиса — словно их одна мать родила].

Жена се смее кога може, а плаче кога ще [Женщина смеется, когда может, а плачет, когда хочет].

Жената има 99 дупки и за тях 102 похлупки [У женщины 99 отверстий и к ним 102 заслонки (т.е. женщина всегда найдет, что ответить, как выйти из положения)].

Парата е дявол, ама жената е по-дявол. [Деньги — дьявол, а женщина хуже дьявола].

Жена синор (вера) няма [У женщины межи нет (или: Женщине нельзя верить) (о доступности женщины)].

Семантические параллели обнаруживаются и в Библии:

От жената е началото на греха, и чрез нея всички умираме [От жены — начало греха, и через нее (т.е. из-за нее) мы все умираем][23]

Когнитема «хороша работящая жена» противопоставлена когнитеме «плоха ленивая жена» (3 ед.):

Жена работница ноще й свети къщата [У работящей женщины с ночи в доме свет (т.е. встает рано)].

Мързелива жена къща запустява [У ленивой жены и дом запущенный].

Галена жена хурка не преде [Балованная жена за прялкой не сидит].

В болгарском языке встречаем одну единицу, в которой осуждается повторная женитьба.

Нахапана чушка да не ядеш, разоставена жена да не вземаш [Надкусанный перец не ешь, разведенную жену не бери].

[23] Сир. 25: 27. — *Примеч. О.В. Трефиловой.*

С другой стороны, в четырех единицах, в которых компонент *жена* отсутствует, обнаруживается и когнитема «жену выбирают по любви»:

Дето сърцето бежи, там и окото лежи [Глаза за сердцем следуют].

Жени се без любов, ходи без пушка на лов [Жениться без любви — как ходить на охоту без ружья].

Любов хубост не гледа [Любят не за красоту].

Любовта е сляпа [Любовь слепа].

Семантическая модель этих пословиц метафорична.

В болгарском языке имеются пословицы и поговорки, подчеркивающие, что жена не может быть верной (семь единиц).

На жена, катър и куче който хваща вяра, ум няма [Глуп тот, кто верит женщине, мулу и собаке].

Пушката до себе, жената при тебе [Ружье и жену держи при себе].

Жена и кокошка синор нямат [У женщины и курицы межи нет (о доступности женщины)].

Жената е като водата, накъдето я поведеш натам отива [Женщина что вода, куда ее направишь, туда и пойдет].

Жената е като върба, където я насадиш, там расте [Женщина что верба, где ее посадишь, там и растет].

Женско сърце, памучен чорап, растяга се [Женское сердце что хлопковый чулок, растягивается].

Жената не мисли за мъж само когато я хапе куче и минава през дървен мост [Женщина не думает о мужчине только тогда, когда ее кусает собака или когда она переходит (реку) по деревянным мосткам (т.е. в случае опасности)].

На жена да са къси пътеките [Жена не должна уходить далеко (от мужа), букв. «У жены пусть будут коротки дороги»].

В них обнаруживаем когнитемы «жену необходимо стеречь», «жена не может быть верной».

В эксцерпированном болгарском материале отсутствует когнитема «чужая жена очень привлекательна».

Небольшая группе паремий (три единицы) содержат когнитему «с женой-растратчицей очень трудно»:

Имай жена разсипница, та да ти запустее къщата [Хочешь, чтобы дом опустел, — возьми расточительную жену].

Мъж да принася с колата, жена да изнася с иглата, пак не става [Даже если муж будет приносить (в дом) телегами, а жена будет выносить на кончике иглы, всё равно это не сравняется (т.е. жена вынесет больше)][24].

Жена знае «дай мъжо», а не «дай боже» [Жена знает «дай, муж», а не «дай, Боже»].

В пяти паремиях подчеркивается, что жена непостоянна, корыстолюбива, болтлива и опасна:

Жена мъжа жалее, дор го гледа пред нея [Жена мужа жалеет, пока он у нее перед глазами].

Жена мъжа толкоз помни, колкото ври отнето гърне [Жена помнит о муже столько, сколько кипит еда в снятом с огня горшке].

Ако нямаш пари, жена не те чести [Если у тебя нет денег, женщина тебя не уважит].

Жената не казва сал, което не знай [Женщина не говорит только о том, о чем не слышала (т.е. всё, что знает, разбалтывает)].

Жена, огън и море, да не срещаш по-добре [Нет ничего хуже, чем женщина, огонь и море].

В одной единице осуждается женское пьянство:

Пази боже от туна беда, от пияна жена и от бясна свиня [Боже сохрани от лихой беды, от пьяной женщины и бешеной свиньи].

На основе проанализированного материала можно сделать следующие выводы:

В болгарском языке наблюдается динамика при раскрытии концепта *жена*, выраженная посредством предикатов *избирам* 'выбирать', *срещам* 'встречать', *жалея* 'жалеть', *казва* 'говорить', *обичам* 'любить', *зная* 'знать' и др.

[24] Здесь явная отсылка к поговорке *Прибира с иглата, изнася с колата* [Приносит на иголочке, выносит телегами] (о крайне расточительном человеке), см., например: *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова К.* Фразеологичен речник на българския език. Т. 2. София, 1975. С. 207. — *Примеч. О.В. Трефиловой.*

На базе болгарских пословиц и поговорок можно охарактеризовать концепт *жена*, который формируется в языке с помощью сравнительно большого числа прототипичных когнитем:

— жена очень ценна для мужа;
— жену нужно выбирать по семье;
— красота жены не ценна;
— жена не должна доминировать над мужем;
— умная жена более ценна, чем красивая;
— есть хорошие жены;
— хорошая жена ценна;
— жена часто зла;
— злая жена хуже всего;
— жену нужно бить;
— жену нельзя бить;
— жена хитра.

В болгарском языке можно выделить и когнитемы, встречающиеся реже:

— жена неверна;
— жена опасна;
— жена болтлива;
— жена расточительна;
— жена корыстоюбива;
— пьющая жена плоха.

Когнитемы «хорошая жена ценна», «умная жена более ценна, чем красивая», «красота не есть ценность», «жена часто зла» имеют семантические параллели в Библии, говорящие о том, что стереотипные представления о жене в болгарском языке связаны с библейскими и христианскими представлениями.

Так как концепт *жена* в болгарских пословицах разработан весьма тщательно, он свидетельствует о преобладании мужского представления о женщине и жене[25] и о патерналистском характере традиционного болгарского общества.

В болгарских паремиях могут отсутствовать повторы библейских семантических моделей и наблюдаются преимущественно семантические параллели.

[25] *Иванова Е.* Мир в английских и русских пословицах. С. 214

Эти факты опять-таки указывают на патерналистский уклад традиционного болгарского социума.

Проанализированные паремии отражают менталитет жителей болгарских сел и небольших городков. Разницы между понятиями *женщина* и *супруга* не обнаруживается. Лексема *жена* употребляется вместо *супруга*. В некоторых случаях концепт *жена* выявляется только на когнитемном уровне. Несмотря на то что роли жены и мужа четко распределены в семье и доме, жена обыкновенно изображается как противоположность мужу. Народные представления о ней противоречивы, жене приписывается больше отрицательных качеств, чем положительных, это вновь отсылает к библейскому образу женщины как источника греха.

РЕЗЮМЕ

ОСОБЕНОСТИ НА НАЦИОНАЛНИЯ МАНТАЛИТЕТ НА БЪЛГАРСКИТЕ ПОСЛОВИЦИ ЗА ЖЕНА

В статията се прави опит за реконструкция на концепта *жена* в българските пословици и поговорки въз основа на когнитивен анализ. Обяснени са термините *концепт*, *когнитема*, *когнитивна структура*. След анализа на концепта *жена* са направени изводи за концептуалните признаци, изведени от паремиите, и за националния манталитет на традиционния българин.

АВТОРЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ СБОРНИКА

Аретов Николай — доктор филологических наук, профессор отдела «Литература Болгарского возрождения» Института литературы БАН. Область научных интересов: болгарская литература XVIII–XX вв., сравнительное литературоведение, национальная идентичность, имагология и др. Автор 12 книг, в том числе монографий на болг. языке «Переводная литература первой половины XIX в.» (1990), «Болгарское возрождение и Европа» (1996, 2007), «Национальная мифология и национальная литература» (2006) и др. Руководитель и участник более 10 национальных и международных научных проектов. В разные годы преподавал (и преподает) в университетах: Пловдивском им. Паисия Хилендарского, Великотырновском им. свв. Кирилла и Мефодия, Софийском им. св. Климента Охридского, софийском Новом Болгарском. Член Болгарского комитета Балканских научных исследований. Редактор академического журнала «Литературна мисъл» с 2012 г. Лауреат премии им. Христо Данова в области гуманитарных наук (2013).

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник и ученый секретарь отдела истории славянских народов в период мировых войн (Институт славяноведения РАН). Область научных интересов: история Болгарии и Сербии, Балканские войны, Первая мировая война, общественное мнение, история дипломатии, модернизационные процессы, неославизм. Автор более 20 научных работ.

Дамянова Румяна — доктор филологических наук, профессор, руководитель отдела «Литература Болгарского возрождения» Института литераторы БАН. Область научных интересов: литература и культура Болгарского возрождения, документальные жанры, паратекстуальность, создание стереотипов, эмоции, культурные центры, нормативная книжность и др. Автор книг «Илия Волен. Литературни анкети» (1980), «Писмата в културата на Българското нето» (2004), «Емоциите в културата на Българското възраждане» (2008). Кавалер

награды «Пифагор» БАН, присуждаемой за несомненные достижения в области общественных и гуманитарных наук (2009).

Илчева Радослава — доктор филологии, старший научный сотрудник II степени отдела «Русская литература» Института литературы БАН. Область научных интересов: русская литература XVIII–XIX вв., сравнительное литературоведение, поэтика, культурология, литературная антропонимика, русская эмиграция.

Искендеров Петр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов нового времени (Институт славяноведения РАН). Лауреат премии для молодых ученых (РАН). Сфера научных интересов: история Сербии и Черногории в новое время, вопросы отношений этих стран с Албанией, роль России в системе международных отношений в конце XIX — начале XX в. Автор более 100 научных работ, в том числе монографии «Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX в.».

Калиганов Игорь Иванович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Первый лауреат I премии памяти Макария (Булгакова) — митрополита Московского и Коломенского (1997), лауреат международной премии свв. Кирилла и Мефодия (2006), кавалер болгарского ордена Стара-Планина I степени (высшая президентская награда, 2000) и почетного знака им. М. Дринова (высшая награда Болгарской академии наук, 2006), награжден знаком «Почетный работник науки и техники РФ» (2007) и др. отличиями. Сфера научных интересов: история болгарской, русской и сербской литератур IX–XX вв., история славянских стран, вопросы истории славян и славянских культур в более широком смысле. Автор 8 книг (5 в соавторстве): «Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков» (совместно с Д.И. Полывянным, 1990), «Георгий Новый у восточных славян» (2000), «Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур» (2006), «Проблемы истории и культуры славянских народов». (2015), глав и разделов по истории литературы и культуры Болгарии и Сербии (Средневековье и Национальное возрождение) в «Очерках культуры славян» (1993), «Истории литератур западных и южных славян» (т. I, 1997), «Истории культур славянских народов» (т. I и II, 2007). более 30 общих и специальных статей в «Лексиконе южнославянских литератур» (2012) и т.д. Около 40 лет по совместительству в разные годы читал лекции, вел семинары и практические занятия по болгарскому языку, болгарской,

русской и сербской литературам, истории славянских литератур и культур, истории Болгарии и Сербии, введению в славяноведение, фольклору и этнографии славянских народов и др., преподавая в МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте русского языка им А.С. Пушкина, Дипломатической академии МИД СССР, Военном институте, Гос. Академии славянской культуры, МГИМО и РГГУ. Был деканом филологического факультета Гос. Академии славянской культуры (2004–2009, 2009–2014), основал на факультете кафедру славянских языков и культур (2005–2014) и научно-исследовательский центр «ЭСТРИКА» [Славянские Культуры: Корни и Крона] (2005–2015). В данном сборнике выступает в качестве отв. редактора, автора предисловия и статьи, переводчика с болгарского языка статей ученых К. Михайлова и Н. Аретова и составителя именного указателя.

Китанова Мария — доктор филологии, профессор, руководитель отдела этнолингвистики Института болгарского языка им. Любомира Андрейчина (БАН), председатель Болгарского национального комитета славистов. Сфера научных интересов: этнолингвистика, когнитивистика, лингвокультурология. Автор свыше 110 публикаций, в том числе 6 монографий: на болг. языке: «Стилистическая фунция диалектизмов в современной художественной прозе» (2008); «Этюды по этнолингвистике» (2010); «Свой о чужих и чужой о своих» (2012), «Род, семья и дом в болгарской культуре и языке» (Saarbrücken / 2015, на рус. языке) и др. Кавалер золотой медали (на ленте) им. свв. Кирилла и Мефодия (Славянский фонд РФ, 2015), Преподавала в Софийском университете им. Климента Охридского (1980–1987, 1990–1993) и МГУ им. М.В. Ломоносова (2006–2008).

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Сфера научных интересов: история и культура Болгарии, Сербии и России XIX — первой половины XX в. и история православных церквей указанных стран. Автор 13 монографий, в том числе «Русская политика в Болгарии. 1879–1894» (М., 1991), «Константин Леонтьев. Размышления на славянскую тему» (М., 1997), «Русская церковь в Югославии (20–40-е годы XX в.)». (М., 2000), «Русские краски на балканской палитре» (М., 2010). В качестве профессора вел преподавательскую работу в Православном Свято-Тихоновском университете, член редколлегии журнала «Славяноведение».

Манолакев Христо — доктор филологических наук, профессор Великотырновского университета свв. Кирилла и Мефодия. Область научных интересов: история и поэтика русской литературы XIX в.,

болгаро-русские литературные взаимоотношения XVIII–XX вв., русская литературная эмиграция в Болгарии (1919–1944 гг.). Автор монографий: «Между образа и четенето (Руската преводна белетристика през Българското възраждане)» (1996), «Текст и Граници. А.С. Пушкин и неговите "Повести на Белкин"» (2001), «Руският роман от втората половина на XIX век (история, типология, херменевтика) (2015), «Слово и Тяло. Из историята и херменевтиката на руския литературен канон на XX век» (2017).

Михайлов Камен — доктор филологических наук, профессор отдела «Литература Болгарского возрождения» Института литературы БАН. Автор монографий: «Петко Славейков — поетически послания. 1827–2002». (2002), «Български/булгарски образи в рускоезична среда» (2014), «Мемоаристиката на ранните руско-турски войни» (2014). Издание документов: «Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали». [Съставительство и предисловие М.Г. Смолянинова. Редакторство: М.Г. Смолянинова и К. Михайлов. Коментарии: К. Михайлов] (София, 2005). Написал ряд глав и статей для многотомных «Истории болгарской литературы» и «Словаря болгарской литературы» (1992), трудов «Энциклопедия Болгарского возрождения. Литературная и культурная жизнь» и «Периодическая печать» (1993–2006), участвовал в издании трудов классиков болгарской литературы Пенчо Славейкова (2001–2002) и Васила Друмева (2005). Преподавал в университетах Софийском им. Климента Охридского и Пловдивском им. Паисия Хилендарского и в качестве зарубежного лектора в университетах Брянском им. И.Г. Петровского и Будапештского им. Лоранда Йотвёша.

Пономарева Нина Николаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (ныне на пенсии). Основные направления научных исследований: литературный процесс в Болгарии XX–XXI вв. — поэзия, проза, драматургия; отражение в литературе общественно-политических и социально-нравственных конфликтов в обществе; стилистический и жанровый облик литературы на разных этапах ее развития, типологические параллели между болгарской и русской литературами и рецепция болгарской литературы в России. Преподавала болгарский язык в Дипломатической академии МИД СССР, составитель (совместно с М. Йотовым) «Болгаро-русского словаря» (1959), Автор монографии «Современная болгарская драматургия» (1974), разделов по болгарской литературе «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (т. 1. 1945–1960 гг. и т. 2. 1970–1980 гг.:

М., 1995, 2001); опубликовала более 20 статей о болгарских писателях XX столетия в «Лексиконе южнославянских литератур» (М., 2012).

Пытова (Пътова) Николета — доктор филологии, главный ассистент Института литературы БАН. Область научных интересов: литература Болгарского возрождения, зарождение болгарской национальной идентичности и отражение этого процесса в литературе XIX в., драматургия Болгарского возрождения, развитие критической мысли в Болгарии XIX в. Автор монографии «Драматургията на българското. Националната идентичност във възрожденската драма» (2012). Читает лекции в Софийском университете им. св. Климента Охридского и Пловдивском университете им. Паисия Хилендарского.

Русев Радостин — доктор филологии, доцент Института литературы БАН. Область научных интересов: русская литература XX–XXI вв. (поэтика, направления; болгаро-русский литературный диалог; культура и литература русской эмиграции в Болгарии в 20-е и 30-е гг. XX в.; постмодернизм). Автор монографий «С маска и няколко лица. Валентин Распутин и руската "селска проза" (60-те-80-те г. на XX век)» (2000). Отв. редактор энциклопедического справочника «Периодика на руската емиграция в България 1920–1943» (2012), руководитель научно-исследовательских проектов «Руската литературна емиграция в България (20-те — 40-те г. на XX век)» (2007–2012) и «Руската литература в мрежата: текстове и четене» (2007–2010).

Сивриев Сава — доктор философских наук, профессор Шуменского университета (ныне на пенсии). Сфера научных интересов: история болгарской и русской литератур XIX — начала XX в., Библия в болгарской литературе, поэтика болгарской литературы. Автор более 100 научных работ, в том числе 6 монографий, среди которых: «Чудесно раждане. Работи по литературна история» (1995), «Книга Псалтир в българската поезия» (2004), «Екзегези. Из историята на българската литература» (2012), «Индивидуализъмът в българската лирика от края на XIX в. до началото на XX век» (2017). Участник 10 международных и университетских научно-исследовательских проектов.

Смирнова Ирина Николаевна — окончила филологический факультет Гос. академии славянской культуры и аспирантуру без отрыва от производства в Институте славяноведения РАН (2017). Специализируется в области болгарской литературы XIX–XX вв. Работает над кандидатской диссертацией на тему «Женские образы

в болгарском фольклоре и в поэзии XIX– первой половины XX в.», имеет около 10 публикаций на эту тему. В данном сборнике выступает как автор переводов статей болгарских ученых Савы Сивриева, Радостина Русева и Христо Манолакева.

Смольянинова (Чемоданова) Марина Геннадьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специалист по болгарской литературе XVIII–XIX вв. Исследования: монография «Творчество Васила Друмева и становление болгарской национальной литературы» (София,1987) и разделы о болгарской литературе эпохи национального Болгарского возрождения во II томе «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997). Издание документов: «Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали». [Съставительство, предисловие М.Г. Смолянинова. Редакторство: К. Михайлов, М.Г. Смолянинова. Коментарий: К. Михайлова] (София, 2005). Указанная монография автора и изданные совместно с К. Михайловым документы о В. Друмеве были переизданы ею вторично в Софии в 2012 г. См.: М.Г. Смольянинова. «Васил Друмев (митрополит Климент)». Составитель, автор предисловия, комментариев и перевода ряда повестей в издании: «Л. Каравелов «Болгары старого времени. Избранные произведения» (2002). Член международной ред. коллегии газ. «О письменах» (За буквите», Болгария). Награды: медаль и почётная грамота Министерства культуры Республики Болгария (2002), почётный знак им. Марина Дринова — высшая награда Болгарской академии наук (2005), награда Министерства образования и науки Республики Болгария (2008). Читала курс лекций по болгарской литературе в МГУ им. М.В. Ломоносова в 2006/2007 уч. г. В данном сборнике выступает как переводчик статей болгарских ученых Румяны Дамяновой, Николеты Пытовой и Илии Тодева.

Тодев Илия — доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований БАН. Сфера научных интересов: история церкви, история Болгарии, России, Османской империи и Балкан, особенно Восточный вопрос, национальная идея, просвещение и танзимат. Автор многочисленных научных публикаций, в том числе семи книг на болгарском языке: «Болгарское национальное движение во Фракии: 1800–1878 гг. (1994); «Треугольник надежды. Студии и эссе по Болгарскому возрождению» (1995), «Доктор Стоян Чомаков. (1819–1893). Жизнь, дело, потомки» (2003); «Иное прошлое или игнорируемые стороны Болгарского национального возрождения»

(1999); «Болгарское национально-революционное движение (1853–1878); «Нетрадиционные вариации традиционной темы» (2005); «Батак 1876 — миф или история? Актуальные тексты по Болгарскому возрождению» (2013); «Человек — историческое животное. Рефлексии и саморефлексии» (2015).

Трефилова Ольга Владимировна — окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру Института славяноведения РАН, научный сотрудник указанного института, научный редактор журнала «Живая старина», издаваемого Государственным республиканским центром русского фольклора. Сфера научных интересов: старославянский и церковнославянский языки, балканское языкознание, болгарская диалектология, этнолингвистика и фольклор. Имеет несколько десятков статей по указанной проблематике. В данном сборнике выступает как переводчик всех болгарских пословиц и ряда примечаний в статье М. Китановой.

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Истории славянских народов нового времени» Института славяноведения РАН. Сфера научных интересов: история Болгарии эпохи национального Болгарского возрождения, Автор свыше 110 научных работ, в том числе двух монографий: «Александр Дмитриевич Чертков (1789–1859)» (2007) и «Из истории московского дворянства. "Задумывая академию художеств". 1833–1843». (2016). Первая из них завоевала III премию им. Макария (Булгакова) — митрополита Московского и Коломенского (2007), вторая — II премию «Серебряный витязь» на VIII Международном славянском литературном форуме «Золотой витязь» (2016). Является составителем т. III сборника «Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали» (София, 2002).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

акад. — академик
алб. — албанский
амер. — американский
ант. — античный
болг. — болгарский, болгарская
венг. — венгерский
ген. — генерал
еп. — епископ
жур. — журналист
импер. — император
инд. — индийский
исп. — испанский
ит. — итальянский
кор. — корреспондент
лейт. — лейтенант
лит. — литературный
мак. — македонский
нац. — национальный
нем. — немецкий
пер. — переводчик, перевод
писат. — писатель
полк. — полковник
польск. — польский
просвет. — просветитель
пут. — путешественник
рев. — революционер, революционный
рим. — римский
рос. — российский, российская
рус. — русский, русская
серб. — сербский
слов. — словенский
тур. — турецкий
учен. — ученый
филос. — философ
фр. — французский
худ. — художник
черногор. — черногорский
югослав. — югославский

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдул Меджид, тур. султан 29
Аблова Р.Т., болг. учен. 252
Абрамов Ф.Ф., ген. 238, 256
Август Октавиан, рим. импер. 187
Авксентий Велесский, болг. еп. 72
Аксаков Иван Сергеевич, рус. писат., славянофил 77
Александр I Баттенберг, болг. князь 48
Александр II, рос. импер. 7, 17, 82–84, 89–91, 93, 98–100, 104–106, 109–110
Александр III, рос. импер. 110
Андреев Леонид, рус. писат. 19, 147–149, 151–152, 157–158
Анчел Э., венг. этнограф 161
Априлов Васил, болг. просвет. 29–31, 44
Апухтин А.Н., рус. писат. 10
Аренс Е. учен., воен. теоретик 85
Аретов Николай, болг. учен. 3, 17, 39, 298
Арнаудов Михаил, болг. учен. 49
Арнаудов Х. 49
Артамонов Н.Д. учен., воен. теоретик 85
Арцыбашев М.П. 10
Атанасов Д., офицер 179
Ахматова Анна, рус. и сов. поэт 230, 232–233

Б

Байрон Джордж, англ. поэт 51
Бакалов Георгий, болг. критик 234
Балевский Васил, болг. учен. 15
Батакович Д., югослав. и серб. учен. 171
Белинский Виссарион, рус. критик 41
Белый Андрей, рус. писат. 214, 216–217, 219–220, 222–225
Белчев Х., болг. министр 50
Беляев Н.И., воен. историк 88, 93, 100
Бем А.Л, рос. учен., 235
Берг Николай, рос. пут. 78
Берия Лаврентий Павлович, сов. гос. деят.
Берон Петр, болг. просвет., учен. 62
Бибиков И.И., рус. офицер 98
Бирман Михаил Абрамович, сов. и рос. учен. 177
Бицилли Петр, рос учен. 200, 235–236
Блок Александр, рус. и сов. поэт 214, 216–217, 219–221, 232
Бобчев Н.С., болг. учен. 234
Бобчев Стефан Савов, болг. жур., политик 234
Богаевский Африкан Петрович, ген.-лейт., казачий атаман 14, 241–242, 264
Богданович Д., югослав., серб. учен. 181
Бозвели Неофит, бол. просвет., писат. 25–27
Божикова Милена, болг. учен. 15
Бойль Ф., англ. жур. 94, 114–115
Болетини И., алб. политик 171, 173–174
Бончев Нешо, болг. критик 67
Борис, принц 20
Борис III, болг. царь 13
Ботев Христо, болг. поэт, рев. 41–42
Боткин С.П., учен., лейб-медик 103–104
Боханов А.Н., учен. 110

Бояринов А.И. 239
Брюсов Валерий, рус. поэт, пер. 219
Булавин Кондратий, предводитель восстания 238
Бусилин Георгий, болг. студент 13

В

Вазов Иван, болг. классик 7, 19–20, 45, 48, 147, 151, 154, 157–158
Валуев П.А., член Государственного совета, министр
Вапцаров Никола, болг. поэт 46
Васкидович Эмануил, болг. просвет. 55, 62
Веймар Ф.П., ген.-майор 98
Веллеслей Ф.А., англ. полк. 107
Велчев Велчо, болг. ученый 235
Вельяминов, рус. ген. 134
Венедиктов Григорий Куприянович, рос. учен. 5, 10, 13
Венелин Юрий Иванович, рус. учен. 27, 29–30, 44
Верещагин В.В., худ. 94
Вертинский Александр, певец 256
Виноградов В.Н., сов. и рос. историк 162, 168
Владыкин Георгий Михайлович (Казак Георгий), рус. эмигрант, худ. 17, 54–56, 61, 63–64
Власов, сов. ген. 256
Влахов Д., деят. мак. нац. движения 166
Водовозов В. 190
Войде К.М., учен., воен. теоретик 85
Вольский Ст. 193, 195
Воронов, сов. ген. 257
Воронцов-Дашков И.И., рос. ген.-лейт. 103
Врангель П.Н., барон, ген., 256

Г

Газенкампф М.А. рос. учен., воен. теоретик 85, 95, 109–110
Ганчев С. 56
Гартвиг Н.Г., рус. посланник 115, 178
Гасфельд (Шевалье) Н.И. 180, 196, 270
Гачев Георгий Дмитриевич, рос. учен. 6, 10, 269
Гвоздев В.В., рос. учен. 281
Гегель, нем. философ 202
Гейсман П.А., рос. учен., воен. теоретик 86
Георгидзе, рус. полк. 247
Георгиев А. болг. историк 140–141, 262
Геров Наден, болг. учен., писат. 13, 48, 75
Гете 214, 217
Гешов И. 188
Гитлер 256, 261
Гладстон Уильям, 144
Глубоковский Г. 14
Голицын 2–й Б.Д., светлейший князь, ген.-адъютант 97
Гомер, ант. поэт 51
Городецкий Сергей, рос. поэт 232
Горчаков кн., диплом. 26
Горький Максим, рус. и сов. классик 149
Граббе М.Н., граф, ген.-лейт., казачий атаман 240, 264
Григорович Виктор Иванович, рос. учен. 27, 56, 63
Гриппенберг, рос. командир 131
Гришина Ритта Петровна, рос. учен. 184, 195, 199
Губарев Г.В., составитель словаря о казаках 241
Гумилев Николай Степанович, рос. поэт 232

Гурко Иосиф Вадимирович., ген.-майор 18, 114, 116–117, 120, 122, 125–127, 133–135
Гусев Никита Сергеевич, рос. учен.13, 19, 182, 299
Гуссерль Эдмунд Густав Альбрех, нем. философ 191
Гюго Виктор, фр. писат. 144

Д

Дамянова Румяна, болг. учен. 3, 11–12, 17, 54, 61, 63, 298
Дандевиль Виктор Дезидербевич, рус. ген. 126, 129, 130–131
Данте Алигьери, ит. поэт 51
Дибич Иван Иванович, рос. военачальник 55, 57, 59–60
Димитров Божидар, болг. учен. 140
Димитров Георгий, болг. политик 163
Димитров Михаил, болг. учен. 69–70
Димитрова Нина, болг. учен. 15
Домонтович М.А., историк, воен. теоретик 85–86
Дондуков–Корсаков, рус. князь 28
Доспевский Станислав, болг. худ. 63
Достоевский Федор Михайлович, рус. классик 142, 144, 154, 233, 235
Дринов Михаил, болг. учен. 66
Друмев Васил (Климент, митрополит Тырновский), болг. писат., церковный иерарх 47–48
Дубецкий В.О., рос. снабженец 97–98
Дядо (Дед) Иван, фольк. образ 39, 45

Ж

Жинзифов Райко, болг. писат. 13, 47–48, 66–67, 78

З

Заимов С. 48
Захарова Л.Г., рос. учен. 89, 101, 109
Зименков А. 253
Златаров Асен, болг. писат. 51
Злыднева Наталья Витальевна, рос. учен. 11
Золотарев В.А. сов. и рос. учен. 86–87, 93–94
Зотов П.Д., ген.-майор 84

И

Иван Грозный, рус. царь 187
Иван Кобургский, мифический болг. царь 207
Иванов А.Д., рос. жур. 114–115
Иванов Вячеслав, рус. поэт 214, 221
Игнатьев Николай Павлович, граф, дипломат, рус. гос. деят. 28, 97, 104
Иеремия, прор. 149
Икономов Тодор, болг. писат. 50
Иларион Макариопольский, болг. еп. 72
Илчева Радослава, болг. учен. 3, 12, 20, 237, 299
Исайя, прор. 149
Искендеров Петр Ахмедович, рос. учен. 18, 160, 300

Й

Йованович Хаджи Йован, болг. просвет. 62

К

Казак Георгий (см. Владыкин Георгий Михайлович), рус. эмигрант, худ. 17, 54–56, 61, 63–64
Калайдович Константин Федорович, рос. учен. 27
Калиганов Игорь Иванович, рос. учен. 2–5, 8, 11–12, 18, 35, 46, 51, 112, 299

Каравелов Любен, болг. писат., учен. 66–78
Карагеоргиевич Петр I, серб. король 19, 185, 198
Караджич Вук, серб. учен. 27
Каталей, рос. ген.-лейт. 132
Кемали И., деят. алб. нац. движения 171, 179
Кийл Михаил, амер. учен. 141
Китанова Мария, болг. учен. 4, 12, 280, 300
Кладищев Д.П., рос. полк. 109
Клейнмихель, рус. граф, военач. 134
Княжески Захарий, болг. просвет. 44
Ковган Н. 252
Коковцов В.Н. 189
Кондаков Н.П., рус. учен. 14
Конев Илия, болг. учен. 63
Коновалов Г.И., рус. ген. 264
Константин Великий, виз. импер. 207
Константинов К., болг. пер. 232–233
Константинова Элка, болг. учен. 68
Копержинский К., сов. учен. 69
Копитар Варфоломей, словен. учен. 27
Корнилов Лавр Георгиевич, рус. ген., военачальник, учен. 14, 241
Косик Виктор Иванович, рос. учен. 11–12, 19, 300
Коссинский В.Д., ген.-майор 90
Костова-Панайотова Магдалена, болг учен. 15
Коюв Витан, болг. худ. 65
Кравчинский М.Э., рос. учен. 243
Краснов П.Н., казачий атаман 241
Кудинов Павел Назарович, руководитель казачьего восстания 21, 245, 249, 252–253, 259–262
Кудинова Пелагея Ивановна, супруга Кудинова П.Н. 255, 259–263
Кузнецов Феликс Феодосьевич, сов., рос. учен. 237, 247, 249–250, 353, 259, 262
Кузьмин Михаил, рус. поэт 232
Кульчар К., венг. правовед 161
Кунчев Красимир, болг. учен. 9
Кутепов Александр Павлович, ген., один из лидеров белого движения 20, 242
Кыршовский И., болг. эмигрант 49

Л

Лавицкая М.И., рос. учен. 163
Лакофф Дж., лингвист 284
Лангакер Р.В., 281
Лапин В.В., рос. учен. 88
Ле Мотт, фр. кор. 114
Левандовский А.А., рос. учен. 109
Левицкий К.В., рус. ген.-майор 85, 101, 108
Ленин Владимир Ильич 149
Леонтьев К.Н. 10
Лика К., деят. алб. нац. движения 173–174
Липпман Уолтер, амер. жур. 191, 198
Липранди И.П., рус. ген.
Лихтенбергский Николай Максимилианович, граф 120
Лонль Дик, кор. 114
Лукеш, кор. 95
Львова Евгения Петровна, рос. учен. 63
Люцканов Йордан, болг. учен. 20
Ляшенко Л.М., рос. учен. 90–91

М

Мавродинов А.Н. 63
Мавродинов Никола, болг. учен. 62, 64

Макарова Ирина Феликсовна, рос. учен. 28
Макарцев Максим Максимович, рос учен. 12
Мак–Гахан Дженьоарис, амер. жур. 94, 144–145
Мак-Картн Джастин, амер. жур. 144–145
Максимов Н.В., рос. кор. 93
Малая Е.К., рос. учен. 161
Мальцев Орест, сов. жур. 254, 257–259, 261–262
Мамарчев Георгий, рус. офицер 257
Мамонтов Н.П. рус. офицер 194
Мандельштам Осип Эмильевич, рос. поэт 232
Манолакев Христо, болг. учен. 14, 14, 20, 227, 300–301
Мережковский Дмитрий, рус. писат. 214–216
Мариенгоф Анатолий 15
Маркова Зоя, болг. учен. 28
Мартел Г., брит. учен. 168
Мартынов Е.И. 184, 188, 189, 192, 194, 198
Масальский Н.Ф., князь, ген. 85
Мефодий митрополит Старозагорский, болг. церковный иерарх 185
Миклошич Франц Ксавер, слов. лингвист 27
Миладинов Константин, болг. поэт, учен. 47, 66,
Милан Обренович, серб. князь, первый серб. король из рода Обреновичей 185
Миларов Светослав, болг. писат., рев. 48–50
Милев Гео, болг. поэт, 11
Милчаков Ян, болг. учен. 10
Милютин Д.А., рос. министр 85, 89, 97, 101
Минкова Лиляна, болг. учен. 13
Мисирков К., деят. мак. нац. движения 179
Михайлов Камен, болг. учен. 3, 11–12, 16, 23, 301
Михалчев Димитр, болг. посол 52
Монтегю Ирвинг (Motagu Irving) 142
Мочульский (Мочулски) Константин, рус. учен. 14, 20, 230–231, 233
Мустаков К. 62
Мутафчиева Вера, болг. писат., учен. 144

Н

Набойщиков Г.Ю., офицер 253, 258–263
Назиф-эфенди, тур. наместник 126–127
Начович, болг. министр. 204
Неклюдов А.В., рус. дипломат 165
Некрасов Игнат, казачий атаман 238
Немирович-Данченко Василий Иванович, рус. писат. 28, 94, 188, 191–194, 197
Неофит Рильский, болг. писат., просвет. 62
Нижегородцев Р.М., рос. экономист 164
Никитин С.А., рос. учен. 69
Николаев Вс., болг. акад., учен. 100
Николай I, рос. импер. 25, 44–45
Николай II, рос. импер. 110
Николай Николаевич, великий князь 91, 93–94, 100, 106, 198–109
Николова Ю., болг. учен. 56
Ницше Фридрих, нем. филос. 155, 214, 218, 220, 222, 224
Ничев Боян, болг. учен. 228
Норд Л.Е., рус. офицер 99

О
Обручев Н.Н. ген.-адъютант 107
Орлинов Орлин, болг. писат. 46
Орлов Д.И., рус. полк. 98
Осман-паша, тур. военачальник 82, 108

П
Павел I, рос. импер. 110
Павлов Тодор, болг. филос., эстет 234
Павлович Димитр, болг. худ. 17, 63
Павлович Николай, болг. худ. 17, 63–64
Павлович Парфений, болг. поэт 44
Павлович Христаки, болг. просвет. 55
Палаузов Николай С., болг. учен. 44
Папюс 51
Пашич Никола., серб. премьер–министр 167–168, 172–173, 183, 167–188, 198,
Пелиссер, исп. жур. 114
Петков Димитр 61
Петков Петко 139
Петр I, рус. царь, рос. импер. 278
Петров Г., болг. учен. 164
Петряев А.М., рус. дипломат 177, 180
Пешаков Георгий, болг. поэт 44
Пиленко А.А., рос. учен. 193,196
Пенев Боян, болг учен. 225
Петкович Константин, болг. пер., дипломат 14
Погодин М.П., рус. учен., славянофил 44
Покровский Виктор Леонидович, ген.-лейт. 264
Пономарев С.И., рос. учен. 83
Пономарева Нина Николаевна, рос. учен. 1, 10–11, 21, 266–267, 300–301
Попов Д.К., болг. пер. 51
Попов Петр Харитонович, ген., атаман Великого Войска Донского 20, 239–240, 266
Попович В. 51, 66–67
Попович Райко, болг. поэт 235
Попруженко Михаил, рос. учен. 14, 20, 143
Прежбяно К.П., рус. офицер 99
Приштини Х., деят. алб. нац. движения 171
Пузыревский А.К., рус.. учен, воен. теоретик 86
Пушкин Александр Сергеевич, рус. классик 51, 230, 233, 235–236
Пытова Николета, болг. учен. 3, 11, 17, 66, 303

Р
Радев Стоян, болг. учен. 48, 50
Радзинский Эдуард, писат., учен. 93
Радичков Йордан, болг. писат. 10, 21, 52, 266–273, 275–279
Радославов Васил, болг. политик 139, 151
Радулов Д., болг. учен. 164
Райна, княгиня Болгарская, лит. герой 39
Раковский Георгий Стойков, болг. писат., рев. 9, 25–26, 42, 46, 58, 60–61
Раух Отто Егорович, рус. ген. 116–117, 126, 130–131, 135
Риза-бей, деят. алб. нац. движения 173
Ровинский П.А., рос. учен. 199
Розенбом И.И., рус. полк. 98
Романов Николай Николаевич, великий князь, главнокомандующий Дунайской армии, см. Николай Николаевич
Роникер, граф, полк. 116

Русев Радостин, болг. учен. 3, 8, 14, 212, 302

С

Самосеев Н.К., рус. офицер 196
Санданский Яне, деят. мак. нац. движения 166, 173
Сахаров М.В. 192
Сахаров, рус. офицер 118
Секретев Александр Степанович, ген. 243–244
Сивриев Сава, болг. учен. 3, 19, 147, 302
Скобелев Михаил Дмитриевич, ген.-майор 16, 28, 94, 118, 135, 139
Скрылов А.И., рус. издатель 241
Славейков Пенчо, болг. поэт 150–151, 157
Славейков Петко Рачев, болг. поэт 45, 48–49
Смирнова Ирина Николаевна, рос. учен. 158, 226, 236, 302
Смольянинова Марина Геннадиевна, рос. учен. 11, 13, 60, 64, 81, 146, 303
Снегирев Иван, рус. учен. 74
Соллогуб В.А., граф., писат. 82–83, 97–98, 105
Соловьев Владимир, рус. философ 216–217, 222
Соловьев М., рус. писат. 31
Спасов Л., болг. учен. 243
Срезневский И.И., рус. учен. 44
Сталин, 250, 256, 263
Стамболийский Александр, болг. политик 243
Стамболов Стефан, болг. поэт, рев., политик 43, 48, 50, 185, 188, 198
Стоилов К., болг. политик 184
Стоянов Анастас, болг. поэт, публицист, жур. 254–256, 258–259, 263
Стоянов Захарий, болг. писат., рев. 23, 43, 49,
Стоянов Иван., болг. учен. 170, 260
Стоянович Нафанаил, болг. монах 44
Стратиев Станислав, болг. драматург 10
Струков А.П. рус. полк. 98
Сулейман–паша, тур. полководец 120, 144
Сулин С.Ф., полк. 265

Т

Тагор Рабиндранат, инд. поэт 151
Татищев С.С., дипломат, учен. 88
Татьяна, дочь Николая II 207
Теодорович К. 61
Титов В.П., рос. посланник 27
Тодев Илия, болг. учен. 12, 18, 138–139, 144, 303–304
Толмачев Е.П., рос. учен. 90
Толстой Лев Николаевич 41–42
Томаревский Иван, белоказак 258
Тополиньска З., мак. учен. 161
Топтани, Эссад-паша, алб. военачальник, землевладелец 171–172
Тотлебен Э.И., рус. инженер-ген. 84
Траянов Теодор, болг. поэт 212–213, 215–216, 220–225,
Трефилова Ольга Владимировна, рос. лингвист, пер. 281, 304
Троцкий Лев Давидович, жур., рев., политик 183, 185, 187, 189–190, 192, 196
Труайя Анри (Л.А. Тарасов), фр. писат., учен. 92, 99
Тунман, швед. учен. 30
Тургенев Иван Сергеевич, рус. классик 10, 41
Туцович Д., серб. политик 167

У
Узенёва Елена Семёновна, рос. учен. 11
Уошборн 145

Ф
Фельдман, рус. воен. агент в Вене 95
Фердинанд Кобургский, болг. царь 19, 183–185, 187, 198, 258
Федотова Валерия Николаевна, рос. учен. 11
Филофей, старец 17
Фонарев Иван Миронович, казак-красногвардеец 257
Форбс А., брит. кор. 92, 94
Фролова Марина Михайловна, рос. учен. 3, 18, 82, 304
Фроловский Г.В. 14, 17
Фурно Р. 142–143

Х
Хитрово М.А., рус. дипломат 48
Хомяков А.С., рус. писат., славянофил 13, 44

Ц
Цанева Милена, болг. учен. 7
Цанков Драган, болг. премьер 48, 50
Ценова Юлия 15
Цветков П. 139
Ценович Д. 49
Цурри Б., деят. алб. нац. движения 173–174

Ч
Чавдарова Дечка болг. учен. 7
Чеияев, эвенк 272
Чекмарев А.И., рус. офицер
Чернуха В., рос. учен. 31, 109
Чернявский Тихон, кубанский казак 252
Чертков М.И., рос. ген.-адъютант 97
Чилингиров Стилиян, болг. учен., пер. 147–148, 151
Чириков Е.Н., рос. писат. 188, 197
Чичагов В.П., рос. учен. 90, 97
Чичагов Л.М. (о. Серафим, митрополит Ленинградский и Гдовский), учен. 101–102, 106
Чуповский Д., деят. мак. нац. движения 179

Ш
Шадрин 271
Шакир–паша Ахмет Джеват 133
Шаховской Лев Владимирович., князь, воен. кор. 18, 95, 112–114, 118–126, 129–130
Шевырев А.П., рос. учен. 88
Шемякин Андрей Леонидович, рос. учен. 184
Шерер Вильгельм, нем. филолог 23
Шефкет–паша, тур. военачальник 127
Широкорад А.Б., учен. 93
Шишманов Иван, болг. учен. 56, 227
Шлиттер Н.П., рос. полк. 97
Шолохов Михаил А., писат. 237, 259–264
Шопенгауэр Артур, нем философ 218, 223
Штрандтман В.Н. 198
Шувалов, граф, ген.-адъютант 126

Э
Эссад-паша 174, 178, 190

Ю
Юсуф Элез., деят. алб. нац. движения 173

Я
Яжборовская И.С., рос. учен. 170
Яков, митрополит Дурресский 176

SUMMARY

This work finishes a series of three scientific collections prepared by groups of the Bulgarian and Russian scientists mainly from Institute of literature of the Bulgarian academy of Sciences and Institute of Slavic studies of Russian academy of Sciences under the general title «Bulgaria and Russia: XVIII–XXI centuries». The subtitle of the last collection sounds as «Creation, existence and destruction of stereotypes», and it affected the nature of articles published in it. Their authors discuss a wide range of scientific problems, beginning from traditional ideas of the wife in the Bulgarian proverbs and sayings and finishing fictions of russophobes in modern Bulgaria. The researches concern a contribution to the Bulgarian Culture of the Russian emigrants who appeared in the country after the Civil War 1918-1922 in their Motherland. Some of them were prototypes of the literary heroes of the novel «Quiet follows the Don» by Sholokhov. A number of articles is devoted to perception of Bulgaria and Bulgarians by the Russian people who got to the country during the Russian-Turkish wars of the XVIII–XIX centuries, or literary activity of the Bulgarians students of educational institutions of Russia. The small section is made also by articles opening unexpected sides of creativity, apparently, of the famous Bulgarian authors. The collection is addressed not only to narrow experts, but to all these who pay interest to problems of History and the Culture of Bulgaria and Russia.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СБОРНИК 1

Российская академия наук
Институт славяноведения

Болгарская академия наук
Институт литературы

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII–XX вв.):
ВЗАИМОПОЗНАНИЕ. М., 2010

Ответственные редакторы

доктор филологических наук, главный научный сотрудник *Г.Д. Гачев*

доктор филологических наук,
старший научный сотрудник I ст. *Р. Дамянова*

Члены редколлегии

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник *Г.К. Венедиктов*

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник *И.И. Калиганов*

доктор, старший научный сотрудник I ст. *Л. Минкова*

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник *Н.Н. Пономарева*

доктор, научный сотрудник II ст. *Н. Пытова*

доктор, старший научный сотрудник II ст. *Р. Русев*

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник *М.Г. Смольянинова*

Содержание

От редколлегии:

Г.Д. Гачев. О многогласии в науке (вместо предисловия)

Р. Дамянова. Болгария и Россия: взаимопознание (некоторые размышления)

I. Представление друг о друге у болгар и русских

Г.Д. Гачев. Образ болгарина у «западника» Тургенева и «славянофила» Леонтьева

Я. Милчаков. Социология забытых литературных культов (А.Н. Апухтин и М.П. Арцыбашев)

И.И. Калиганов. Большевистская Россия в болгарской маргинальной литературе 20–40-х гг. XX века

Н.Н. Пономарева. Комедии Йордана Радичкова и Станислава Стратиева в Советском Союзе

Р. Русев. Русская эмиграция в Болгарии 1918–1944 гг. (в контексте русско-болгарского диалога, межславянского культурного общения и славянской идеи)

В. Балевский. Трагичная судьба деятелей славянской культуры (Размышления над книгой «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век». Москва: Индрик, 2006

М.Г. Смольянинова. Иван Вазов и Федор Достоевский о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

К. Михайлов. Престиж и престижность в болгарском обществе

Э. Тачева. Одесса и Одесский круг болгарских литераторов в литературном контексте Болгарского возрождения

II. Литературные встречи и пересечения

Д. Иванова. Русские издания Библии и болгарская традиция перевода Библии в эпоху Возрождения

Г.К. Венедиктов. Первые болгарские возрожденческие книги в Москве

Л. Минкова. Захарий Княжеский и русско-болгарские связи второй половины XIX в.

Ю. Николова. «Свадьба» — неизвестный перевод гоголевской «Женитьбы» 1870 года (функциональные и смысловые инвенции)

Д. Господинов. Русская литература и возникновение жанра романа в болгарской литературе

Х. Манолакев. П.Р. Славейков и М.Ю. Лермонтов (о вероятном и интертекстуальном диалоге в поэме «Источник белоногой»)

Р. Илчева. Болгары и Болгария в русской романтической поэме первой трети XIX в.

В. Добрева. Фигура чужепоклонника в болгарской возрожденческой комедии

А. Вачева. О предполагаемом образце комедии Добри Войникова «Плохопонятная цивилизация («Бригадир» Д.И. Фонвизина)»

Н. Пытова. Фрагменты из публицистики Р. Жинзифова и полемика о болгарской национальной идентичности

К. Кунчев. На периферии Российской империи (болгарское обычное право, азиатский адат, каноны шариата и поэма Г.С. Раковского)

Д. Чавдарова. Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова: (не) проблематичная любовь

Н.В. Злыднева. Гео Милев в зеркале русского авангарда

Ц. Ракёвский. Авангардное и поставангардное: «Сентябрь» и «Египетская марка»

С. Стойчева. Николай Рерих и Николай Райнов

М. Костова-Панайотова. Бунтарь и покорный грешник (Агасфер Николая Минского)

Н. Попаз-Кула. Голос русской литературы в поэзии бессарабских болгар

В.Н. Федотова. Болгарская музыка в России

III. Памяти Георгия Дмитриевича Гачева

Р. Дамянова. In memoriam

И. Радев. О Георгии Гачеве — не по-«гачевски»

Н. Драгова. Портрет Георгия Гачева (написанный в технике коллажа)

С. Таринска. Георгий Гачев и Болгарское Возрождение

Э. Константинова. «Отец мой во мне»

К. Топалов. Задача — Гачев

Я. Милчаков. Неспокойный мыслитель

А. Йорданов. Национальный образ мира как апология различия

IV. Приложения

Авторы статей

Именной указатель

СБОРНИК 2

Българска академия на науките
Институт за литература

Руска академия на науките
Институт по славянознание

БЪЛГАРИЯ и РУСИЯ (XVIII — XXI век) — ПЪТИЩА и КРЪСТОПЪТИЩА
/ БОЛГАРИЯ и РОССИЯ (XVIII — XXI вв.): ПУТИ и ПЕРЕПУТЬЯ.
София, 2017

Редакционна колегия / Редакционная коллегия

Румяна Дамянова (главен редактор / главный редактор)

Игорь Калиганов (главен редактор / главный редактор)

Радостин Русев (заместник главен редактор / заместитель главного редактора)

Николета Пытова (секретар / секретарь)

Камен Михайлов

Елена Узенёва

Григорий Венедиктов

Виктор Косик

Съдържание / Содержание

I. Историята като кръстопът / I. История как перепутье

Румяна Дамянова. Думи за начало / Слово о начале

Илия Тодев. «*Българският проект*» — кръстопътна утопия или пропусната магистрала / «*Болгарский проект*» — перекрестная утопия или пропущенная магистраль

Виктор Косик. Русский вопрос в болгарском зеркале

Игорь Калиганов. Освобождение болгар от османского ига в русской художественной литературе XX в. (Листая страницы юбилейного сборника «Герои Шипки»)

Камен Михайлов. Проектът за непостигнатата Русия / Проект неосуществленной России

Васил Балевски. Новата руска емигрантска литература — Виктор Суворов / Новая русская эмигрантская литература. Виктор Суворов

Марина Смольянинова. Болгария и московские славянофилы XIX в.

Радослава Илчева. Корниловският полк в България (По повод 100-годишнината от основаването му) / Корниловский полк в Болгарии (в честь столетия со дня сформирования).

II. Литературни и културноисторически контакти / II. Литературные и культурно-исторические контакты

Лиляна Минкова. Константин Петкович — първият българин в Петербургския университет / Константин Петкович — первый болгарин в Петербургском университете

Георгий Венедиктов. Георгий Бусилин в Москве

Николета Пытова. Подстъпи към история на българската литература (руски и чешки контексти) / Подступы к истории болгарской литературы (русский и чешский контексты)

Христо Манолакев. Константин Василиевич Мочулски в България / Константин Васильевич Мочульский в Болгарии

Нина Димитрова. Достоевский в българката междувоенна хуманитаристика — «юбилейният» и «делничният» / Достоевский в болгарской межвоенной гуманитаристике — «юбилейный» и «будничный»

Магдалена Костова-Панайотова. «Ныне он хвалит только самого себя»: Анатолий Мариенгоф — дендизм поэта

Нина Пономарева. Болгарская комедиография XX в. в типологических параллелях с русской

Радостин Русев. Български образи, теми и реалии в руската художествена проза (краят на XX и началото на XXI в.) / Болгарские образы, темы и реалии в русской художественной прозе (конец XX — начало XXI в.)

Мария Китанова. Влияние на руската лингвистика върху българската през втората половина на XX в. / Влияние русской лингвистики на болгарскую во второй половине XX в.

Максим Макарцев. Категория *дистанции* и *л*-формы в сообщениях о России в болгарской печати второй половины XX века

Милена Божикова. «Вторият пол» в музиката: феминизацията като еволюция в композирането през XX в. / «Второй пол» в музыке: Феминизация как эволюция в композиторстве XX в.

Румяна Дамянова. Българският публицистичен глас от втората половина на XIX в.: «Къде отиваме ний?» / Болгарский публицистический голос второй половины XIX в.: «Куда мы идем?»

Авторите в сборника / Авторы сборника

Именен показалец / Именной указатель

Научное издание

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII — XXI ВВ.)
СТЕРЕОТИПЫ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, БЫТОВАНИЕ,
РАЗРУШЕНИЕ

Художественный редактор *П.К.Донской*
Редактор *О.В. Трефилова*
Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 23.05.2019 г.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20. Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96.

ISBN 978-5-7576-0427-5

